

29. ИЮЛ 1974.

ТРУДЫ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО
ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

Выпуск 35—Часть I-я
(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения

САРАТОВ 1926

29 ИЮЛ 1974

19. VII. 26

ТРУДЫ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО
ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

Выпуск 35—Часть I-я
(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения

САРАТОВ 1926

Главлит АССРНИ № 106.

Тираж 600 экз.

ГОР. ПОКРОВСК.
Типография «Немгосиздата»
1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1. Т. М. МИНАЕВА и П. Д. РАУ. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г.	5—21
2. А. Н. КУШЕВА. Материалы для изучения культуры Суловского могильника	23—40
3. Б. В. ЗАЙКОВСКИЙ. Из монетной летописи и/Волжского края	41—49
4. А. А. КРОТКОВ. Сферо-конические сосуды из археологического отдела Саратовского Обл. Государств. Музея	51—65
5. И. АРЗЮТОВ. Памятники Золотоордынской эпохи в и/Поволжья по данным раскопок и разведок 1924 г. .	67—78
6. И. АРЗЮТОВ.—К вопросу о так называемой «Рогожной» керамике (по материалам Археологического Отдела Саратовского Обл. Государств. Музея)	79—84
7. А. А. ГЕРАКЛИТОВ. Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII—XVIII в.	85—86

О Т Ч Е Т

об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году.

Т. М. Минаевой и П. Д. Рау.

Летом 1924 года проф. И. С. Рыковым было поручено нам обследовать в археологическом отношении среднее течение р. Торгуна. Разведки наши охватили прибрежный район от ст. Палласовки Р.-У. ж. д. до хут. Шульц. По этой линии расположены населенные пункты: села Ней-Веймар (в 5-ти верстах от Палласовки вниз по течению реки) и Альт-Веймар; хутора — Крахмал (в 15-ти верстах) и Шульц (в 23-х верстах). Первые три пункта находятся на правом, последний на левом берегу реки.

Рельеф исследованной местности крайне однообразен: повсюду ровная степь по которой разбросаны кочкообразные холмики, разбухшие от норок гнездящихся в них сусликов. У изгибов и поворотов реки ровные террасы, покрытые то более, то менее мощными наносами, образовавшимися частью от сползшего древнего берега, частью от половодий. Кое-где местность изрезана отлогими неглубокими оврагами и травянистыми впадинами, т. е. лиманами.

Берега реки осмотрены между ст. Палласовкой и с. Ней-Веймар, от с. Альт-Веймар—три версты вниз, от х. Шульц—пять верст вверх.

На этом пространстве обнаружены остатки древних культур: у с. Альт-Веймар в виде единичных находок черепков, от х. Шульц вверх, в разных местах на террасах, по обеим сторонам реки в виде селниц и стоянок, и по всей местности в виде курганных групп.

Стоянки у р. Торгуна не похожи на распространенный и известный тип дольных стоянок, которые дают обнаженные культурные слои или их просеянное содержимое и бывают легко находимы и доступны. Торгунские стоянки скрыты под почвой— в наносах террас и береговых скатов и только благодаря работе сусликов материал их попадет на поверхность или обнаруживается в обрывах берега.

Стоянок на отлогих скатах берегов обследовано две на правом и левом берегу у х. Шульц. Остатки в обрыве берега обнаружены в четырех местах выше х. Шульц.

Стоянка на правом берегу, против х. Шульц, тянется узкой полосой вдоль террасы вверх, почти на целую версту. Культурный слой скрыт в слое почвы, мощностью от 0,5 м. до 0,8 м., но часть материала стоянки оказалась выброшенной сусликами на поверхность. Памя собраны черепки посуды как на поверхности, так и из небольшой траншеи, проложенной приблизительно, в середине площади стоянки. Большинство из них без орнамента. Это черепки, обычно, крупного размера,

толстостенные, среднего обжига, причем закалина на наружной стороне черепка, глина без примесей. Орнаментированные обломки посуды имеют тот же обжиг, ту же чистую по составу глину, но стенки их несколько тоньше. Элементами орнамента являются — крупно и мелко-зубчатый чекан, мазок и маленькая ямочка. Среди черепков встретились обломки плоского дна, обломки боковых стенок и горла с сохранившейся закрайкой. Закрайка иногда ровная, иногда утопшена. Судя по этим остаткам, сосуды данной стоянки были вполне аналогичны керамике стоянок и селищ бронзовой эпохи, довольно густо разбросанных по территории Саратовского Поволжья¹⁾.

Стоянка на левом берегу, несколько выше по реке, в полверсте от х. Шульц, у ската оврага, так же как и первая, скрыта под слоем почвы. В земле, выброшенной из канавы, перерезавшей стоянку вдоль, оказались черепки посуды бронзовой эпохи с орнаментом и без него и одно кремневое орудие нуклеидный скребок, очень маленького размера (диаметр основания 1 ст.). Патина на нем серо-голубоватого цвета.

В полутора верстах от х. Шульц, в обрыве левого берега, нами были найдены черепки того же типа, что и на упомянутых стоянках, кости животных, обломки кварцита; находки редко рассеяны до глубины 0,75 ст. от поверхности.

В трех—четыре верстах от х. Шульц, на левом берегу реки, также были сделаны находки в обрыве берега: обломки кремня, кварцита и костей животных.

Еще дальше вверх по течению реки, на той же левой стороне, в береговом обрыве мы собрали черепки посуды бронзовой эпохи, кремневые и кварцитовые обломки. В 1922 году Н. Д. Рау находил здесь обломки мелких кремневых орудий.

Курганы встречаются на всем протяжении исследованной нами прибрежной полосы—чаще в небольших скоплениях и кладбищах и очень редко в виде одиночных насыпей. Между ст. Палласовкой и с. Ней-Веймар, на левом берегу, имеется одна группа из 4-х насыпей: между с.с. Ней-Веймар и Альт-Веймар—несколько одиночных курганов; от Альт-Веймара к х. Шульц тянется почти беспрерывный ряд курганов и курганных групп

Ради удобства при описании и большей точности курганы разбиты на группы и приурочены к населенным пунктам: три группы у с. Альт-Веймар—правобережная, левобережная и группа за оврагом—к 3. от села; 2 группы у х. Крахмал 6 групп у х. Шульц—1, 2, 3 правобережные и столько же левобережных.

Курганы обследованной местности в большинстве случаев расположены в целинных степях (лишь две правобережные группы у с. Альт-Веймар были один год под лашней), что дает возможность более детально изучить их формы. Преобладают небольшие насыпи от 8—15 м. в диаметре и 25—30 ст. высоты. Но в каждой группе встречаются по одной или несколько насыпей более крупных размеров—до 2—2^{1,2} мет. высоты. Возле всех курганов заметны углубления, из которых взята земля для сооружения могильного холма. Углубления эти или окружают кольцом основание кургана, или, в виде более или менее глубоких впадин, располагаются с одной стороны кургана, или же находятся в стороне от насыпи, причем их величина всегда стоит в соответствии с высотой кургана.

¹⁾ А. А. Сплицын—Саратовские стоянки медного века—Труды Об-ва Ист. Ар этногр. при Сарат. Ун-те. вып. 34, ч. 1.

Внешний вид могильного холма у разных курганов неодинаков. Относительно могил Торгуна можно установить три главнейшие формы насыпи: 1) насыпи, имеющие в вертикальном разрезе вид правильного сегмента, 2) насыпи с крутым северным и покатым южным склоном и 3) насыпи с плоской вершиной, имеющие форму невысокого круглого плато. Основание таких насыпей всегда правильная окружность. Насыпи с плоской вершиной, в форме плато, наблюдаются преимущественно в низинах, но в менее влажных. Их вершина смыта дождями, а края сохранили крутизну благодаря растительности, главным образом ковылю, растущему в этих низинах.

Поскольку позволяют заключать уже сделанные наблюдения, форма насыпи обуславливается не только географическими условиями места ее расположения, но находится в какой то зависимости от характера культуры, памятником которой является курган. Так, насыпи первого рода, т. е. имеющие в разрезе вид правильного сегмента, главным образом характерны для курганов поздне-кочевнических. Насыпи с плоской вершиной скрывают культуры более древние.

Среди Торгунских курганов замечены также в сильнейшей степени распыленные насыпи, насыпанные быть может в бронзовую эпоху обитателями Торгунских стоянок.

Одной из главных особенностей Торгунских могил является часто встречающиеся случаи расположения их в низинах, где нередко застаивается весенняя вода. Такое положение имеет кладбище № 3 у х. Шульц, группа у с. Альт-Веймар (правый берег) и ряд маленьких групп и отдельных курганов по обеим сторонам реки. Следствием такого выбора места оказывается подчас чрезвычайная плотность насыпи и засыпки могильной ямы

В упомянутых курганных группах нами раскопано у с. Альт-Веймар на правом берегу одна насыпь, на левом—пять насыпей; у х. Шульц в 1-й правобережной группе одна насыпь, в 3-й правобережной 3 насыпи и 3-й левобережной—2 насыпи. Всего вскрыто 12 курганов

В выборе могил для раскопок нами руководило желание познакомиться с характером различных курганных групп, чтобы уяснить себе, какие культуры могут встретиться в данном районе. Кроме того, мы старались раскапывать самые низкие иногда едва заметные насыпи. Высота раскопанных нами курганов варьировала от 0,20 м. до 0,55 м.

За исключением кургана № 10 из 3-й левобережной группы у х. Шульц и впускного погребения кургана № 11 той же группы, о которых будет сказано ниже, все одиннадцать курганов оказались родственными по своему культурному облику, укладываясь в целом в скифо-сарматскую эпоху, хотя и отмечая в ней разные хронологические моменты.

Наиболее древним из этих курганов можно считать кург. № 2 (с Альт-Веймар, левый берег реки), погребение которого было ограблено. Он характеризуется присутствием в насыпи костей коня со следами обжига, мелкой могилкой, видимо, округлой формы и двумя бронзовыми трехгранными стрелами, сохранившимися в норке суслика от руки грабителя могилы. Одна из стрел имеет втулку и отверстие посредине одной из граней; другая полуразрушена, с черенком. Черепки сосуда, стоявшего возле могилы в насыпи, настолько мелко раскрошились, что не оказалось возможным не только реконструировать, но даже приблизительно представить форму сосуда, можно лишь отметить, что он был из грубой, плохо обожженной глины.

Несколько позволяя заключать столь неполные данные, погребение аналогично некоторым из могил по реке Поповке (Тенетвики), исследованным А. А. Бобринским¹⁾. Основанием считать его наиболее древним, по сравнению с другими могилами, о которых ниже, является находка двух бронзовых трехгранных стрел, которые в Саратовском Поволжье в курганах римской эпохи более не встречаются. Мы их находим в могилах на ряду с железными мечами с сердцевидным перекрестием (кург. № 5, погребение 3 у г. Покровска²⁾) и керамикой скифского типа.

Курганы № 1, 3—9, 11—12 отображают собою культуры Н. Поволжья в эпоху римской империи. Они могут быть разделены на две хронологически последовательные стадии. К первой, ранней стадии относятся семь курганов:

Кург. № 3, 5, 6—с. Альт-Веймар, левый берег реки.

„ № 7, 9—х. Шульц, правый берег, 3-я курганная группа.

„ № 11—х. Шульц, левый берег, 3-я курганная группа.

„ № 12—х. Шульц, правый берег, 2-я курганная группа.

Ко второй, позднейшей, три кургана:

Кург. № 1—с. Альт-Веймар, правый берег.

„ № 4—с. Альт-Веймар, левый берег.

„ № 8—х. Шульц, правый берег, 3-я курганная группа.

В основу такой классификации вскрытых нами могил положен характер погребального инвентаря и отчасти ритуала. Классифицировать курганы Н. Поволжья рассматриваемой эпохи, с целью определения их места во времени, по форме могильного сооружения не представляется возможным. Судя по однохарактерности, иногда тождественности инвентаря, явно одновременные погребения полагаются в могилах самого различного устройства. К подобному выводу приводят сделанные наблюдения не только на курганами Торгуна, но и Суловского могильника³⁾. Как среди первых, так и среди последних имеются несколько форм могил, как-то: квадратная, удлиненная, четырехугольная, как производная этой формы—удлиненная с заплечиками, округлая, могила с подбоем, при чем форма подбоя варьирует, но погребальный инвентарь—керамика, предметы вооружения и украшения идентичны. Ритуал погребения, характеризуемый присутствием при покойнике костей барана, чаще лопатки, с железным ножом, посыпки ложа покойника известью, так же объединяет погребения из могил разного устройства. Группировка погребений по формам могил создала бы пестроту, затемняющую картину эволюционного развития культур Н. Поволжья рассматриваемой эпохи.

Может ли такое явление быть обуславливаемо социальной градацией погребенных или же пестротой племенного состава населения—пока судить рано, для того еще материала далеко недостаточно.

Могильные сооружения курганов первой стадии могут быть разбиты на четыре типа.

I. Могила с подбоем. К этому типу относятся три могилы: кург. № 6, 7, 12. Формы, как подбоя, так и могильного входа этих трех курганов не повторяют буквально друг друга. Курган № 6 имел могилу с подбоем в западной стенке. Могильный вход в форме удлиненного овала, ориентированного по линии Ю—С. Подбой, дно которого несколько глубже дна входа, полусводчатой формы. От входной ямы

¹⁾ Бобринский—Курганы и случайные находки близь м. Смелы, т. II, гл. VIII.

²⁾ Раскопки проф. П. С. Рыкова

³⁾ См. П. Рыков—«Суловский курганный могильник». Саратов, 1925.

он отделялся заслоном из деревянных брусев и веток. Могильный вход сверху был прикрыт плахами в продольном направлении. Могила кургана № 7 была с полусводчатым подбоем весьма незначительных размеров. Могильный вход в форме четырехугольной ямы с закругленными углами, ориентированной с ЮЗ на СВ. Могильная яма кург. № 12 имела подбой в виде четырехугольного ящика в С. З. стенке по длине короче могильного входа. Входная яма неправильно-овальной формы, ориентирована с ЮЗ на СВ. В юго-восточной стенке оказался второй подбой неустановленной формы, дно которого было на 15 см. выше дна могильного входа. Признаков заслона или верхнего покрытия не было.

II. Четырехугольная широкая могила с заплечиками. Этот тип выявлен одним курганом № 11. Могильная яма этого кургана делилась на две части: первая, верхняя, представляла широкий четырехугольник, с весьма тщательно обработанными стенками. На глубине 2,53 м. могила суживалась благодаря заплечикам. В этой нижней части ее помещался деревянный склеп в форме прямоугольного ящика ориентированного с С на Ю. Стенки его были сделаны из толстых дубовых досок, но углам скрепляемых крупными дубовыми столбами. Потолок поддерживался толстыми балками продольного направления и заплечиками. Балки при раскопке оказались провалившимися почти на дно могилы. Судя по тому, что угловые столбы были значительно выше уровня заплечиков, можно предположить, что склеп имел не только потолок, но и крышу, поддерживаемую этими столбами. Этот тип погребального сооружения вполне совпадает с V группой могил Сусловского могильника, отличаясь от последних большими размерами. Замечание проф. П. С. Рыкова о том, что эти могилы «были изготовляемы более богатыми семьями»¹⁾, подтверждается и погребальным сооружением и инвентарем данной могилы.

III. Могила в форме сильно удлиненного овала. Такая форма встретилась в курганах № 5 и 9.

IV. Могила круглой формы. Тип выявлен одним курганом № 3. В яме было устроено некоторое подобие склепа в виде круглой плетенки из веток, перекрытой плашками.

Положение костяков во всех могилах первой стадии оказались одинаковым: на спине, вытянутое, с руками вдоль туловища (случаи, когда костяк потревожен сусликами или при ограблении могилы, не принимаются во внимание). Ориентировка их разнообразна. Три костяка были ориентированы на Ю: два на ЮЗ и один на З.

Как общую для большинства погребений первой стадии черту ритуала должно отметить присутствие при погребенных костей барана с железным ножом. Посыпка ложа покойника известью оказалась в курганах № 6, 7, 11 и 12.

Могилы этой стадии имели довольно богатый количественно инвентарь, к описанию которого мы и переходим.

КУРГАН № 3.

1) Обломки железного кинжала. Рукоять не сохранилась.

2) Железные удила с железными кольцами.

3) Точильный брусок четырехгранной формы со сверлиной у одного конца.

Длина 13,5 см. Нижний конец сильно сточен.

¹⁾ П. С. Рыков — Сусловский могильник, стр. 3 Саратов, 1925 г.

КУРГАН № 5.

Могила была ограблена. Сохранились черенки от двух сосудов. Судя по этим черенкам, один из них был изготовлен на гончарном круге из серой тщательно промытой глины, сильного обжига, имел тонкие стенки и полированную наружную поверхность.

Второй сосудик был маленького размера с перехваченной шейкой и отогнутым краем из глины грубо отмученной, плохого обжига.

КУРГАН № 6.

1) Маленькая плочка с прямым низким бортом и очень узеньким плоским дном. Глина тонко промыта, сильного обжига. Внутренняя и внешняя поверхности отполированы.

2) Горшок с прямой высокой шейкой и рельефным бортом по наружной стороне края. Высота 16 см. Глина серого цвета, сильного равномерного обжига. Наружная поверхность отполирована. Изготовлен на гончарном круге.

3) Горшок грушевидной формы. Отогнутый край срезан волнообразно. Высота 16 см. Глина грубая, темно-серого цвета, обжиг слабый.

4) Глиняное шаровидное пряслице.

5) Несколько десятков линзовидных бус голубой окраски.

КУРГАН № 7.

1) Кружка грушевидной формы с утоньшенным отогнутым краем и кольцевидной ручкой с боку. Высота кружки 11 см., диаметр ручки 2 см. Глина темно-серого цвета тонко промытая, хорошего обжига. Наружная поверхность отполирована.

2) Шаровидный горшочек с цилиндрической шейкой. Высота 8,5 см. Глина грубая. Наружная и внутренняя поверхности прокалены до красна. Вылеплен от руки.

В этой же могиле находились черенки от двух кувшинов из тонко отмученной серой глины сильного равномерного обжига с отполированной наружной поверхностью.

3) Железные трехперые наконечники стрел со стержнями.

4) Бронзовая круглая пряжка, диаметром 3 см. с прямой иглой.

5) Маленькая конусовидная подвеска из кости со сверлиной посредине.

6) Бронзовая пластинчатая обойма длиной 3 см., шириною 2,5 см. Небольшое железное плоское кольцо. Две последних вещи являются остатками какого-то предмета, лежавшего на груди мальчика.

КУРГАН № 9.

1) Железная круглая пряжка диаметром 2,5 см. с прямой иглой.

2) Пять железных трехперых стрел.

3) Железный полуразрушенный предмет в виде кельта, длиной 6 см., шириною у верхнего края 4 см.

4) Обломки узкого железного ножа.

КУРГАН № 11.

1) Крупный толстостенный горшок шаровидной формы с прямой низкой шейкой и отогнутым утолщенным краем. Глина грубая, плохого обжига.

- 2) Медный котел конической формы с двумя вертикальными дугообразными ручками у края, высота 21 см.
- 3) Бронзовое фрагментированное зеркало с выступающим бортом на задней стороне диаметра 18 см.
- 4) Бронзовое пряслице в виде невысокого цилиндра диаметром 2,5 см.; вокруг центральной сверлины пять сквозных дырочек.
- 5) Бронзовая маленькая подвеска в форме скифского котла на ножке с вертикальными ручками у края, украшенными тремя шишечками.
- 6) Бусы: а) из сердолика—крупные, шаровидные, цилиндрические, круглые, уплощенные, в) из стекла—цилиндрические, боченочные, круглые позолоченные, плоские, граненые: с) из коралла—мелкие цилиндрические и круглые; д) подвески крупных размеров из веточек коралла.
- 7) Обломки железного предмета, скорее всего ножа.
- 8) Полуразрушенный костяной предмет с плоским верхним краем, украшенным по сторонам зубчиками.

КУРГАН № 12.

- 1) Горшок шаровидной формы с воронкообразной шейкой. По плечикам врезанные круговые линии, ниже которых, в виде бахромы спускаются вертикальные параллельные нарезки. Глина серого цвета, высокого обжига, наружная поверхность отполирована изготовлена на гончарном круге.
- 2) Кувшин с низкой шейкой и отогнутым краем. Высотой 20 см. Ручка отломана, наружная поверхность отполирована. По бокам орнамент в виде круговых горизонтальных бороздок, от которых спускаются попарно вертикальные.
- 3) Железный меч с кольцевидным навершием и брусовидным перекрестием. Длина вместе с рукоятью 40 см.
- 4) Железный кинжал с брусовидным перекрестием и таким же навершием. Длина с рукоятью 30 см.
- 5) Несколько трехперых железных стрел.
- 6) Круглая бронзовая пряжка диаметром 3 см.
- 7) Обломки железного ножа.

Первое место по количеству среди этих вещей занимает керамика, сопро-вождавшая за исключением кург. № 3 все погребения. Она делится на два резко между собой различающихся сорта. Первый и количественно и качественно высший, характеризуется прежде всего изготовлением сосудов на гончарном круге. Техника приготовления и обжигания глины отличается высокими качествами. Глина во всех случаях тщательно промыта, иногда особенно тонко отмучена, обжиг сильный, равномерно прокаливает стенки, благодаря чему глина в изломе одноцветная. Окраска ее темно серая. Наружная поверхность сосуда отполировывается, причем полировка не равнокачественна. В лучших случаях она придает поверхности блестящий черный цвет (кружка из кург. № 7), в худших—это только весьма тщательное сглаживание стенки сосуда, отчего она приобретает матовую серой окраски поверхность.

Формы керамики могут быть сведены к четырем видам: кувшин, горшок, кружка и плошка или чашка. Кувшины имеют или сильно раздутую, несколько сплюснутую сверху нижнюю часть и высокую прямую шейку, или же стенки основной части отлого переходят в довольно широкую и низкую шейку. Ручки их

го плоские, то двойные круглые или витые. Изгиб ручек обычно дугообразный, и в одном случае двойная круглая ручка оказалась согнутой в верхней части по прямому углом (кург. № 7). Профиль сосуда, какой бы формы он ни был, отличает правильностью и изяществом линии.

Предметы вооружения, встреченные в четырех курганах (№№ 3, 7, 9, 12) выражаются железными грехперыми стрелами и железными кипжалами с брусом видным перекрестием.

В наряде главную роль играют бусы, встретившиеся в кург. № 6 как украшение обуви и в могиле № 11 как ожерелье, украшение рукавов одежды и шаровар (см. дневник).

Для того, чтобы приобрести большую уверенность и более твердые основания в суждении о времени только что рассмотренных погребений, мы должны и поставить в общий ряд аналогичных им могил Н. Поволжья. Таковые имеются в значительном количестве. Мы разумею здесь часть погребений Суловского могильника (могилы V и VI групп)¹⁾, курган вскрытый П. Ф. Волковым бл. с. Большая Дмитриевка Атк. у. и курганы у с. Гусевки, Царицынского у. исследованные П. П. Грековым (о всеми этими курганами Торгунские могилы связываются в однородное целое как формами погребальных сооружений, так и инвентарем, наибольшее значение в этом смысле имеет керамика и предметы вооружения).

Дата Больше-Дмитриевского кургана дается его бронзовой каструлей и медным кованым котелком²⁾, которые являются римскими фабрикатами ранне императорской эпохи. В инвентаре Суловских могил, родственных Торгунским, имеются предметы украшения и мелкие поделки, время распространения которых на основании исследований в Кубанской области и некрополей причерноморских колоний так же может быть определено ранней стадией римской эпохи. Укажем для примера на албастровые сосудики с пластическими украшениями в виде зверей (кург. № 47) на мозаичные бусы (кург. № 57) на бронзовую тарелку римского производства из кургана, вскрытого в том же могильнике пастором Бератц.

Железные мечи с брусовидным перекрестием и кольцевидным навершием древностей юга России и северного Кавказа, с которыми инвентарь могил Н. Поволжья в целом находится в теснейшей связи, датируется временем около начала нашей эры³⁾.

На основании указанных данных мы и относим семь рассмотренных Торгунских могил к ранней стадии эпохи римской империи, полагая, что центральным временем их появления могли быть I—II вв. нашей эры.

В Т О Р А Я С Т А Д И Я.

Формы могильных сооружений и этой стадии разнообразны. Кург. № 1 имел могилу с полусводчатым подбоем. Могила кург. № 4 оказалась четырехугольной с закругленными углами, суживающейся ко дну. Кург. № 8 имел весьма своеобразную яму в виде удлиненного овала с несколько втянутой одной стороной, от чего могила приобретала очертания человеческой подошвы. Ширина ее была столь незначительной, что для помещения в ней умершего пришлось слегка подбить одну из стенок.

¹⁾ П. С. Рыков. Суловский могильник. Саратов, 1925.

²⁾ А. А. Спицын. — Археологический альбом. Рис. 20. З., Л. О. т. VIII.

³⁾ М. И. Ростовцев. Скифия и Басфор. Лен., 1925 г.

Погребенные полагались на спине с вытянутыми ногами и руками вдоль туловища, исключая могилы № 1, где у умершего руки были скрещены на тазу, а ноги слегка согнуты в коленях.

Ориентировка в двух случаях на С (мог. № 4 и 8) в одном на ЮВ (мог. № 1).

Ритуал погребения, по сравнению с могилами первой стадии, несколько видоизменяется; не наблюдается посыпки ложа покойника или его самого известью и не считается обязательным, хотя и не воспрещается, полагать погребенному мясо барана с железным ножом.

Инвентарь погребения оказался бедным.

КУРГАН № 4.

1) Кувшин из желтой глины с прямой шейкой, утолщенным, слегка отогнутым краем и плоской широкой ручкой. Высота 25 ст. По верхней и нижней части шейки параллельные круговые бороздки. Изготовлен на гончарном кругу.

2) Маленькое блюдечко, диаметром 8 ст. из красной глины. Обе поверхности покрыты красной краской. Посредине два дырочка.

3) Глиняное пряслице формой имитирующее горшочек.

4) Бронзовое зеркало диаметром 6 ст. По краю мелкие дырочки, густо посаженные. На задней стороне несколько концентрических линий

5) Два спиральных обломка от бронзового проволочного предмета, скорее всего фибулы.

6) Бронзовые плоское маленькое колечко.

7) Железное круглое кольцо диаметром 6 ст.

8) Бусы: из коралла — цилиндрические, из гешира — граненые, из сердолика — шаровидные; из стекла — мелкие голубоватые, в виде кольчатых цилиндриков; и нек. др.

9) Две подвески: из сердолика конической формы и круглая золотая с ушком; ободок украшен зернью, в середине вставлено цветное стеклышко.

КУРГАН № 8.

1) Четырехугольный горшочек, высотой 4 см. Верхний край плоско срезан. На каждой из сторон врезан крест. У края двух противоположных сторон дырочки. Глина грубая, совсем слабого обжoga.

2) Два сфероконических пряслица.

3) Одно глиняное цилиндрическое пряслице высотой 2 ст.

4) Створка речной раковины с куском мела и красной краски в ней.

5) Кусок мела конической формы со сбитым верхним концом. Длина его 5.5 ст., диаметр основания 3.5 ст.

6) Обломки железного предмета, скорее всего ножниц.

На основании такого скудного инвентаря определить хронологическое место могил оказалось бы довольно затруднительным, если бы на помощь не пришел материал более показательных погребений суловского могильника и курганов у дер. Машевки, Балашовского уезда, Саратовской губ., раскопанных А. А. Спициным в 1895 году¹⁾. Объединяясь некоторыми вещами, как четырехугольные сосудики, железные ножницы, фибула, граненые бусы и деформацией черепов, с Торгунскими могилами, суловские курганы и курганы у дер. Машевки выявляют дату их более определенно. Наиболее показательными в смысле датировки могил можно считать

¹⁾ ОАК, 1895 г.

бронзовые фибулы с плоской дужкой (сусл. кург. № 52), эмалевые фибулы с многогранным щитком, бронзовые круглые подвески (сусл. кург., № 6, 7), арбалетные фибулы (кург. № 12 у Виземиллера), мечи без перекрестья со стержнем. Железные трехперые стрелы более не встречаются, в позднейших могилах этой стадии их заменяют железные плоские (курган на Торгуна, раскопанный П. Д. Рау в 1921 г.). Глиняная посуда высокой техники также отсутствует; горшки находящиеся в могилах изготовлены от руки, довольно небрежно; формы их бедны, однообразны.

Эти данные и определяют время возникновения могил поздней стадии римской эпохи (III—IV вв. н. э.).

Вопрос об этнической принадлежности исследованных нами курганов может быть трактован только в общем обзоре памятников рассматриваемой эпохи на протяжении всего юга и юго-востока России, что, разумеется, не может войти ни в объем, ни в задачи данного отчета.

Погребения кургана № 10 и первое впускное в кургане № 11, как выше было указано, выделяются из группы курганов римского времени.

Первое из них было устроено в узкой и довольно глубокой могиле с полуовальными концами. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головою на З. Вещей при нем не оказалось. Погребение было прикрыто накатником из дубовых и березовых досок, поставленных наклонно поперек могилы.

Впускное погребение кург. № 11 несколько разнилось от предыдущего. Умерший погребен был, видимо, в сидячем положении, лицом к северу-востоку. Ему в могилу был положен череп лошади, причем нижняя челюсть лежала у ног, а остальная часть в засыпи над бедрами. Из вещей оказалось только маленькая круглая железная пряжка, да остатки железных удили.

Считать однородными между собою эти два погребения едва ли возможно, слишком существенна разница в ритуале. Как то, так и другое должно быть отнесено к разряду т. называемых позднечечевических погребений, точная хронологическая датировка и этническая принадлежность которых не выяснены.

Дневник раскопок по среднему течению р. Торгуна, произведенных в 1924 г. П. Д. Рау и Т. М. Минаевой.

КУРГАН № 1.

Село Альт-Веймар (Р. Н. П.) группа курганов на правом берегу р. Торгуна в расстоянии 150 с. от села к западу.

Высота—0,33 м.

Диаметр—12,70 м.

Копан колодцем 4 × 4 м.

Насыпь плоской круглой формы. У северной и западной подошв заметное углубление, сильнее выраженное на северной стороне.

В насыпи кургана найдена верхняя часть плюсны лошади и уголек.

Могилы с подбоем в западной стенке. Могильный вход в форме удлиненого овала, ориентированного по линии СЗ—ЮВ. Длина его 1,45 м., ширина 0,80 м., глубина 1,90 м. Стенки вертикальны. Подбой куполообразной формы. Наибольшая высота его 0,60 м., длина 1,50 м., ширина 0,45 м.

В насыпи могильного входа встречены обломки фаланги овцы и два уголька.

На дне подбоя костяк мужчины зрелого возраста, на спине, головою на ЮВ. Руки скрещены так, что кисти их лежат на подвздошных костях. Ноги в коленях согнуты и обращены к западной стенке подбоя. Череп деформирован. Длина костяка 1,45 м. На дне под костяком заметны следы истлевших веточек. На костях таза и ног тлен густого черного цвета, видимо, от стившей кожи. Вещей при погребении нет.

КУРГАН № 2.

Группа курганов на левом берегу р. Торгуна у с. Альт-Веймар.

Высота—0,35 м.

Диаметр—20 м.

Копан колодцем—6×6 м.

Насыпь кургана на всей ее глубине изобиловала кусками жженой земли и обожженными костями лошади. На глубине 0,25 м., в восточной половине колодца образовались два скопления мелких обломков костей. Среди них находились зубы лошади. В нижележащих слоях вплоть до горизонта кости сосредоточивались главным образом у восточной стенки колодца. На глубине 0,33 м. у западной стенки колодца лежали сильно искрошившиеся черепки от глиняного сосуда. На глубине 0,5 м.—0,7 м. в норке суслика найдены две бронзовые трехгранные стрелки.

На той же глубине в западной части колодца обозначилось рыхлое пятно овальной формы, содержащее в большом количестве жженую землю, угольки, мелкие черепки и обломки костей. Под овальным пятном, на глубине 0,70 м. обрисовалось темное пятно в виде слегка вытнутого круга 2,35 м длины, 2,03 м. ширины, ориентированного по длинному диаметру с СВ на ЮЗ. Под площадью пятна оказался незначительный слой смешанной земли, по краям 10 см. в середине 20 ст. мощностью. Под этим слоем нерушенный грунт. Находок человеческих костей ни в насыпи кургана, ни в засыпке пятна не было.

КУРГАН № 3.

Высота—0,25 м.

Диаметр—12 м.

У западной подошвы едва заметное углубление.

Копан колодцем—4×4 м.

Могила неправильно-овальной формы расположена к западу от центра насыпи. Длина ее по большому диаметру 2,05 м. по малому 1,66 м. Глубина 1,50 м. Ориентирована по большому диаметру с СВ на ЮЗ.

На глубине 0,40 м. от верхнего края могилы и глубже, вплоть до самого дна—следы деревянного сооружения, состоящего из вертикальных столбов, поставленных на расстоянии 15—20 см. от стенок могилы, поперечных, в направлении СЗ—ЮЗ, плех и плетения из веток, от которых сохранились следы и ясные отпечатки на стенках. Дно могилы выстлано камышем. На дне костяк мужчины на спине, головою на З. Правая рука вдоль туловища, левая слегка откинута в сторону. Берцовые кости сдвинуты сусликами и лежат у восточной стенки могилы.

У кисти левой руки железные удила с железными же кольцами. Между костями ног обломки железного кинжала острием к черепу (видимо сдвинуто со своего первоначального места сусликами). Рукоять кинжала не сохранилась.

В 0,25 м. к югу от нижней части правого бедра—четырёхгранный точильный камень со сверлиной у одного конца.

КУРГАН № 4.

Высота—0,20 м.

Диаметр—11 м.

В насыпи найден бараний позвонок.

Могильная яма в форме удлиненного прямоугольника с закругленными углами ориентированного с Ю на С. Длина могилы 2,3 м., ширина (по верху) 1,15 м. глубина—1,25 м. Ко дну могила суживается до 0,70 м.

На глубине 0,70 м. в засыпи могилы замечены следы деревянных брусьев положенных поперек могилы. У северной стенки, на глубине 0,65 м., найден кость птичьего крыла. На глубине 0,85 м., в расстоянии 1,40 м. от южной стенки могилы, и 0,8 м. от восточной—маленькое красно-глиняное блюдо с дырочкой в центре.

Начиная с этого горизонта (0,85 м.) и глубже, вплоть до костяка, в северной части могилы встречались угли. На глубине 1,10 м. в засыпи могилы—глиняное пряслице, кусочек от железной пряжки и обломок бронзового колечка.

Костяк молодой женщины лежал не на дне непосредственно, а на слое смешанной земли. Мощность этого слоя—0,35 м. Костяк положен ближе к северной стенке, на спине, руки вдоль туловища, головою на С. Левая рука, мелкие кости и часть ребер растащены сусликами; ими же вырыта земля из под головы, отчетливо череп и самая верхняя часть туловища запрокинулась. Длина костяка 1,60 м. Череп деформирован.

Под черепом бронзовое зеркало с дырочками по краю и орнаментом в виде концентрических кругов на одной стороне. На шейном позвонке круглая золотая подвеска со стеклышком. С левой стороны костяка, большую часть из гнезд сусликов, вынута несколько бус: из стекла, пасты и коралла. У кисти правой руки—круглое железное кольцо диаметром в 6 см. Между бедровыми костями—след от истлевшего железа, видимо, какой то пряжки. Возле берцовых костей, большей частью в соприкосновении с ними, мелкие стеклянные четковидные бусы (украшение обуви?). Из норки суслика, в западной стенке могилы, вынуты две золоченные стеклянные бусы и обломки от бронзового предмета (фибулы?). Из другого гнезда в той же стенке взято маленькое спиральное бронзовое колечко. В юго-западном углу могилы, у ног костяка, глиняный кувшин с орнаментом из круговых бороздок, по верхней и нижней части шейки.

КУРГАН № 5.

Высота 0,25 м.

Диаметр 17 м.

В насыпи редко рассеянные угольки.

Могильная яма под центром насыпи. Могильное пятно в виде слегка вытянутого по линии СЮ круга. Большой диаметр 2,1 м., малый 2 м. Восточная

стенка могилы отвесна, западная скошена так, что она, постепенно суживаясь, принимает на дне форму сильно удлиненного овала шириною 1,1 м. Глубина ее 1,80 м. В засыпи редко рассеянные угольки. Начиная с 0,95 м. глубины от верхнего края могилы и глубже встречаются в значительном количестве черепки, угли, куски жженой до красна земли и комки земли с сажой. От 1,20 м. глубины, вплоть до дна расбросанные в беспорядке человеческие кости и черепки от двух сосудов — одного с наружной полировкой серого цвета, другого с красным наружным закатом. На глубине 1,35 м. встречены кости лисы или собаки.

Могила оказалась ограбленной. При ограблении была срезана ее задняя стенка.

КУРГАН № 6

Высота—0,20 м.

Диаметр—10 м.

Копан колодцем—3 3 м.

Могила с подбоем в западной стенке. Располагается под центром насыпи. Могильный вход имеет форму удлиненного овала, ориентированного длинной осью по линии ЮС. Длина могильного входа 2 м., ширина 1,07 м., глубина 1,12 м.

Восточная стенка срезана наклонно, вследствие чего могильный вход ко дну суживается до 0,70 ширины.

Дно подбоя ниже дна могильного входа, на 0,15 м. Подбой арочной (полу-сводчатой) формы. Длина его—2,1 м., ширина—0,7 м., высота—0,65.

В засыпи могильного входа, на глубине 0,8 м., встречена плаха, лежащая в продольном направлении (ЮС).

На дне подбоя костяк женщины в вытянутом положении, на спине, головою на юг. Правая рука слегка согнута в локтевом сочленении, левая отброшена в сторону. Между левой рукой и грудной клеткой кости совсем маленького ребенка. У левого плеча—кости барана, там же следы истребленного железного предмета (ножа?) У левого бедра глиняная плешка. Вдоль нижней части берцовых костей по ряду мелких голубоватых бус. Несколько к западу от левой пятки—глиняное пряслице шаровидной формы. У северной стенки подбоя три глиняных сосуда и несколько птичьих костей.

КУРГАН № 7.

Курганная группа № 3 у х. Шульц. на правом берегу р. Торгуна.

Высота - 0,3 м.

Диаметр—14 м.

Копан колодцем 4 4 м.

В насыпи кургана найдены: на глубине 0,1 м. обломок кости, в юго-восточном углу колодца, на глубине 0,7 м. обломок локтевой кости барана.

Могила к западу от центра насыпи. Форма ее—удлиненный четырехугольник с округленными углами. Ориентирована с ЮЗ на СВ. Длина могилы 1,8 м., ширина 0,9 м., глубина 1,5 м.

В северо-западной стенке могилы незначительный подбой, вдвигающийся в стенку на 0,25.

На дне могильной ямы два костяка, на спине, в вытянутом положении, головами на ЮЗ: в подбое костяк женщины 45—50 лет; рядом с женским в

середине могилы костяк мальчика от 7 до 10 летнего возраста. Длина женского костяка 1,6 м., рост мальчика 0,85 м. Женский костяк на всем протяжении, за исключением черепа, посыпан известью. На костяке мальчика известковой посыпки нет. Вокруг ног женского скелета от пальцев до коленных сочленений тлен цвета желтой охры. На нижних частях локтевых костей женщины тонкие листочки красной краски. Листочки плотно облегли кости. По дну могилы следы волокнистой подстилки.

У изголовья костяков два сосуда: у головы женщины—черноглиняная кружка, у головы мальчика—горшочек грубой выделки и слабого обжига. На груди мальчика у правого плеча—конусовидная костяная пронизка, а рядом с нею железное и бронзовое пластинчатые сплюснутые кольца от какого то предмета. В них сохранились следы кожи. Характер и назначение предмета выяснить не удалось. В области тазовых позвонков мальчика найдена железная трапецевидной формы пластинка; между кистью правой руки и бедром—истлевший предмет из железа с бронзовой заклепкой. У правой берцовой кости мальчика—кучка железных трехперых, стрел, лежавших остриями к ступне. Под стрелками раздавленный черноглиняный кувшин с узкой шейкой. Рядом с ним второй сосуд также раздавленный. У северо-восточной стенки могилы—кости барана. На поясничном позвонке женского костяка—бронзовая круглая пряжка с прямой иглой.

КУРГАН № 8.

Высота - 0,50 м.

Диаметр—11 м

Копан колодцем 3×3 м.

В насыпи найдены фрагменты глиняного горшка крупного размера.

Под центром насыпи грунтовая яма в виде вытянутого овала. Ориентированного с С на Ю. Длина ее 1,72 м., ширина 0,66 м., глубина 1,65 м. Восточная стенка срезана вкось, отчего ко дну могила суживается до 0,47 м. В западной стенке незначительный подбой, шириной от 0,5 до 0,1 м. и высотой до 0,1 м.

На дне могилы костяк пожилой женщины в вытянутом положении на спине, головой на С. Правая рука и отчасти череп в подбое. Череп деформирован. Длина костяка 1,51 м. Между правым локтем и грудной клеткой—створка резной раковины; у правого бедра такая же створка с куском мела и красной охры в ней; рядом с раковиной—кусок мела конусовидной формы. у правого коленного сочленения три глиняные прислица и маленький четырехугольный глиняный сосудик. Под прислицами полоска железа, повидимому, остаток от ножниц. Около тазовых костей и костей ног—густой черный тлен.

КУРГАН № 9.

Насыпь кургана вытянута с запада на восток.

Высота—0,3 м.

Большой диаметр (ЗВ)—16 м.

Малый „ (СЮ)—11 м.

Могила —к западу от центра насыпи в форме вытянутого по линии С—Ю овала

Длина ее по верху—2,3 м.

Ширина „ „ „ —0,9 м.

Ко дну могила суживается и укорачивается: длина по дну 3,17 м., ширина 0,65 м. Дно несколько наклонно к югу. Глубина могилы у южной

стенки—1,42 м. у северной—1,29 м. В западной стенке—подбой, углубленный на 0,25 м., высотой 0,1 м—0,15 м.

На дне могилы — костяк мужчины 35—40 л. в вытянутом положении, на спине, головою к югу. На нижнем поясничном позвонке—круглая железная пряжка; над кистью правой руки, 20 см выше дна могилы—такая же пряжка. У правой берцовой кости—пучок железных трехперых стрел, бараньи кости и остатки железного небольшого ножа. У западной стенки, в подбое—железный кельт со следами деревянной рукоятки. У северной стенки на дне могилы — остатки сильно разрушенного кувшина.

КУРГАН № 10.

Курганная группа № 3 на левом бер. р. Торгуна близ х. Шульц.

Насыпь кургана имеет ярко очерченную подошву и выпуклую вершину. С юго-восточной стороны в двух метрах от подошвы—две круглые ямы диаметром 8 м. Такая же яма в северо-западной стороне в расстоянии 4,5 м. от насыпи.

Высота 0,35 м.

Диаметр 12 м.

Копан колодцем 4 × 4 м.

На глубине 0,3 м. в насыпи, в юго-западной части колодца, найдены три бараньих черепа, несколько мелких костей барача и кость птицы.

Могила—под центром насыпи. Она имеет очень узкую удлиненную форму. Ориентирована по линии ЗВ. Западная часть могилы несколько шире восточной. Длина—1,85 м., ширина—0,5 м., глубина 1,1 м. Стенка ее вертикальна, дно ровное.

На дне—мужской костяк, на спине, в вытянутом положении, головою на З. Кости отличаются массивностью. У кисти левой руки—незначительные кусочки дерева со следами пунтуровой краски. Над костяком, на протяжении всей могилы—накатник из дубовых досок. Доски поставлены поперек могилы в наклонном положении. Верхний конец их впущен в южную стенку могилы на глубине 0,45 м. от верхнего края ее, а нижний упирается в дно у северной стенки. Сверху доски накатника прикрыты дубовой корой.

В расстоянии 0,2 м. от северной стенки могилы, несколько к востоку—грабительская яма круглой формы, диаметром 1,18 м. углубляющаяся в грунт на 0,45 м. У южной стенки ямы—деревянная лопата, по форме аналогичная современным, видимо, оставленная грабителем.

КУРГАН № 11.

Высота 0,55 м.

Диаметр—19 м.

Копан колодцем 5 × 5 м.

В юго-восточном углу колодца найдено два крупных черепка из грубой глины, плохого обжига с чеканным зубчатым орнаментом.

ПОГРЕБЕНИЕ № 1.

Могила ориентирована с СВ на ЮЗ и располагается в насыпи центральной могилы этого кургана, но северо-восточный конец ее выходит за пределы цен-

тральной могилы, врезаясь в грунт. Судя по этой части, могила имела узкую удлиненную форму с округленными углами. Глубина ее 0,72 м., ширина 0,55 м. Длину выяснить не удалось.

На дне северо-восточной части могилы — ноги человека в вытянутом положении, ступнями к СВ. Остальные части костяка лежали в области тазовых костей: череп у верхней части левого бедра затылочным отверстием вверх. Вся куча костей вместе с бедрами опустилась, вслед за осевшей засыпью центральной могилы на 10—15 см.

Рядом с правым бедром — железная круглая пряжка и часть железных уди. Над бедрянными костями — череп и две фаланги лошади. У ступней ног полойника — нижняя челюсть лошади.

Умерший, видимо, был погребен в сидячем положении, с вытянутыми ногами, лицом к северо-востоку.

П О Г Р Е Б Е Н И Е № 2.

Центральная могила имеет форму прямоугольника с закругленными углами, ориентированного с С на Ю. Длина ее 2,40 м., ширина 1,60 м. На глубине 2,53 м. могильная яма суживается, благодаря заплечикам, выступающим из восточной, западной и южной стенок. Ширина суженной части могилы — 1,05 м., длина — 2,40 м. Ширина боковых заплечиков 0,25 м., южного 0,12 м. Глубина всей могилы 4 м.

На заплечиках — следы поперечных брусков и мощный слой травянистого тлена, идущий вдоль стенок могилы почти до самого погребения. В юго-западном и юго-восточном углах — дубовые столбы высотой в 2 м. На глубине 3,25 м. и глубже в засыпи могилы встречено массовое скопление следов дерева, главным образом в виде круглых стволов диаметром в 12—16 см. и широких плах в продольном направлении. Вдоль восточной и западной стенок, начиная от 3,30 м. глубины и ниже — следы досок, которыми были заделаны стенки.

Стенки верхней части могилы до заплечиков тщательно обработаны. На них сохранились довольно яркие следы от орудий в виде вертикальных и косых полос шириною в 2—4 см.

Стенки нижней части отделаны крайне небрежно.

На дне могилы костяк женщины среднего возраста, в вытянутом положении, на спине, головою на Ю. Руки слегка откинута в стороны.

У южной стенки могилы, у черепа, опрокинутый бронзовый котел с двумя вертикальными ручками у края. На котле — следы деревянного предмета в виде тонких, приставших к металлу кусочков (деревянная миска?). Рядом с котлом в юго-восточном углу — глиняный шаровидный горшок. У правого плеча костяка — кусочек деревянного предмета со следами бронзовой прошивки. На шее ожерелье из мелких стеклянных, настовых бус и веточек коралла. На локтевом сочленении левой руки — толстое бронзовое зеркало. На обратной стороне зеркала кусочки приклепаны к металлу шерстяной ткани. На линии поясничных позвонков, с правой стороны костяка, — бронзовая подвеска в виде миниатюрного котла на ножке. Ниже кисти правой руки несколько мелких предметов: цилиндрическое бронзовое пряслице, костяной предмет в виде крувной булавки, остаток разрушенного железного предмета.

МАТЕРИАЛЫ

для изучения культуры Сусловского могильника.

А. Кушева.

Летом 1924 и осенью 1925 г.г., занимаясь в Государственном Эрмитаже и Российской Академии Истории Материальной Культуры в Ленинграде и Российском Историческом Музее в Москве, я собрала некоторый материал, дающий освещение культуре могильника около с. Сусел (кол. Герцог) АССРНП, вскрытого проф. П. С. Рыковым в 1924 г., а также другим древностям той же культуры, найденным в пределах Саратовского Края. Должна заметить, что этот материал далеко не охватывает всего, что могут дать для изучения вопроса богатые собрания Ленинграда и Москвы, т. к. для систематического ознакомления с ними я не располагала достаточным временем. Поэтому я заранее указываю на неполноту и незаконченность настоящей работы.

Суловский курганный могильник по правому высокому берегу р. Большого Карамана, к С. от села, состоявший из невысоких большею частью насыпей (обычно до 20 см. наиболее крупные до 2 м. высотой), дал следующие типы погребений в 53 сарматских курганах с 56-ю погребениями (другие содержали погребения бронзовой эпохи и один—золотоордынской) ¹⁾.

I. Могила—длинная четырехугольная яма, покойник голов. к З. При погребениях целые костяки животных.

II. Могила с подбоем в зап. стенке, отделенном досками или частоколом, покойники гол. к С., черепа всегда деформированы.

III. Могила—широкий четырехугольник, близкий к квадрату, покойники гол. к С., черепа деформированы.

IV. Могила—узкая четырехугольная яма, покойники гол. к Ю. или С. Некоторые черепа покойников, лежавших к Ю., деформированы.

V. Могила—длинные четырехугольные ямы с заплечиками или без них, покойники гол. к Ю.

VI. Могила—широкие четырехугольные ямы, близкие к квадрату или почти круглые, покойники гол. к Ю. З., Ю., Ю. В., С. З. и В., часто лежат по диагонали.

VII. Могила с подбоем в зап. или вост. стенке, покойники гол. к Ю. и С., черепа нормальные. В одной могиле (кург. № 16) вход был расширен, и у одной стенки имелся спуск из ступеней или уступов.

¹⁾ За недостатком места привожу только схему типов погребений Суловского могильника из статьи проф. П. С. Рыкова: «Суловский курганный могильник». Учен. Зап. Сарат. Гос. Ун-та, т. IV, вып. 3-й (Саратов. 1925 г. и отдельно. Подробности см. в назван. статье

Стенки могил всех 7 типов обычно обложены деревом. входы подобный при-крыты досками. Покойники лежат на спине в вытянутом положении, обыкновенно на деревянной или травяной подстилке и закрыты деревом или лубом. Инвентар погребений в общих чертах таков: бронзовые зеркала, римские провинциальн. фибулы, различные бусы, привески из египетск. пасты (скарабей и львы), раковины, глинян., алебастровые и мраморные пряслица, алебастров. туалетные сосудики, железн. мечи, кинжалы, стрелы, ножи простые и с костяными ручками, остатки лука и колчанов, части погребальной колесницы, костяные ложечки, точильн. бруски, различн. глин. посуда местного производства и привозная, берестяные короба, ритуальн. предметы—небольшие четырехгранные и цилиндрическ. глин. сосудики-курильницы, камин, камен. плиты, куски меда ¹⁾).

Могильник дает сарматскую культуру II—I в.в. до начала нашей эры и первых 3-х, 4-х веков н. э., принадлежащую, как это заставляет предполагать наличие различных и разновременных типов погребений, не одному сарматскому племени. П. С. Рыков в своей статье называет два таких племени—алан и аорсов; древнейшим типом Сусловских погребений он считает I-й, относя его ко II—вв. до начала н. э. Указываемый мною в дальнейшем параллельный материал (особенно Кубанские курганы, раскопанные Н. И. Веселовским) также не вполне однороден и не одновременен, как это показал М. И. Ростовцев ²⁾. Он относит этот материал к поздне-эллинистическому и римскому времени, причем внутри этого периода дает более точную датировку отдельным группам намятников.

Из древностей Саратовского Края в Археол. Отделе Сарат. Госуд. Областного Музея в одну группу с древностями Сусловского могильника можно объединить следующие: вещи из курганов с теми же типами погребений по р. Торгуну, притоку Еруслана РНП (раскопки Т. М. Минаевой и П. Д. Рау 1924 г.) ³⁾, вещи из кургана № 3 около кол. Фриденберг на р. Еруслане (раск. П. Д. Рау 1920 г.), из кургана № 96 близ с. Б. Дмитриевки на границе Аткарск. и Сарат. уездов Сарат. губ. (раск. П. А. Волкова 1887 г.) ⁴⁾, кургана около с. Тонкошуровки (кол. Маринталь) на Б. Карамане (раск. П. Вайгеля) и курганов Ровненского района, раскопанных П. Д. Рау в 1920 г. Здесь около кол. Блауменфельд, на р. Белой Кубе (приток Еруслана) вскрыто было 4 кургана, из них 3 содержавших подобные могилы скелеты в подбое, выкопанном в зап. стенке могилы, гол. на С. Ход—узкая четырёхугольн. яма, 2¹/₂ арш. дл. и 2 арш. глуб. Ниша немого глубже входн. ямы вход загорожен узкими дубовыми досками.

IV-й курган содержал четырёхугольную могилу, в ней скелет мужчины. На его черепе и глин. дне могилы легко различались следы травяной подстилки. В могиле найден точильн. камень, нож и 2 глин. сосуда. В этих 4-х курганах взяли след. вещи: 4 сосуда, 2 ножа, удила с бронзов. кольцами, точильн. камень, ив

¹⁾ Все эти вещи хранятся в Археол. Отделе Сарат. Госуд. Областного Му. Фотографии см. в упомянутой ст. П. С. Рыкова.

²⁾ М. И. Ростовцев. Скифия и Востор. Л. 1925 г. гл. XI.

³⁾ Описание этих курганов см. в предыдущей статье.

⁴⁾ Их перечисление и описание погребения в ст. П. А. Волкова. «Больше-Дмитриевские курганы». Труды Сар. Уч. Арх. Ком., т. I, вып. 3, стр. 269 сл. и А. А. Спицына: «Обозрение некотор. губ. и обл. Рос. в археол. отношении». Зап. Русск. Арх. О-ва, т. VIII, в. 1 и 2, нов. сер. Труды от-ния русск. и слав. археол. Кн. I, 1895 г. II, 1896. Стр. 143. М. И. Ростовцев думает что дата погребения—вряд ли позднее I в до Р. Х. М. Ростовцев Скифия и Востор. стр. 591. См также Зап. Русск. Арх. О-ва т. XI, П. 1915, стр. 233 и 235.

бронз. серьги, подвеска в виде колокольчика и 12—15 стеклян. бус. Черепа погребенных деформированы ¹⁾.

На Торгуне, в 9 в. от кол. Альт-Ваймар вскрыто было 2 могилы, обе почти круглые, глуб. 1 и 1½ арш. с двумя костяками (мужчины и женщины), головами на С. В. В одной—позначит. части глин. сосуда, стеклян. бусы и железн. кинжал, в другой—желез. обоюдоострый меч, дл. 18—20 в. со следами дерева на рукоятке в правой руке мужского скелета, лежавшего на спине в вытянутом положении; справа от женского костяка, лежавшего рядом с мужским, с лицом, повернутым вниз.—неполный скелет барана, точильн. камень с отверстием, кремь, огниво, два гладких кубина из черной глины и три меньшие сосуда с остатками перемешанной пищи, трехгранные железн. наконечники стрел у северн. края могилы. несколько бус из матового зелен. камня и среди них три скарабея (на шее женщины). Другие сосуды, раздавл. землей, обратились в пыль ²⁾

Значительное число сарматских курганов раскопано проф. П. С. Рыковым во время весенней экспедиции 1925 г. в различных пунктах Респ. Немц. Пов.—кол. Визенмюллер и Фриденберг (р. Еруслан)—и Уральской губернии—станц. Семиглавый Мар, хут. Зеленый, с. Шиново (р. Деркул), г. Уральск и пос. Новенький (р. Чеган). Курганы дали в общем те же, что в Суловском могильнике, типы погребений и погребальный инвентарь ³⁾.

Те же сарматские древности Саратов. Край в Эрмитаже:

1) вещи, случайно найденные в 2 х в. от с. Щербаковки, Камыш. у., Саратов. губ. ⁴⁾, сравнить из этой находки. небольшой глин. необожжен. или плохо обожжен. четырехгранный сосудик (выс. 5 см.) с одним круглым отверстием около верхн. края и орнаментом в виде креста на каждой из 4 х сторон (табл. I, рис. 1) с такими же сосудиками из курганов № 2, хут. Шульц, прав. берег Торгуна, раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г. (выс. сосудика 6 см.) и кургана № 39, с. Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г. (выс. 5½ см., табл. II, рис. 1—2) и большой железн. меч без навершия и перекрестья (дл. 87 см., табл. I, рис. 2) с таким же мечом из Суловского кургана № 58 (дл. 89 см., табл. II, рис. 3) и кург. № 1 (2-я груп.), кол. Фриденберг, раск. П. Рыкова 1925 г. ⁵⁾. Большой глин. сосуд с двумя ручками из Щербаковки, судя по фотографии ⁶⁾, сходен с сосудом из кургана Суловск. могильника, раск. Г. Бератца, П. Вайгеля и др. 1913 г.;

¹⁾ Около к. Блуменфельд производились раскопки осенью 1925 г. под руководством проф. П. С. Рыкова при участии научн. сотрудника Российск. Историч. Музея В. Н. Гракова, причем вскрыты были между прочим и сарматские погребения. Найденные вещи отправлены в Рос. Ист. Музей.

²⁾ P. Rau: «Alttertümliche Funde im Seelmanngr Bezirk». Beiträge zur Heimatkunde des Deutschen Wolgagebiets. Pskowsk. 1923, стр. 37. Древности в музеях Саратова и Ровного.

³⁾ Сарматск курганы раскопаны П. Грековым около с. Гусевки и х. «Мишкина пристань» Цариц. у. Саратов. г. (Труды от -ния слав. и р. арх., кн. 2 и 5).

⁴⁾ Отчет Археол. Ком. за 1899 г., П. 1902, стр. 120. Издание дальше цитируется.

ОАК

⁵⁾ Считаю своим долгом принести благодарность Директору Саратовского Государственного Областного Музея проф. П. С. Рыкову и Совету Государственного Эрмитажа за разрешение издать рисунки, проф. А. А. Спицыну, предоставившему для просмотра свои материалы, а также сотрудникам Эрмитажа К. В. Тревер, Е. О. Прушевской и А. П. Манцевич, сотрудникам Академии Истории, Маг. Культуры—Н. Э. Успенской и М. П. Румянцевой и Историч. Музея—проф. А. А. Захарову, Д. Н. Эдингу и др. за помощь в работе.

⁶⁾ ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 120, рис. 231

2) вещи из случайно раскрытого крестьянином богатого погребения на дюнах около с. Саламатина, Камыш. у.¹⁾.

Сравнить: небольшой медн. или бронзов. котелок, т. наз. «скифского» или «сибирского» типа из этого погребения со сходным котелком из кургана около с. Сусел, раск. Г. Бератца, П. Вайгеля 1913 г. Каменные точилки, подобные Саламатинской²⁾, обычны в курганах Сусловск. культуры. Такая же, как в Саламатине, точилка найдена в кург. № 4, 2-я групп., погреб. 3-е, кол. Визенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г. Другие вещи Саламатина, указывающие на исключительное богатство раскрытого погребения, не находят себе аналогий в древностях Сусловск. могильника, в котором не было раскопано ни одного целого такого-же богатого кургана. Черепков серого глин. кувшина с суживающимся горлом из Саламатина, в котором упоминается в отчете и кот. интересно было бы сопоставить с найденными в Суслах, я не нашла в собрании Эрмитажа;

3) золотые нашивн. бляшки, найденные будто бы при раскопках кургана близ с. Саламатина, за Капитанск. горой³⁾:

4) вещи, найденные крестьянином при раскопке кургана на горе «Можары в 11 в. от слободы Котовой, Камыш. у.⁴⁾. М. И. Ростовцев думает, что дата их вряд ли позднее I в. по Р. Х.⁵⁾; из них обращают на себя внимание: серебряная фибула римск. провинц. стиля⁶⁾, подобная бронзовым из нескольких курганов Сусловск. могильника, круглое зеркало металлич. сплава с рельефным штампованным орнаментом⁷⁾, каким украшено бронзовое зеркальце-привеска из кургана на земле Аппельганса, с. Суслы (раск. А. Вейсбекера, П. Вайгеля и Г. Бератца 1912 г.) глиняное пряслице—предмет, обычный для Сусловских курганов, и четырехгранный глин. необожжен. или слабо обожжен. сосудик с одним отверстием типа сосудиков курильниц, часто встречаемых в курганах Сусл. могильника, но более низкий и широкий (выс. 2 1/2 см., табл. I, рис. 3). Некоторые типы бус и привесок Можарской находки совершенно совпадают с найденными в Суслах, напр., черные лигнитовые (Суслы, кург. № 45), граненые сердоликовые в виде прямоугольников разных величин совершенно такие же, как из кургана № 57 (Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г.), бусы из матового белого стекла, гладкая (сравни Суслы, кург. № 11) и с бороздками, матовые стеклян. с бороздками т.-зелен. цвета как Суслы, кург. № 57, но более крупные, 2 скарабея из египетск. пасты (сравни Суслы, кург. № 37, раск. П. Рыкова 1924 г. и курган около кол. Альт-Ваймар, раск. П. Рау 1920 г.) и пронизь из зел.-бел. египетск. пасты в виде льва, лежащего на прямоугольн. подставке (Суслы, кург. № 37).

В Можарском кургане найдены были также части железа, меча, тип которого установить не удалось.

---

1) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 138—139 и за 1904 г., П. 1907, стр. 134—135. Несколько мелких зол. нашивных бляшек имеется в Саратов. Музее.

2) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 139, рис. 248

3) *ibid.*, стр. 139, рис. 253.

4) ОАК за 1898 г., П. 1901, стр. 77—78.

5) М. Ростовцев Скифия и Боспор, стр. 591.

6) ОАК за 1898 г., П. 1901, рис. 140

7) *ibid.*, рис. 142

В Рос. Историч. Музее находятся вещи из раскопок А. А. Спицына в Камышинском и Балашовском уездах Саратов. губ. 1895 г.¹⁾ Это не случайно найденные предметы, как Саратовские древности в Эрмитаже, о которых я сейчас говорила, поэтому родство этих вещей с Суслевскими можно подтвердить, отмечая сходство и в типах погребений.

Так, в раскопанных А. Спицыным 12 курганах группы в верховьях р. Хопра около дер. Машевки, Балаш. у. могилы представляли собой глубокие, не широкие грунтовые ямы. в них—скелеты на спине в вытянут. положении, гол. на С. с неизбежным отклонением в стороны. В головах обыкновенно глиняная тарелка или блюдо, часто с бараными костями и железн. ножом и один или два глин. сосуда. При костяках различн. бронз. и жел. предметы, но в небольшом числе, большие узкие фибулы. относимые исследователем приблизит. ко II—IV вв. нашей эры, железн. пряжка, костяная рукоятка, удила и стремена.

Около станц. Лебяжьей, Камыш. у., по течению р. Иловли Сарматские погребения этого времени были впущены в курганы с основными погребениями бронзов. эпохи (скорчен. и окраш. костяки). Впускные могилы содержали костяки на подпалке или в колоде. В головах покойников—сосуды, бараньи кости, из вещей—бронзов. зеркала, на костях—бронз. фибулы, глин. пряслица, мелкие бусы и пр.

Курганы около кол. Норки того-же у., по теч. Иловли А. Спицин считает более поздними (но не моложе VI в.), датируя их поздними вещами, найденными раньше в одном Норкинском кургане²⁾. Между тем вещи из курганов, раскопанных А. Спицыным, и тип погребения те же, что в Суслевском могильнике: костяки, ориентированные на С. В., лежали в глубоких грунтовых ямах с подбоями. В головах погребенных—сосуды, кости барана, из вещей—бронзов. римск. фибулы, зеркальце, камен. пряслица. Черена некоторых костяков деформированы.

Из предметов, аналогичных Суслевским, найденных в курганах около д. Машевки, следует отметить: бронзовые римск. фибулы, точильн. камень цилиндрическ. формы и полую костяную рукоятку, вероятно, ножа с резным орнаментом из кружков³⁾ (сравнить с костяными ручками жел. ножей из курганов №№ 3 и 7 Суслевск. могильника), из предметов Лебяжьих курганов—бронзовые зеркала и черно-серые гагатовые бусы в виде отрезков трубочек, идентичные бусам ожерелья с розовыми кораллами из кургана около с. Тонкошуровки на Б. Карамане (раск. П. Вайгеля; пожертвовано вместе с друг. вещами экспедиции проф. П. С. Рыкова для Саратов. археол. музея), из предметов, найденных в курганах около кол. Норки—бронзов. римскую фибулу⁴⁾ (сравнить с фибулой из Сусл. кургана № 52).

В собрании вещей из тех же раскопок А. Спицына в Камыш. и Балаш. уездах без обозначения места находки в Ист. Музее обращают на себя внимание цилиндрическ. глин. необожжен. сосудик с 2-мя отверстиями у края, аналогичный ритуальным сосудикам из курганов Суслевск. культуры, железн. нож с костяной ручкой (ножи из курганов №№ 3 и 7, с. Суслы) и глин. пряслица таких же типов, как в Суслевских и друг. курганах сарматск. культуры Саратов. Края.

¹⁾ ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 30—33 и статья А. А. Спицына: «Обозрен некот. губ и обл. Рос. в археол. отнош.» Зап. Русск. Арх. О-ва. т. VIII, в. 1 и 2, нов. сер. Труды от-ния русск. и слав. археол. кн. I, 1896, стр. 143—144.

²⁾ Доклад о действ. АК за 1887 г. ОАК за 1882—88 г.г., П. 1891, стр. ССІ, № 17.

³⁾ ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 31, рис. 64.

⁴⁾ *ibid*, рис. 65a

К сарматским древностям Саратов. губ. в Рос. Ист. Музее отнесены еще большой железн. кинжал, случайно найденный в овраге при устройстве трубы на 5-й в. Вольской ветки Ряз.-Уральск. жел. д. ¹⁾, и бронзовое, прекрасно отшлифованное зеркало с гравирован. орнаментом из тонких concentрических кругов, найденное около с. Саламатина, Камыш. у.: по технике и изяществу работы сходно с зеркалом из кургана № 3 около кол. Фриденберг, раск. П. Рау 1920 г.

Просматривая собрания Эрмитажа, Акмакульта и Историч. Музея с целью подобрать древности, родственные Суслевским, я пришла к убеждению, что по инвентарю и типам погребений больше всего сходства можно заметить в курганах Кубанской области (раск. Н. И. Веселовского). Здесь в нескольких пунктах по течен. р. Кубани работы производились с 1895 г., причем вскрыто было большое число погребений разных культур, между проч. и сарматских.

Основной тип Кубанск. погребений этой культуры — катакомбный или подбойный; их устройство в общих чертах таково ²⁾: костяк человека положен в катакомб, куда ведет ход в виде четырехугольн. колодца, дл. около 2 саж., шир. 1¹/₂ арш. и глуб. 2 саж. Катакомба или подбой в форме ниши пробита в западн. стенке колодца и в дл. имеет 1¹/₂ саж., в шир. немного меньше, в выс. 1¹/₂ арш., отделяясь от хода стенкой из сырцового кирпича шир. от 1 до 1¹/₄ арш., или деревян. бревнами, поставленными почти вертикально. Следов подстилки или гроба нет, покойник клался, повидимому, прямо на дне могилы на спине в вытянут. положении гол. на Ю.

Другой вид Кубанск. погребений — та же, но более узкая катакомба; дл. хода в среднем немного больше 1 саж., шир. ¹/₂ саж., глуб. 2 саж., дл. катакомбы 2 саж. или больше, шир. арш. 2. Такая катакомба часто поворачивает на неск. градусов к С. или Ю. В ней покойник клался гол. к выходу, стенки не было ниша, повидимому, прямо засыпалась землей. Целой такой могилы Н. Веселовский не встретил ни разу. В ходе катакомбных погребений обыкновенно не находят ничего и лишь в некоторых курганах лошадиные кости и железн. удила. Как раз встречавшийся, Н. Веселовским отмечен более простой тип погребения: покойник хоронился в четырехугольн. могиле, длиной арш. 4, шир. 2¹/₂.

Третий тип — могильная яма с заплечиками отмечена Н. Веселовским 1902 г. около ст. Усть-Лабинской, в кургане № 43 ³⁾. К сожалению, курган был ограблен раньше, и положения костяка установить не удалось. Таково же устройство могилы в кург. № 1 ст. Базанской, раск. 1901 г. ⁴⁾; в нем дно могилы было вырыто покато с В. на З. У трех стенок оставались заплечики, суживавшиеся по мере приближения к нише, устроенной в зап. стенке. Погребение ограблено.

Один раз в кург. № 2 около Армавира в раск. 1902 г. ⁵⁾ найдена была четырехугольн. могила, ориентированная по сторонам света, с костяком, лежавшим по диагонали, гол. на Ю. З.

¹⁾ ОАК за 1904 г., П. 1907 стр. 134, № 2.

²⁾ Н. И. Веселовский: «Курганы Кубанск. Области в период римского владычества на северном Кавказе». Труды XII Археол. Съезда. Т. I, М. 1905, стр. 350—351.

³⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 84.

⁴⁾ ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 69—71.

⁵⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 87—88.

с. Водяное (с. Водяное), раскопан. в 1899 г. ¹⁾), впускная могила с сарматским погребением была крыта деревом и по четырем углам имела деревянные столбы. скелет лежал гол на З. с небольшим отклонением к С.

Все эти типы погребений, как было указано выше, встречались в курганах Суловск. могильника и других курганах Саратов. Края с той же культурой. Но их могильные сооружения были меньше по размерам и проще по устройству, чем кубанские: это можно объяснить тем, что Н. Веселовский вскрывал гл. обр. крупные богатые курганы, тогда как в могильнике с. Сусл. большие курганы пока не тронуты.

Наметив в общих чертах сходство типов погребений в курганах Кубанской Области и Суловского могильника, я перехожу к подробному описанию отдельных Кубанских курганов, их сравнению с сарматскими погребениями и древностями Саратовского Края, причем отмечу сходство в мелких деталях погребального инвентаря и обряда.

Курган № 20 около ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. ²⁾. Отнесен М. И. Ростовцевым ко времени не позднее II в. н. э. ³⁾.

Погребение катакомбное, ход отделялся от подбоя деревом. Курган ограблен, потому положение костяка и обряд погребения не установлены. Из вещей, найденных в кургане, аналогичны сарматским древностям Саратов. Края: 1) бронзовый литой браслет с украшениями в виде круглых бугорков или пишечек, как из кургана № 96 близ с. Б. Дмитриевки Саратов. у., раск. Н. Волкова 1887 г. и бронзов. кольца, железн. удила из кургана № 51. с. Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г.; 2) бронзовая пуговица. Такая же из кургана около кол. Фриденберг, раск. П. Рау 1920 г.; 3) глиняный, слабо обожженный сосуд, состоящий из двух соединенных вместе, но не сообщающихся друг с другом четырехгранных чашечек (выс. 12½ см. табл. I, рис. 4), предмет ритуального назначения (курильница?), как и маленькие четырехгранные и цилиндрические сосудики в сарматских курганах Саратов. Края; 4) бусы и привески: белая буса с спинами, неправильной формы, глазами, обведенными темно-серыми полосками, совершенно аналогичная бусе с горы «Можары» Камышинского у.; буса мастиковая мозаичная, по тонкости работы и сочетанию цветов совершенно сходная с бусой-подвеской с изображениями лица из Суловского кургана № 57; буса мастиковая, синяя с белыми глазами такая же, как найденная на г. «Можары»; пронизи из египетской пасты в виде львов на прямоугольных подставках и скарабей, как «Можары», Суслы, курган № 37 и курган около кол. Альт-Ваймар; золотые бусы-трубочки, орнаментированные поперечными рубчиками, такие же в погребении около с. Саламагина Камышинского у.; бронзовая подвеска в виде маленького котла «скифского» типа, на ножке, с двумя ручками, как из кургана № 2, хут. Шульд, лев. бер. Торгуна, раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г. Кроме того, в кургане № 20 найдены кабаньи клыки, как в кургане № 5, 1-я групп., погреб. 1-е, кол. Фриденберг, раск. П. Рыкова 1925 г. и курган № 12, Ю. В. групп., впускн. погреб., г. Покровск, те-же раскопки.

¹⁾ ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 43—47.

²⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 73—74. Древности из эт. кургана в Государств. Эрмитаже.

³⁾ М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 573—574.

Курган № 6 в юрте ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. ¹⁾. Дата— I в. до нач. н. э.—I в. н. э. ²⁾ Погребение катакомбное, ограблено. В числе других вещей найдено бронзовое литое зеркальце—привеска с орнаментом в виде концентрических вышуклых кругов (такая техника орнамента типична для сарматских зеркал Саратов. Края), бронзовая обшивка, представляющая собой тонкую пластинку, прикрепляющуюся узкими бронзовыми полосками—предмет, аналогичный найденному в кургане № 42 Суслевского могильника, и железный трехгранный наконечник стрелы, обычный для наших погребений.

Курган № 12, юрт ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. ³⁾.

Заключал ограбленное катакомбное погребение. Из древностей, аналогичных сарматским Саратов. Края, найдены: обломок бронзов. римск. фибулы провинциального типа и серебрян., открытая с двух концов трубочка с сохранившимся одним из двух колечек, неопределенного назначения (амулет?), которую, как кажется, можно сопоставить с трубочками—серебряной, также с двух концов открытой, из Можарского кургана и бронзовой из кургана Суслевского могильника (раск. А. Вейсбекера, П. Вайгеля и Г. Бератца 1912 г.). В кургане № 12 встретились также же, как в Саламатинском погребении, но без рубчиков золотые цилиндрические бусы.

Следует отметить вещи еще из одного кургана ст. Тифлисской ⁴⁾. В нем в числе других предметов оказался круглый гранитный камень (круглые и неправильной формы камни попадались в нескольких погребениях Суслевского могильника), глиняный необожженный четырехгранный сосудик с двумя отверстиями у верхнего края, известного по Саратовским курганам типа, большое количество рыже-красной краски в порошке (румяна?), большой кусок мела и три куса, повидимому, какой-то смолы. Румяна найдены в кургане № 2, хут. Шульц, правый берег Торгуна (раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г.), куски мела, вероятно, имевшие ритуальное значение, обычны в курганах Суслевского могильника, ароматическая смола отмечена в Суслевском кургане, раск. А. Вейсбекером, П. Вайгелем и Г. Бератцом в 1912 г.

Курган № 1 около Армавира, раск. Н. Веселовск. 1902 г. ⁵⁾. Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э. ⁶⁾. Содержал основные погребения со скорчен. окрашен. костяками и впускные сарматские. Около гол. одного впускного костяка, лежавшего гол. на З., стоял глин. сосуд в форме чаши с небольшим отделением, где находились мелкие угли ⁷⁾. Аналогией этому сосуду-курильнице могут служить два небольшие сосуда, очевидно, тоже ритуальные из Суслевск. кургана № 54: один, имевший форму небольшой цилиндрической чашки (выс. 5 см.) с отверстием у края (типа, обычного для сарм. погребен. Саратов. Края) вложен в другой, больший по

¹⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 66. Древности в Рос. Ист. Муз.

²⁾ М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 572.

³⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 68. Древн. в Рос. Ист. Муз.

⁴⁾ В Р. Ист. Музее, где хранятся эти вещи, ошибочно помечено на планшетке, что они найдены в кургане № 28, раскопанном Н. Веселовским в 1902 г. (№ планшетки —17/25-а, инвент. № 48478). Между тем в ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 76—77 под этим № помещено описание кургана с другими вещами.

⁵⁾ ОАК за 1902 г. П. 1904, стр. 86—87. Древн. в Эрмитаже.

⁶⁾ М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 572.

⁷⁾ ОАК за 1902 г., рис. 193. Подобный найден был в большом кургане ст. Казанской в 1900 году. ОАК за 1900 г., П. 1902, стр. 45, рис. 105.

величине глин. стакан с плоским краем, украшенным таким же ямочным орнаментом, как сосуд из Армавира (выс. стакана 9 см., табл. II, рис. 4; подобные сосуды в Сусл. кург. № 51).

Впускное погребение кургана № 1 около Армавира, давшее интересные и богатые вещи, содержало костяк на спине, гол. на В. Из аналогичных Сусл. предметов следует отметить алебастровый, слегка сдавленный с боков сосудик (выс. 6 см., табл. I, рис. 5), какие не раз попадались в курганах Сусл. могильника, литое бронзов. зеркало (сравнить с зеркалом из Сусл. кург. № 18), глин. плоское блюдо с широким, орнаментированным бороздками ободком (диам. 26, выс. 9¹/₂ см., табл. I, рис. 6), полная аналогия чаше из кург. № 56 с. Сусл. по форме, глине и выделке и черные лигнитовые бусы, как из кург. № 45, но более мелкие.

Курган № 1, Армавир, раск. Н. Весел. 1903 г., впускное погребен.¹⁾ Дата—не старше конца I в. н. э.²⁾ Могила в форме четырехугольн. ямы, ориентированной с С. на Ю, имевшей с юга отвесную стенку, с севера—два уступа. По длинным сторонам устроены были заплечники, шир. в 35 см. В могиле—костяк женщины, гол. на Ю., в резном дубовом гробе. Из вещей нужно отметить: массивное бронз. литое зеркало с ручкой, ободком по краю и конусовидной выпуклостью в центре³⁾, аналогичное в Сусл. кургане № 18; железн. наконечники стрел; привеску из рога, авалогичную найденной в одном из курганов Ровненск. района, раск. П. Рау 1920 г. (дл. 4,5 см., табл. I, рис. 7 и табл. II, рис. 7); глин. сосуд с ручкой⁴⁾, сходный по форме с найденным в Сусл. кург. № 46, а по глине и технике выделки—с сосудами (фрагментированными) из Сусл. кург. № 2 (выс. Сусл. сосуда 9¹/₂ см., табл. II, рис. 5); мастиковую белую бусу с т.-син. неправильной формы глазками, обведенными серовато-зел. полосками, как буса Можарск. находки, черные лигнитовые бусы, как в Сусл. кург. № 45, плохо сохранившееся алебастровое пряслице, часто встречающееся в Сусл. курганах, и мраморное пряслице яйцевидной формы, как найденное в Сусл. кургане № 21. В этом же кургане оказалось много золотых нитей от ткани, повидному, парчевой (в одном из Сусл. курганов также встретились кусочки золототкан. парчи), куски янтаря и меда, вещество белого и коричневого цвета (краска?).

В южной поле этого кургана была обнаружена еще одна впускная могила, ориентированная С.-Ю., в виде узкого четырехугольн. колодца с тщательно отделанными стенками, в южн. стене которого была пробита мина, ведущая в нишу. Здесь лежал костяк человека на спине, гол. на В. В головах—глинян. горшок плохого обжига с чекан. орнаментом⁵⁾, близкий Сусл. у ног—глин. курильница с углями на четверной ножке⁶⁾.

Курган № 12 близ ст. Тульской, раск. Н. Весел. 1897 г.⁷⁾

Здесь найден был, между пр., глин., плохо обожжен. цилиндрич. сосудик типа ритуальных сарм. сосудиков, о которых уже не раз говорилось раньше, и два точильных камня.

1) ОАК за 1903 г., II, 1906, стр. 61—65. Древности в Эрмитаже.

2) М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 575.

3) ОАК за 1903 г., II, 1906, стр. 63, рис. 102.

4) *ibid.*, стр. 64, рис. 111.

5) ОАК за 1903 г., II, 1906, стр. 65, рис. 114.

6) *ibid.*, рис. 115.

7) ОАК за 1897 г., II, 1900, стр. 21. Древн. в РИМ.

В раскопках того же года около ст. Андрюковской¹⁾ — точильный камень, железный нож и шестиугольн. глин. плита с клеймом, дл. около 10 см. Не есть ли это аналогия большой камен. плите из кург. № 3 Сусл. мог. и такой же камен. плите меньших размеров со сложенными краями из кург. около с. Тонконоуровки, раск. П. Вайгеля.

Н. Веселовский говорит о кургане № 12 ст. Тульской, как о содержащем погребение Белореченского типа²⁾, которые относятся к Золотоордынской культуре XIV, XV вв.³⁾, тогда как по вещам он типично-сарматский. Древности ст. Андрюковской, о которых я говорила, я сопоставляла с сарматскими Саратов. Края; Н. Веселовский считает Андрюковские курганы⁴⁾ Золотоордынскими, а частью древнейшими, вероятно, бронзовой эпохи.

Кург. № 2, ст. Некрасовская, раск. Н. Веселовск. 1905 г. 5).

Ограбленное катакомбное погребение. Найдены м. пр. золот. рубчат. цилиндрич. бусы (см. Саламатино, Камыш. у.), зол. привеска с вставным стеклом, украшенная по краю зернью (подобные, но с выпавшими стеклами, в вещах из Саламатина), и крупные кабаньи клыки (к Фриденберг. кург. № 5, погр. 1-с, 1-я групп., раск. П. Рыкова 1925 г. и г. Покровск, кург. № 12, впускн. погреб. Ю.-В. групп., те же раск.).

Кург. № 4, ст. Некрасовск., раск. Н. Весел. 1905 г. 6) Предположительная дата — конец II в., нач. I⁷⁾. Ограблен. катакомбн. погребение, от которого остались м. пр. зол. нашивн. бляшки в виде розеток (см. Саламатино), большая морская раковина-привеска и скипевшиеся вместе железн. трехгран. стрелы, лежавшие, повидн., в кочане (скипевшиеся жел. стрелы в Сусл. кург. № 16). Черенков глин. посуды и обломков железн. меча из этого кургана нет в Эрмитаже.

Кург. № 5, ст. Некрасовск. раск. Н. Весел. 1905—6 гг. 8).

Ограбл. катакомбн. погребение. Отмечу зол. бляшку, украшен. зернью, с ипетелкой на задней стороне (см. Саламатино), обломок кабаньего клыка (Фриденберг, кург. № 5, погр. 1-с, 1-я групп., раск. П. Рыкова 1925 г. и г. Покровск, кург. № 12, впускн. погреб., Ю.-В. групп., те же раск.), бронзовый литой колесик неизвестн. назначения (такой же в кург. № 2, хут. Шульц, лев. бер. р. Торгуна, раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г.) и золот. бляшки уголками — вероятно, украшения одежды⁹⁾ (такие же серебрян. в одном кург. около к. Визенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г.).

Кург. № 29 в юрте ст. Усть-Лабинской, раск. Н. Весел. 1902 г. 10). Предположительно датирован эллинистическим временем¹¹⁾. Содержал два целых впускных погребения и разграбл. катакомбное, от кот. осталось м. пр. несколько морских

1) ОАК за 1897 г., II. 1900, стр. 22. Древн. в РИМ.

2) *ibid.*, стр. 21.

3) ОАК за 1896 г., II. 1898, стр. 2.

4) ОАК за 1897 г., II. 1900, стр. 22.

5) ОАК за 1905 г., II. 1903, стр. 74. Древн. в Эрмитаже.

6) *ibid.*, стр. 75. Древн. в Эрмитаже.

7) М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 572.

8) ОАК за 1905 г., стр. 75 и за 1906 г., стр. 91—92. Древности в Эрмитаже.

9) См. ОАК за 1906 г., стр. 92, рис. 118.

10) ОАК за 1902 г., II. 1904, стр. 77—78. Вещи на складе древн. Акмакульта.

11) М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 573.

очковин-привесок (точно такая-же в Сусл. кург. № 45), склянки, железн. трех-
данные наконечники стрел с сохранившимися частями деревянных древков (то же,
то в неск. курганах Сусловск. могильника) и обломки костяных пластинок лука,
выпуклых с одной стороны и гладких с другой, одна с зарубкой для тетивы и
приставшими частицами красной окраски колчана (аналогичные пластинки от лука
Сусл. кургане № 51 и кург. № 2, 5-я групп. с. Шипово, Уральск губ., раск.
П. Рыкова 1925 г.)

Кург. № 42 в юрте ст. Усть-Лабинск., раск. П. Весел. 1902 г.¹⁾ Дата—не
позднее II в. н. э.²⁾ Ограблен. катакомбн. погребение. В числе найден. предметов
—золот. цилиндрическ. рубчат. бусы и зол. подвески с выпавшим стеклом, украшен.
зернью (см. Саламатино), кабаньей клык с отверстием для подвешивания (Фриден-
берг, кург. № 5, погр. 1-е. 1-я групп., раск. П. Рыкова, 1925 г. и г. Покровск,
кург. № 12, впускн. погреб., Ю.-В. групп., те же раск.) и золот. флакончик с кры-
шечкой, повид., носившийся на цепочке, с вставками из камней и характерным
для таких вещей украшением в виде пояска из зол. накладного шнура, заплетен.
косичкой³⁾—аналогия серебрян. флакончику Можарской находки⁴⁾.

Курган около ст. Воздвиженской, раск. Н. Весел. 1899 г., впускн. погребен.⁵⁾
Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э.⁶⁾ Могила была крыта деревом и по четырем
углам имела деревян. столбы, в ней мужск. скелет, гол. на З. с небольшим откло-
нением к С. Из аналогичных Сусловским вещей нужно отметить железн. трехгран.
наконечники стрел⁷⁾, плоский разбитый камен. брусок с отверстием для подвешива-
ния⁸⁾ и второй—целый⁹⁾, алебастровый туалетный сосудик, кинжал с прямым
перекрестьем и кольцевидным навершием¹⁰⁾ (такие же найдены в Сусловск. кур-
ганах №№ 1, 16, 23 (погреб. 1), 49, кург. № 1, хут. Шульд. прав. бер. Торгуна
и кург. № 2 близ кол. Альт-Ваймар, лев. бер. Торгуна), два меди. котла¹¹⁾ и зна-
комый нам маленький глин. цилиндрический ритуальный сосудик с двумя круглыми
отверстиями у верхн. края¹²⁾.

Такой-же сосудик из красн. глины, также с двумя отверстиями, выс. 4,4 см.¹³⁾
найден был в кургане № 1 около ст. Казанской, раск. Н. Веселовского 1901 г.¹⁴⁾

Культура курганов Zubовского хutora Кубанск. Обл. дает древности, также
аналогичные Саратовским сарматским.

1) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 83. Древн. в Эрмитаже.

2) М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 574.

3) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 83, рис. 184-а и б.

4) ОАК за 1898 г., П. 1901, стр. 78, рис. 137.

5) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 43—47

6) М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 571.

7) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 44, рис. 67.

8) *ibid.*, стр. 44, рис. 71.

9) *ibid.*, стр. 45, рис. 74.

10) *ibid.*, стр. 44, рис. 72.

11) *ibid.*, стр. 46, рис. 77—78

12) Рисунок этого сосудика я видела в материалах проф. А. А. Слицына.

13) Рисунок в материалах А. А. Слицына.

14) ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 69—71.

Кург. № 2. Zubovsk. хут., раск. Забродина 1899 г.¹⁾ Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э.²⁾. Устройство погребения не обнаружено, т. к. курган вскрыт не археологом: заметили только, что могила была покрыта деревом. В числе предметов, найденных при погребении, отмечено две плиты и голыш (кург. Сусл. могильника №№ 3, 11, 24, 32), 3 алебастровых сосуда с пудрой и румянами, из кот. 2 с ручками в виде стилизованных зверков³⁾ (такой-же сосудик из Сусл. кург. № 47, выс. 7¹/₂ см., табл. II, рис. 6) и бронзовое литое зеркало-привеска⁴⁾ типа, обычного для сарматских курганов Саратов. Края.

Из других Zubovsk. вещей, хранящихся в коллекциях Эрмитажа, обстоятельства находки которых неизвестны, следует отметить разл. типы бус, среди них круглую с бороздками матового белого стекла, как найденная на горе «Можары», бронзов. зеркальце—привеску со штампованным линейным орнаментом и небольшой глин. орнаментированный сосуд с покрытой графитом поверхностью (выс. 9 см., табл. I, рис. 8), совершенно аналогичный фрагментированным сосудам из Сусл. кургана № 2 по характеру глины, толщине стенок, технике выделки и таким и. целым сосудикам из кург. № 96 около Б. Дмитриевки и кург. №№ 4 и 6, 6-я групп., с. Шипово, Уральск. губ., раск. П. Рыкова 1925 г.

Знакомые по Сусл. курганам древности найдены были случайно на горе-лице близ ст. Роговской⁵⁾: бронзов. римск. провинц. фибулы, фрагмент бронзов. зеркала, точильн. камень, разл. бусы и привески (скарабей зел.-бел. египетск. пасты, круглая буса с бороздками матов. бел. стекла, мастиковая синяя с белыми глазками и др.).

Устанавливая сходство сарматских курганов Кубанск. Обл. и Саратов. Края в типах погребений, погребальном обряде и инвентаре, я должна упомянуть о находках в тех и других красной краски, похожей на тонкие листки бумаги, повидимому, от колчанов, как показали раскопки Сусл. могильника (Кург. № 23, юрт ст. Ладожской, раск. Н. Весел. 1902 г.⁶⁾; кург. № 28, те же раск.⁷⁾; кург. № 10, юрт ст. Тифлисской, те же раск.⁸⁾; кург. № 29, юрт ст. Усть-Лабинской,⁹⁾ те же раск.⁹⁾; курганы №№ 3 и 27, с. Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г.).

Укажу еще в Кубанских находках аналогии отдельным сарматск. древностям Саратов. Края: так, среди вещей из Кубанск. раскопок Н. Веселовского (без обозначения места находки), хранящихся в Акмакульте, следует отметить круглые и гранен. ручки железных ножей, выточенные из кости (№№ 7376, 7380, 7381, 7424, 7425), как в Сусл. курганах №№ 3 и 7, и грубые глиняные пряслица (№№ 7379 и 7420).

В Кубанских курганах Веселовскому встречались бронзов. кольца (по два в могиле) со стоячими фигурками козлов или с человек. головками¹⁰⁾; такие же

¹⁾ ИАК. вып. I, П. 1901, стр. 100—103. Древн. в Эрмитаже

²⁾ М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 570.

³⁾ ИАК, вып. I, П. 1901, стр. 102, рис. 27—28

⁴⁾ *ibid.*, стр. 102, рис. 25.

⁵⁾ ОАК за 1891 г., П. 1893, стр. 125—126. Древн. в РИМ.

⁶⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 75—76.

⁷⁾ *ibid.*, стр. 76—77.

⁸⁾ *ibid.*, стр. 67—68.

⁹⁾ *ibid.*, стр. 77—78.

¹⁰⁾ Н. Веселовский, *op. cit.*, стр. 361, рис. 53.

кольца (тоже два в погребении) с изображениями верблюдов из кург. № 96 около Б. Дмитриевки, Саратов. губ.; в случайно разрытой могиле ст. Тимошевской, Кавказск. Отдела ¹⁾ найдена была римская серебрян. фибула, сходная с одной из Можарских: дата вещей—не старше конца I в. н. э. ²⁾; в кург. на бер. р. Зеленчука, близ ст. Тифлисской в 1900 г. найдено было два золотых цилиндрика—амулета с колечками для подвешивания, сходных с Можарскими ³⁾ (такие цилиндрики бывают двух типов—одинарные, обычно находимые по два в погребении, и двойные, как бы составленные из двух отдельных, находимые в погребениях по одному, они вдвое длиннее одинарных и по середине имеют поперечный поясок из плетеного золот. шнура, который как бы делит их на две части); один цилиндрик встретился Н. Веселовскому в центральной гробнице кургана «Острого» около ст. Ярославской, раск. 1896 г. ⁴⁾, один в хищнически раскопанном кургане близ ст. Куржипской ⁵⁾ и один в кургане № 43 в юрте ст. Усть-Лабинской, раск. Н. Весел. 1902 г. ⁶⁾.

При изучении древностей Кубанск. Области в собраниях Эрмитажа, Акмакульта и Ист. Музея получается ошибочное впечатление, что Кубанск. курганы дают очень мало керамики, особенно грубой сарматской, которая в сарм. курганах Саратов. Края, наоборот, представлена очень богато; другая картина получается, если просмотреть отчеты Н. Веселовского: почти в каждом кургане он отмечает находки одного или нескольких целых сосудов или отдельных черепков. Судя по описаниям, безусловно преобладают грубые туземные сосуды, но попадаются и привозные хорошей тонкой выделки. Для примера приведу несколько выдержек из этих отчетов: курган № 1, именье Зиссерманов, 2-е впускн. погребение ⁷⁾. Найдены „... 3 глин. горшка (один красной и два черной глины, последние разбились)...“; ст. Казанская, раск. 1900 г. ⁸⁾. В ногах костяка одной из впускных могил: „... стоял горшок, а в головах—глин. сосуд на четырехгранной ножке с углем ⁹⁾ и плешка...“; кург. № 33 между ст. Казанск. и Тифлисской, раск. 1901 г. ¹⁰⁾. Найдены: „... черепки грубого глин. сосуда...“; кург. № 4 около Армавира, раск. 1902 г. ¹¹⁾ „... с правой стороны... (костяка впускн. гробницы) найден небольшой красный глин. кувшин, с левой—патера из серой глины и большой сосуд красной глины...“ Там же, детек. погребен.: „... у головы... стояла глин. чашка...“ Там же, 3-я гробница: „... у головы... найдены кувшин из черн. глины и глин. курильница на ножке...“ ¹²⁾, кург. № 6 около ст. Кубанской, раск. 1902 г. ¹³⁾. Впускное погребение дало:

¹⁾ ОАК за 1894 г., П. 1896, стр. 38, рис. 41.

²⁾ М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 575.

³⁾ Случайн. находка. ОАК за 1900 г., П. 1902, стр. 103—104, рис. 187 на стр. 103 (цилиндрик типа одинарных).

⁴⁾ ОАК за 1896 г., П. 1898, стр. 58—59, рис. 286 на стр. 58 (типа двойных).

⁵⁾ ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 62—64, рис. 144 на стр. 62 (типа одинарных).

⁶⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 84, рис. 187 (цилиндрик типа одинарных, раздавлен.).

⁷⁾ ОАК за 1900 г., П. 1902, стр. 41.

⁸⁾ *ibid.*, стр. 45.

⁹⁾ *ibid.*, рис. 105.

¹⁰⁾ ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 81.

¹¹⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 88.

¹²⁾ *ibid.*, стр. 89, рис. 198 а и в.

¹³⁾ *ibid.*, стр. 90.

... два глин. сосуда, один хорошей работы, другой грубой... (глин. сосуда в ногах и два выше головы) ...

Кубанская керамика сходна с керамикой сарматских погребений Саратов. Края, в частности Суловской, что я уже не раз отмечала, рассматривая отдельные курганы и найденные в них сосуды. Приведу еще целый ряд примеров, доказывающих полное сходство нашей и Кубанской керамики, как тонкой, привозной, так и грубой, туземной.

Кург. № 1, Армавир, раск. Н. Весел. 1903 г.¹⁾

Найден. м. пр., большой грубой глин. горшок (выс. 25 см.), представляющий собою полную аналогию такому-же по форме и глине сосуду из кург. № 56 с. Суслы.

Глин. патера из Армавира (Эрмитаж, 1902 г. инв. № 16816, выс. 9¹/₂ diam. 26 см.) есть повторение чаши из кург. № 56.

Небольшой сосуд с ручкой (Акмакульт, инв. № 3091, выс. 15 см.) из раск. пог. Н. Весел. в Армавире 1902 г. (кург. не обозначен), украшенный резным орнаментом, из серой, покрытой графитом глины—повторение сосулика из Сусл. кург. № 46 (см. табл. II, рис. 6).

Небольшая чашка с тонким резным орнаментом (Акмакульт, № 3093, выс. 8¹/₂ см.) из раск. II. Весел. в Армавире 1902 г. (также без обознач. кургана). По глине (серая со следами графита) и выделке—аналогия серым графитным сосудам Саратов. Края. Интересно отметить, что эта чашка, повидим., продолжала быть в употреблении и после того, как она разбилась; в трех местах имеются парные дырочки, при помощи которых сосуд сраплялся—прим., наблюдаемый для сосудов этого типа из погребений Суловск. могильника. Очевидно, Кубанские сарматы, как и сарматы Саратовского Края, дорожили такого сорта посудой.

Сосудик № 7388, выс. 10¹/₂ см. и чашечка с тонким резным орнаментом (№ 7301, выс. 4, diam. 13¹/₂ см., оба из Куб. раск. Веселовского, Акмакульт) опять служат примерами такой-же серой графитной керамики.

Фрагментирован. сосуд с ручкой (Акмакульт, № 3092, выс. 15 см.) из раск. Весел. в Армавире 1902 г. (кург. не обознач.) по глине, выделке и даже орнаменту (резной, состоящий из линий и кружков) буквально повторяет большой чашечный кувшин из Сусл. кургана № 25.

Другие примеры сосудов этого типа, привезенных с Кубани Веселовским кувшином с отбитым горлом № 7386, выс. 20 см., кувшин № 7385, выс. 19 см. и фрагмент чашки № 7321 (Акмакульт)

Красноглиняная посуда хорошей выделки, представленная в Саратов. Музее кувшином из Сусл. кургана № 54, патерой из кург. № 45, небольшим горшочком частично покрытым красным лаком, из кург. № 21, небольшой амфорой из кург. № 44 и разбитым сосудом из кург. № 1. 5-я групп., с Шипово, Уральск. губ. находит себе аналогии в колл. сосудов из Кубанск. курганов Весел., хранящ. в Акмакульте: кувшинчик № 7387, выс. 13¹/₂ см., фрагменты патеры № 7392 со следами красн. лака и патеры № 7393, чашечка № 7310 со следами плохого красн. лака.

1) ОЛК за 1903 г. II 1906 стр. 62—65. Древн. в Эрмитаже

Глин. горшочек № 7320, выс. 7 см., горшочек № 7389, выс. 9 см. и плохого обжига чашечка № 7317, выс. 5 см., представляют собою полную аналогию грубой туземной сарматской керамике Саратовск. Края.

Курган № 2 около Армавира, раск. П. Весел. 1903 г.¹⁾.

В нем оказалось несколько погребений, одно в южной части кургана, где костяк лежал в нише, гол. на В. У гол. и лев. плеча стояли два глин. сосуда, один с орнаментом на шейке²⁾. Насколько можно судить по фотографии (самых сосудов мне не удалось видеть), это горшки, типичные для Сарматск. Саратов. курганов. Подобные сосуды, судя опять лишь по фотографии, встретились П. Веселовскому в большом кургане ст. Урупской, раск. 1903 г.³⁾.

В кург. № 22 в юрте ст. Ладожской, раск. Н. Весел. 1902 г.⁴⁾, в ногах скелета, лежавшего гол. на С., стояли 2 глин. сосуда—патера черной глины и кувшин с ручкой в виде стилизованного животного⁵⁾—аналогия кувшину с подобной-же ручкой Сусловск. погребения № 36. У головы скелета—разбитый сосуд красн. глины и выше разбитый глин. горшок.

Кург. на участке П. Харина, близ Хатажукаевского аула, раск. П. Весел. 1899 г.⁶⁾. В женск. впускн. погребении (костяк гол. на З.) найден глин. кувшин с тремя ручками различн. формы, одной—вигой, двумя, судя по фотографии⁷⁾.—в виде стилизованных животных—опять аналогия тому-же сосуду Сусловского погребения.

Сравнение погребений Кубанск. Области и Саратов. Края, относящихся к эллинистическому и римскому времени, показало их близкое сходство. Но инвентарь Кубанских курганов гораздо богаче и разнообразнее, в нем больше дорогих привозных вещей. И это естественно: Кубань—центр сарматск. культуры, населенный более богатыми, сильнее воспринявшими античную культуру племенами, чем далекие Заволжские степи с кочевым населением. Для доказательства тесной связи сравниваемых культур особенно важно было найти сходство деталей погребального обряда, а в инвентаре могил—туземных, непривозных предметов, бытовых и ритуальных, что удалось подметить и на что я старалась обратить каждый раз особое внимание.

Некоторый материал для освещения сарматск. культуры Саратов. Края удалось собрать в литературе для других мест, кроме Кубанск. Области, но незначительный.

Курганы, совершенно аналогичные Сусловским, найдены в Самарск. губ. В. В. Гольмстен⁸⁾. Зде в одном кург. Бугурусланск. у., раск. 1923 г., обнаружено погребение сарматск. воина, при костяке—железн. меч, нож, мелкие вещицы (пряжки и т. д.), части ноги и лопатка барана.

¹⁾ ОАК за 1903 г., П. 1906, стр. 65—66.

²⁾ *ibid.*, стр. 66, рис. 116—117.

³⁾ *ibid.*, стр. 66—67, рис. 119—120.

⁴⁾ ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 75.

⁵⁾ *ibid.*, рис. 159.

⁶⁾ ОАК за 1899 г. П. 1902, стр. 47—51.

⁷⁾ *ibid.*, стр. 49, рис. 94.

⁸⁾ В. В. Гольмстен: «Доисторич. прошлое Самарск. Края». Сборник «Краеведение», ч. I. Губиздат Самара, 1924 г., стр. 162—163.

В 8 курганах около совхоза Березняки, Пилложинск. вол., Бугурусланск. у. раск. 1923—24 г.г., могилы—с подбоями, костяки на спине в вытянут. положении, гол. на С, при них глин. сосуды в виде горшка, кувшина, чашки, ножи с костян. ручками, различн. жел. поделки, точильн. брусок, узда с набором и пряжек и блях плохого серебра, длин. жел. меч, остатки седла, ожерелья из б. и бронзов. привесок, римские провинц. фибулы, по которым погребения датированы II—III вв. наш. эры. Черепя деформированы. Эти погребения В. В. Гольмстен не относит к сарматск. культуре, думая, что Березняковская культура сменила сарматскую.

В кург. № 3 около слоб. Сватовой Лучки, Куляпск. у., Харьковск. губ., раск. Е. Трифилъева 1901 г. ¹⁾, который отнесен исследователем ко II или III в. по Р. Х., с чем не согласен М. Ростовцев, датируя его I в. н. э. по найденной стеклянной и рельефной посуде ²⁾, была обнаружена квадратная могила, обложенная по стенкам деревом В пей—женск. костяк на спине, гол. к Ю. Из аналогичных нашим древностей найдены были два зеркальца—привески из беловатого сплава ³⁾ и небольшая шестигольная плита из песчаника с одной шероховатой и другой очень сглаженной поверхностями и сглаженными краями ⁴⁾ (сравнить с плитами Суловск. кургана № 3 и кургана около Тонкошуровки, раск. П. Вайгеля).

В 1903 г. Археол. Комиссия приобрела вещи из разрытого в 1896 г. при добывании камня кургана около пос. Ново-Петровка, Антон. вол., Херсонского у. и губ. ⁵⁾, в том числе медн. римск. ковш с надписью на рукоятке (Больше-Дмитриевск. курган № 96) и золот. флакончик с крышечкой и ушками для цепочки ⁶⁾, подобный серебряному Можарской находки.

В сарматск. кургане близ с. Мастюгина, Воронежск. губ., раск. А. А. Спицына 1905 г. ⁷⁾ встретился золотой цилиндрок—амулет с филигранными украшениями (типа двойных), подобный Можарским.

Среди древностей сарматск. культуры Саратов. Края легко различить вещи местного, туземного производства и привозные, которые доставлялись, повидимому, из греческих Черноморских колоний. Шли-ли эти вещи на Волгу из одного центра или таких центров производства и торговли было несколько, нельзя сказать с уверенностью, не занявшись решением этого вопроса специально. М. И. Ростовцев в одной из своих последних работ ⁸⁾ говорит о политических, культурных и торговых связях сарматск. населения Таманского полуострова и Кубани с Пантикапеем, центром производства вещей, находивших сбыт у сарматов. Действительно, в Керченских находках есть аналогии привозным вещам инвентаря сарматск. погребений, но такие же аналогии дают находки и других Черноморск. колоний. Приведу примеры: в одной Керченск. могиле, относимой ее исследователем, В. В. Шкорпилом,

¹⁾ Е. П. Трифилъев: «Археологич. экскурсия в Куляпск. у. Харьковск. губ. летом 1901». Труды XII Арх. Съезда, т. I, М. 1905 г., стр. 136—138.

²⁾ М. Ростовцев, *op. cit.*, стр. 586—587.

³⁾ Е. Трифилъев, *op. cit.*, стр. 138, рис. 22.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 139, рис. 23.

⁵⁾ ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 153—154.

⁶⁾ *ibid.*, стр. 154, рис. 305.

⁷⁾ ОАК за 1905 г., П. 1908 г., стр. 82—83, рис. 97, 7 на стр. 82.

⁸⁾ М. И. Ростовцев: «Курганы находки Оренбургск. Области эпохи раннего и позднего эллинизма» Мат. по арх. России, № 37, П. 1918 г., стр. 77

к римск. времени (I—IV вв. наш. эры) найдено было, м. пр., два золотых цилиндрика—амулета с характерным орнаментом мелкой зернью и плетеным шнуром ¹⁾ (ср. «Можары», Камыш. у.). Такие-же цилиндрики известны из Херсонеса, раск. 1890 г. ²⁾ и 1894 г. ³⁾. В последнем случае цилиндрик найден был в гробнице втор. пол. I в. по Р. X. В коллекции золот. вещей из Черноморских колоний Эрмитажа имеются цилиндрики—амулеты из Херсонеса: № 16369—три цилиндрика, один типа двойных и два одинарных (год находки не указан), № 17508—один типа одинарных, находка 1906 г., № 17509, находка 1906 г.—один типа одинарных и № 40, 1896 г. тип одинарных.

Золотые серьги в виде калачика с украшениями из проволоки, филигранны и плетен. шнура, подобные Можарским, были найдены в Ольвии ⁴⁾.

Одним из интересных предметов не местного производства, редко встречающихся в сарматских курганах Приволжья, является бронзовая римская фибула в виде шестиугольного щитка с красной, белой и синей эмалью, найденная в кург. № 6 Сусловск. могильника. Такая-же, но с ромбическим щитком оказалась в одном погребении около Blumenфельда в раскопках 1925 г. Эти вещицы были в ходу в Причерноморских колониях, откуда они попали и к Волжским сарматам. Таких фибул в Эрмитаже мне удалось видеть три, все типа ромбических: инв. № 13745 (по раскопкам № 361), раск. Б. В. Фармаковского 1903 г. ⁵⁾. Найдена вместе с другими вещами в могиле № 6, относимой исследователем ко времени около Р. X. и представлявшей собою земляной склеп с дромосом, который оказался разграбленным; № 606 Г, Керчь, 1884 г. Найдена в земляной гробнице № 42, около арестантской казармы; № 1481, оп. III, № 28, обломок фибулы, найдена в Керчи в 1891 г.

Такая-же круглая эмалевая фибула издана Riegl'ем: это находка в южном Тироле (Val di Non), хранящаяся в Museum Ferdinandeum в Инсбруке ⁶⁾.

В коллекциях различн. бус и подвесок из Керчи Эрмитажа и Ист. Музея можно найти почти все типы, встречающиеся в сарматских курганах нашего Края—скарabei и львы из египетск. пасты, граненые сердоликовые бусы Сусловск. кургана № 57 и кургана г. «Можары», различн. мастиковые бусы, в частности мозаичные (в Эрмитаже я видела точно такую-же, как из Сусловск. кургана № 57 мозаичную бусу с изображениями лица). По указанию Н. Веселовского ⁷⁾, в Керчи часто встречаются характерные для Кубанских погребений и известные у нас золотые рубчатые цилиндрическ. бусы (находка около Саламатина, Камыш. у.).

Туалетные алебастровые сосудики с ручками в виде зверьков, как в Сусловск. кургане № 47 (см. табл. II, рис. 6), находят себе аналогии в Эрмитажных сосудиках № 17703, Е, 19 (выс. 6 см.), Ольвия, 1913 г. (доставлен г. Филипповым)

¹⁾ ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 50, рис. 88 (тип одинарных?).

²⁾ ОАК за 1890 г., П. 1893 г., стр. 31—32, рис. 17 а и б на стр. 32.

³⁾ ОАК за 1894 г., П. 1896 г., стр. 61 рис. 85 (тип двойных).

⁴⁾ ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 147—148, рис. 288 на стр. 148 (случайное приобретение).

⁵⁾ ИАК, вып. 13-ый, П. 1904 г., стр. 153.

⁶⁾ A. Riegl. Die Spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich-Ungarn. Wien, 1901, табл. VIII, № 7. Подобные фибулы см. у П. Уваровой, „Могильники Северн. Кавказа“, М. 1900, табл. С XXVI, №№ 16, 10, 9, 17, 8 и 7.

⁷⁾ Н. Веселовский, оп. cit., стр. 346.

и № 19362, выс. 8 см., место находки неизвестно. Наконец, № 19363 (по раскопкам № 1162) — обломок такого-же алебастрового сосуда с ручкой в виде зверка. Найден в Ольвии, раск. Б. В. Фармаковского 1906 г., в раскопе VI, 2 с. Ю. З. вместе с 3-мя медными монетами (еще не определены).

Привозные вещи, особенно керамика сарматских погребений нашего Края, находят себе близкие аналоги в древностях некрополя Танаиса, раск. Н. Весел. на земле хут. Недвиговки 1908-9 гг., где встретились выдолбленные в скале и обделанные тесаным камнем могилы, больш. частью ограбленные, а также отмечен обряд трупосожжения¹⁾. Отмечу среди найденных вещей: зол. медальон со вставкой из стекла или камня, по краю украшен. зернью²⁾—аналогия нескольким таким медальонам из кургана № 1, 2-я групп., Визенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г., бронзовые браслеты и римск. провинц. фибулы, подвески из египетск. пасты в виде скарабеев и Лэвов на подставках, различн. мастиковые, стеклян. и сердоликовые бусы, обычных для курганов Саратовского Края типов³⁾.

Керамика из Недвиговки (Акмакульт, склад древностей): № 3176 сосудик из серой, покрытой графитом глины (выс. 7 см.). Такой-же, как в кург. №№ 4 и 6, 6-я групп., с. Шилово, раск. П. Рыкова 1925 г.

№ 3187. Такой-же глины, но иной по форме сосудик, выс. 6 $\frac{1}{2}$ см.

№ 3199/63. Такой-же кувшинчик, выс. 13 $\frac{1}{2}$ см.

№№ 3157/5, 3158 7 и 3158/8 кувшины красн. глины (выс. 24, 23 и 15 см.), сравнить с красн. сосудами из сарматских курганов Саратов. Края.

Укажу еще на один сосуд из найденных в Недвиговке в 1908-9 гг. (без №). Это чаша на поддоне (выс. 6 см.) из красноваторозовой глины, очень напоминающая по форме, глэне и выделке розовую патеру из Суслевск кургана № 45.

Можно предполагать, и приведенные примеры подтверждают это, что Танаис являлся одним из городов, ноставлявших свои изделия в наши степи, причем р. Дон должна была служить удобным прямым путем, по которому эти товары шли на Волгу. Пока приходится ограничиться этими случайными примерами. Какие Черноморские колонии снабжали Волжских кочевников своими изделиями—вопрос, требующий дальнейшего изучения, приведенные примеры послужат для этого материалом.

Саратов. 1925 г.

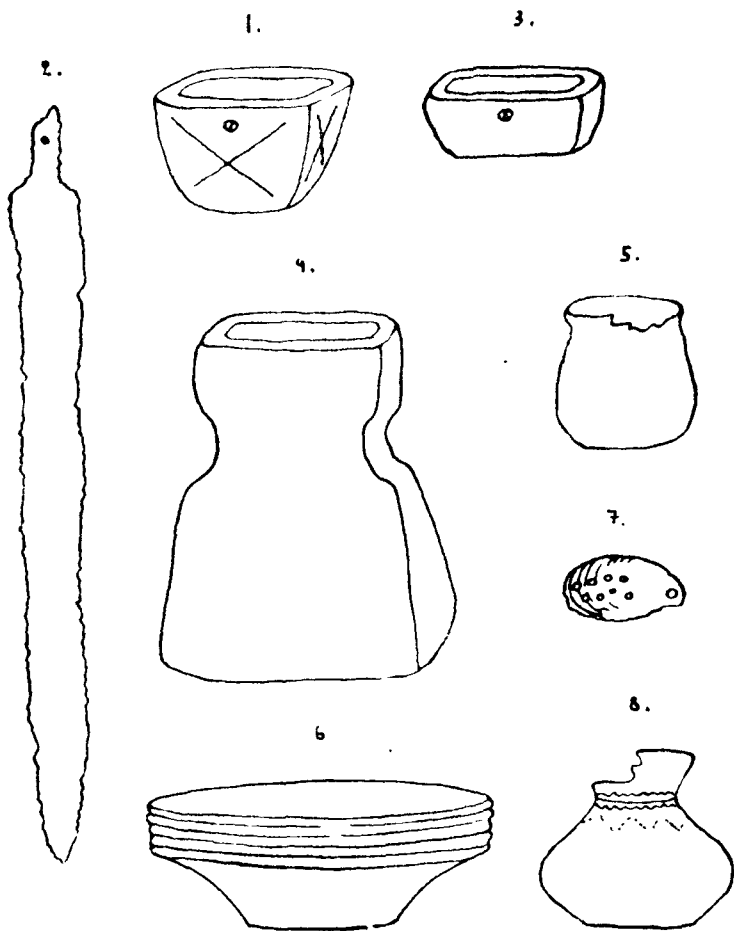
---

¹⁾ ОАК за 1908 г., П. 1912 г., стр. 122—129 и за 1909—10 гг., П. 1913 г., стр. 139—141, часть вещей в Акмакульте.

²⁾ ОАК за 1908 г., стр. 127, рис. 184.

³⁾ См. *ibid.*

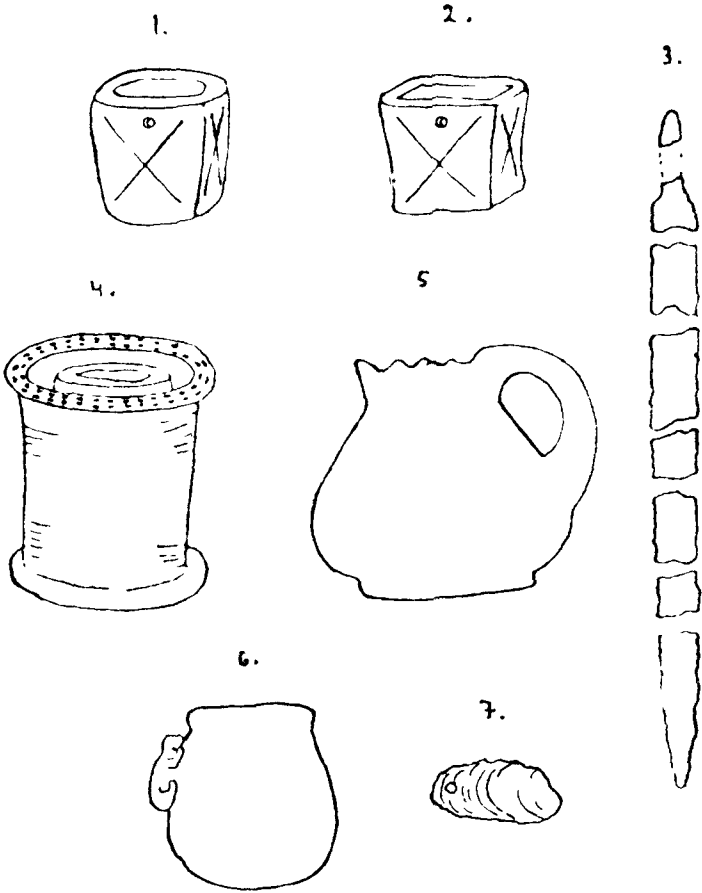
Табл. I.

Ленинград.

Государственный
Эрмитаж.

Табл. II.

Саратов.

Археологич. Отдел
Государств. Областного
Музея.

Из монетной летописи Нижне-Волжской Области.

Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII века включительно.

Б. Зайковский.

Настоящее сообщение является результатом моих работ по регистрации и выявлению обстоятельств находок гл. обр., античных монет в области Нижнего Поволжья.

Материал, собранный мною, представляет своего рода монетную летопись за I-ю четверть текущего столетия и все, что достойно внимания и оказалось проверенным, я выбрал из этой летописи и хотел бы поделиться с другими, ибо думаю, что даваемый мною материал в достаточной степени обрисовывает вопрос о сношении Мал. Азии, Греции и Рима и их колоний с нашей областью и будет не бесполезен для лиц занимающихся изучением торговых сношений античного мира с Востоком.

Летом 1900 г. мне впервые была доставлена медная монета Константина В. из культурного слоя в 3 верстах к Юго-Зап. от г. Саратова. Я демонстрировал эту монету перед членами Саратов. Уч. Арх. Комиссии и получил ответ, что она попала сюда случайно, занесенная, быть может, монг.-татарами из Киева, при возвращении их из похода на Русь. Не допускалось мысли о непосредственных сношениях античных культурных очагов с нашим краем. (1).

Вскоре, после того, при с. Савинке, за Волгою, была найдена вместе с другими предметами древностей бронзовая медаль Адриана, выбитая в Египте, с аллегорическим изображением разлития Нила, а затем у меня стали собираться сведения и о других находках античных монет и предметов (2). Это заставило меня поставить вопрос не о случайности захождения античных монет в наш край, а о планомерности их притока сюда. Я начал регистрацию и выявление обстоятельств находок этих монет. Условия моей службы благоприятствовали этому. За истекшие 25 лет, при постоянных разъездах по территории Урало-Волжского и Волго-Донского водоразделов, мне удалось войти в тесное общение с провинциальными любителями старины, создать круг корреспондентов, осмотреть у многих любителей старины и в местных музеях отдельные монеты и собрания, а иногда и приобретать отдельные монеты, не смотря на обычную переоценку их стоимости со стороны любителей. В определении монет я обращался за помощью или в Московское Музеев. Об-во или в Акад. Муз. Культуры.

Пользуюсь случаем высказать здесь свою живейшую признательность пришедшему мне на помощь в определении монет и указании литературы, проф. А. Н. Загарафу, определения которого в монетной топографии помечаются мною буквами А. Н. З. Приношу благодарность и всем другим лицам, способствовавшим мне в собирании монет и указании нахождения отдельных античных экземпляров их и кладов.

Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок античного периода из числа внесенных в мою «Монетную Летопись».

Д О Л И Н А р. В О Л Г И).

№ 1. *Окрестности с. Сухой Терешки, Вольск. у.* Несколько серебрян. римских монет. Сообщение б. землевл. Кострицына: основателя Хвалынск. музея: М. А. Радищева в 1911 г. и ныне заведующего Хвалынск. городск. музеем К. Ю. Гросса от 19 января 1921 г. (З).

№ 2—3. *Г. Хвалынский.* № 2. Серебр. мон. Марка Аврелия. Сообщ. М. А. Радищева и худож. В. Ф. Орехова (1909 и 1924 г.), № 3. Медный, хорошо сохран. фельс Абассидского халифа Мустансира, битый в Ирбиле в 623—640 г. гиджры. Найден в присутствии К. Ю. Гросса на берегу Волги, в песке, ниже перевозной пристани. (Письмо Гросса от 15 декабря 1925 г.).

№ 4. *С. Широкий Буерак.* к югу от Хвалынска. Медная монета Савромата IV. Найдена при садовых работах близ села, хранится в собрании завшколой Жукова. (Сообщено в Музейн. Секцию Саратов. ГубОНО 12 февраля 1919 г., личн. осмотр. 1921 г.).

№ 5. *С. Алексеевский Затон.* Серебряная римская монета, титул не выяснен. Сообщение Хвалынск. УОНО от 4 июня 1919 г. № 411 сообщ. в Музейн. Секцию Саратов. ГубОНО.

№ 6—7. *Г. Балаково, Самарск. губ.* № 6. Золотая монета типа диргема X ст. найдена на отмели р. Волги, против Балакова и № 7. Серебряная византийск. мон. с изображ. св. Евгения. Найдена в 3 верстах к югу от Балакова, в саду, при расчистке родника. Собрание Мальцева.

№ 8. *С. Терса, Вольск. у.* Серебрян. мон. Тиберия. Найдена при полевых работах на с.-х. ферме учеником Крыловым. (Запись мая 1910 года).

№ 9—10. *Г. Вольск.* № 9. Медная мон. Юстиниана V. Найдена при прокладке водопровода. Находилась в музее местн. реальн. уч-ща. № 10. Медная, неопред. византийская монета, найдена в «Клейменовском конце» при мощении взвоза. (Запись 1913 г.).

№ 11—13а-б. *Маркштадт.* Местный музей Немресп. № 11. Парфянская драхма ц. Вологеза или Артабана V., ср. Wroth, Cat. Brit. Mus. parthica. Тб. XXXVI, 2, 3 и 10. Определение по рис. А. Н. З. № 12. Медная монета Юстиана I в. 40 мпн. № 13а. Серебр. сасанидск. диргем. Ормузда IV. № 13б. Фельс. Саманид. Исмаил. Самарканд 280 г. гедж. (893—894 по Р. Л.). Опред. Р. Р. Фасмера. Монеты собраны колонистами с. Усть-Карамана, Красноярского кантона в 1923 г.

) Охватывается прибрежная полоса шириною несколько более 30 километров восточку и западу от реки.

поручению завмузеем Г. Дресера. (Акт от 20 февраля 1924 г.) (4). № 13в. Фельс. Самандек.—Нух-Иби-Наср'а. Бухара 336, (947—48 по Р. X.) Опр. Р. Р. Фасмера.

№ 14. *С. Генеральское*, левый бер. Волги. Серебряная монета, величиною в 2 коп., с изображением на Аг. портрета женщины (гречанки), на Во—колесницы, запряженной шестеркою лошадей с возницей. На монете надпись «Василиса» (!). (Отнош. гр. Миросницкого в Муз. Секцию Сар. ГубОНО 19 сентября 1919 г.).

№ 15. *Д. Свищовка*, Сарат. у. По Несловской дороге, в 28 верстах к Зап. от Саратова близ д. Свищовки, в поле. Серебряная монета Фаустины младшей. (Пожертвована научн. сотр. П. Д. Степановым в Обл. Археол. музей г. Саратова).

№ 16. *Г. Саратов*. В 3 верстах к Ю.-З. от города найдена медная монета Константина В. в 1900 г.

№ 17—23. *Пос. Узбек*. На Узбекском городище в 10—12 в. к Югу от Саратова найдены: № 17. Серебряная парфийская монета (сообщение Д. М. Бороздина); № 18. Серебряная монета Александра В. (сообщение Е. А. Яковлевой, дочери б. Узбекского землевладельца коллекционера Шабловского, монета недавно продана за 15 р.); № 19. Медная.—Афинская II в., найдена Б. Д. Федоровым, хранится в археол. кабинете Сарат. Гос. Ун-та; № 20. Медная.—II. Цимисхия, найдена и приобретена для Сар. Археол. музея секретарем Н. Волжск. Краеведч. Об-ва А. А. Кротковым; №№ 21, 22 и 23. Три серебрян. зап.-европ. монеты: Фризия, Гейнриха IV и Саксонского герцогства IX ст. доставлены командиром машины «Князевский Затон», найдены при дноуглубительных работах в 1919 г.

№ 24. *С. Узморье*. Лев. берег Волги. Медная римская мон. неопределенная, по тину относится к III в. по Р. X. Найдена лично свящ. Розалиевым близ остатков древнего поселения на б. Волги. (Запись 1913 г.).

№ 25. *Кол. Березовка* (DeHer). Лев. берег Волги. Серебряный диргем Ибрагима I, основ. династии Аглебидов, битый в г. Африкийе (Кайрована) в 804—5 г. См. Френ. Мон. Ул. Джуч. тб. XIII—XIV. (Найден пастор. Баратцем в культурн. слое древней стоянки. См. Труды Сарат. Уч. Арх. Комис. т. XXVI, стр. 121).

№ 26. Горшечек с сереб. римскими монетами близ одной из правобережных немецких колоний. Сообщение гр. Розалиева от 2 августа 1906 г. и 21 апреля 1907 г.

№ 27. *Кол. Сосновка*. Прав. берег Волги. Серебряные римские монеты, которые видел лично член Сарат. Уч. Арх. Комисси П. П. Кирштейн у колонистов Сосновки. Место находки отказались указать.

№ 28'1—2. *Г. Ровное* (Seelma). Левый берег Волги. Две медные монеты—ольвийская и пантикапейская, найденные на окрестных дохах города. Ирислап фотографич. снимок с них г-ном Шааб 4 июня 1904 г. в Сар. Уч. Арх. Ком., по снимкам А. Н. Зограф заключает, что «одна, вероятно, ольвийская, другая, вероятно, пантикапейская». Ср. Бурачков. общ. кат. монет, принадлеж. Эллинист. колониям сев. бер. Черн. моря. Одесса. 1884. тб. XXII. 173.

№ 29—30. *Ниже г. Ровного до с. Чернобаева*—дюнные стоянки. № 29—Римский денарий времени Республики. Монетный чиновник М. Туллий. Ср. E. Babelon *Monnaies de la république romaine*. II стр. 503; H. A. Grueber, *Cat. Brit. Mus. Coins of the Roman republic*. II стр. 266. Определ. А.Н.З., № 30. Такая же. Монетный чиновник К. Ренний. Ср. Babelon *o. l.* II стр. 399 № 1., Grueber, *o. l.* I стр. 121. Определ. А. Н. З.

№ 31—32. *Кол. Нижняя Добринка, Голо-Карамышск. кант.* Нем-реси. Правый бер. Волги. № 31. Медная монета имп. Криспа, № 32—повидимому Ц. Цимисхия. (Сообщение учит-ц. Н. Сабуровой и Т. Истоминой).

№ 33—34. *Терновское городище* к Сев. от Камышина. Правый бер. Волги. № 33. Драхма, предположительно по рисунку, монета царя Готорза. Wroth o 1. тб. XXVII 23. опр. А. Н. З. № 34. Медная босфорская, тип Рескупорид. (См. При волжские Помпей» проф. Валло,).

№ 35. *Окрестности г. Камышина.* Две золотые римские монеты. авреус Веспасиана. Срв. Н. Cohen Monnaies impériales I² стр. 413 № 586. Опр. А. Н. З.

№ 36. *Станица Александровская.* Сталинградск. губ. Медная византийская монета. (Запись 1903 г.).

№ 37. *С. Пролейка, той же губ.* Неопределенная боспорская монета в собрании бывшего атамана Алекс. станицы. (Запись 1903 г.).

№ 38—84. *Гор. Дубовка.* (6) Водяное городище в 3 в. к С. от Дубовки 38) Медная монета Александра В. Ср. Z. Muller. Numismatique d'Alexandre le Grand тб. II. 19—20. Определение А. Н. З., № 39—Медная монета гор. Тира в Финикии (Ср. Cat. Brit. Mus. Phoenicia. Стр. 259—260. №№ 288—298. А. Н. З. хранит там же), № 40. Медная монета из Ольвии II в. до Р. X. Найдена в 1907 г. (опред. Щигникова. Бурачек IX № 224—222). № 41. Медная ольвийская III в. до Р. X. (Бурачек—XIII. № 173). Найдена в 1908 г., № 42—43. Две медные ольвийские монеты III—II в. до Р. X. См. Бурачков. Каталог монет Эвлинск. колоний северн. берега Черн. моря. Тб. III № 23. E. H. Minas. Scythians and Grech-Sambr. 1913 тб. III 4. 5; В Pick. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien тб. IX 26—29. А. Н. З.). 44. Медная м. Рискупорида VI, год неясн. М. б. 624 босфорск. эры (327—8 по Р. X. А. Н. З.). 45. Медная, как и № 44, год 620 босф. эры, 323—4 по Р. X. (находка Кудряшова), № 46—такая же, как и № 45. Находка 1913 г. доставлена Граубергером. № 47, такая же, как № 45. Найдена при костях человека с остатками колчана и железным наконечником стрелы. 48. Медная, восточная, с изображением какой то царицы. Еще не определена. 49—74. 25 меди. нечетких и неочищенных монет, повидимому босфорских; на некоторых легко читалось сокращенные название городов: «Пан», «Хер», «Фа» и на одной лишь, в собр. д-ра Туровского: четко «ΡΑΝΤΙΚΑΡΑΙΤΩΝ». (доклада Зайковского в заседаниях Саратов. учен. арх. комиссии за 1913 и 1914 годы), № 75—84 Медная мон. с портретом имп. Деция. Найдена в 1913 г. Хранится в музее Дубовск. Физ. Медц. Об-ва, № 76. Медная—Константина В. плохой сохран. Найдена в 1905 г. (См. Труды Саратов. Уч. Арх. Ком. вып. 24-й. Сообщение В. В. Зайковского). № 77. Медная Констанция (?) Находка 1909 г. Кудряшова, 78—79. Две медные монеты Криспа. Одна из них находится в Саратов. архив музее. См. Н. Cohen. Monnaies impériales VII² стр. 352. № 125. Опр. А. Н. З. № 80. Серебрянная Византийская с изображением святого (Евгения?). № 81. Медная Византийская в 40 мин. Изображение Константина и Елены. Плохой сохранн. Найдена в 1913 г., № 82. М. императора Льва VI, хорош. сохранности. Найдена при основании круглого здания, № 83.—Даргем серебрянный. Найден при погребении в лодке, № 84. Серебрянная мон. царицы Тамары. Отослана д-ром Туровским в Харьковский ун-т. Монета очень редкая. (Сообщен. Харьков. ун-та 1913 г.). Монеты за №№ 38—46, 48, 76—78, 81, 82 хранятся в археол музее г. Саратова.

№ 85. *Слоб. Рахинка*. Левый берег Волги, против Дубовки. Византийская медная монета—неопределена. Находка 1907 г.

№ 86—90. *Дснежный остров*, против б. Царицынского оружейного завода Виккера. № 86. Медная с изображ. на Ах креста, на Вх.—грубой работы точками лица женщины в короне. По определ. Моск. Пумиз. Об ва принадлежит Русудани, дочери Тамары. Хранится в Царицынск. музее, № 87. Серебряный диргем хорошей сохранности, Ормузд IV. (Хранится в Сар. археол. музее), № 88. Сер. диргема (2) Саманидского типа, один в собрании Богодарова, другой—в собрании Гризева (Дубовка). № 89. Фельс, Ортокида. Мардина, Назир-Эд-дин Орток Арслана 599 г. (1202—203 г.). опр. Р. Р. Фасмера и № 90. Медная византийская монета, предположительно, Юстиниана В., хранится в школьном музее при быв. Франц. металлургич. заводе.

№ 91. *Кол. Сарпта, ныне Красноармейск*. Серебряная мон. царицы Филистиды; жены Гиерона II в 16 литр. (р. S. W. Grose, Fitzwilliam Museum, Greek coins, vol. I Cambridge. 1923 тб. 105 р. 7. А. Н. З. Найдена в 2 верст. от колонии к западу в Ченурниковой балке (7).

№ 92—93. *Слоб. Владимировка* на левом берегу Волги. № 92. Золотая византийская монета с изображен. И. А. на одной и Михаила и Феодоры на другой. Найдена внутри соляного пласта оз. Баскунчака (?) № 93. Такая же, повидимому, но плохой сохранности, на городище «Мамайский берег». Собрание соленпромышлен. В. В. Сапожникова. (8).

94—99. *С. Селитренное, Астраханск. губ. Енотаевск. у.* Во время археолог. раскопок проф. Сар. Ун-та (преде. Сар. Н. П. Арх. Ин-та) Ф. В. Баллод, на территории Золотоордынского городища Старый Сарай (ныне Ладжи-Джигит?) было организовано собиране монет на террит. развалин и на окрестных дюнных стоянках бронз. эпохи. Всего собр. 2376 мон., в том числе: 94—95. Ольвийские (см. опис. под № 42—43), 99. Мед. мелк. Херсонская, 97—98. 2 мелкие позднеримские медн. [—IV ст. 99. Серебр. тип. сас. диргема. Мон. сдапы в Татнаркомпрос в Казани (пр. Ф. Баллод: Старый и Нов. Сарай—две столицы Зол. Орды. Камбинат печати. Казань 1923 г.).

100. *Замьян, Астр. г. пр. б. Волги*. Золотая мон. имп. Евдокии (Собр. монет. Базилевского в Астрахани. (Запись в 1906 г.).

101. «*Шареные Буфы*» или городище Хаджи-Терхан. Сер. мон. Юстина I (сообщ. зав. Центр. Архивом Калмобласти кр. П. П. Пальмова от 13 ноября 1924 г.

П Р И Т О Ъ Н В О Л Г И.

102—103. *Р. Сура, с. Верхозим, Петр. у., Сар. губ.* 102) Серебр. мон. Антонина (хр. в Сар. Обл. Арх. Музее), 103. Золотая антич. мон.—утеряна. Обе найдены в торфянике. (Числьмен. сообщ. зав. Петр. Гос. Муз. Д. В. Паумова от 3 апреля 1922 года).

104. *Р. Балыклей, Сталинр. губ. с. Чухонастовка*. Нечеткая босфорская монета, найденная в 1905 г. бл. с. Чухонастовки стражагентом Сар. Губ. Земства Хомяковым, доставлена в Сар. Уч. Арх. Ком. вместе с бронзов. наконецн. стрелы.

105. *Р. Сарна, Сталинск. губ.* В 7 кил. от верховья в степи, найдена визант. медная монета в 1906 г. Хранится в Сарепте, в собр. Штейнгисе.

106. *Р. Большой Ирриз, Пугачевский у., Самарской губ.* 106. *С. Переконная Лука* на р. Ирриз, к Западу от Пугачева. Биллоновая монета Отациллии Северы, битая в Антиохии (Wroth. Cat. Brit. Mus. Carrado ia, Syria. Стр. 216, № 540. Опред. А. П. Зограф. Найдена в 1923 г. во время Гидротехнич. работ: дост. в Сар. Об. Арх. Муз. инженером А. П. Горшениным.

107. *При хут. Овчинникове, на притоке Б. П-за-р Сакме*, в вост. килом. к Югу от Перекон. Луки, найдены две кубышки с серебряными монетами парфянских царей.

108. *У вол. с. Кандевки*, вверх по Ирризу, выше впад р. Камелик, серебр. византийская монета, размер полтины: изображение святого в венчике вокруг головы и на обр. стороне 3-х строчная греческая подпись. (Письмо Зав. Пугачевским музеем К. И. Журавлева, от 15 декабря 1925 года.

№ 109—110 *Река Тарлык*. Окрестности кол. Фрозенгейм. Две мелкие индийские монетки, собранные в числе других учителем К. Фрейтаг в 1920 году. № 109. 2-й год первого восстания (67—68 по Р. Х.). Определена по рис. сра 9 F. Hill Cat. Brit. Mus. Palestina. Стр. 272, № 22 АНЗ № 110—вероятно царя Иоанна Гиркаца. ср. ibidem стр. 188. № 3. АНЗ. О находке монет имеется письмо Фрейтага от 18 сентября 20 г. См. Труды Сар. Об-ва Ист. Арх. и Этног. за 1923 г. вып. 34-й, ч 1-я. стр. 20—21.

№ 111—114. *Р. Ерусали*, Красный-Кут. Клад серебр. монет в 8½ фунт и 5 штук золотых, завернутых отдельно в кусок кожи. Удалось собрать серебряных монет 14 экземпляров: Гордиана III—8 шт., Марции Отациллии Северы—3, Гамения—1, Клавдия II—2. Одиночные находки с дюн по р. Еруслану: Гордиана III серебр.—2, Галлиена медная—1, Клавдия II—медная—1. Из всех этих монет 9 поступили в Сарат. Арх. Музей. (О них корреспондировали Л. В. Зипченко, С. М. Амара, учт. Лемет, член РКП т. Закащикова, т. Краснощекова, учт. Вейнберг. См. Труды Сарат. Уч. Арх. Ком., вып. 26-й. стр. 106—108), № 112—114. Мною зарегистрированы при об'езде долины р. Еруслана, босфорская и римские монеты с дюн в музеях при Нардомах в с.с. Дьяковки и Сагтова.

№ 115. *Окрестности кол. Визенмиллер*, Старополтавского кантона Немре-спублики. В ноябре 1925 г. бронзовая монета Александра Севера, битая в Нико-мидии в Вифинии. Оттиск хранится в Сарат. Археол. Музее. По опред. Ан. Зографа: монета представляет, повидимому, незначительный вариант к типу, изданному E. Babelon. Th. Reinach. Recueil générale des monnaies grecques d'Asie Mineure, т. 1, стр. 558, № 325.

№ 116. *Р. Торцун*, приток р. Еруслана. В окружности с. Савинки, близ хутора Шингирей. Медная монета Адриана, битая в Александрии, крупная. Найдена в 1901 г. в культурн. слое Duttari. Nishni ang. Alexandrini Saira 1901 гбда, № 1778—1808. Года не видно. Рисунок плох. Опр. А.Н.З.

№ 117—118. *В районе р. Торцун* в 1919 г. при моем об'езде удалось установить 2 случая находок кладов, первого из византийских монет, второго, повидимому, из абассидских диргемов. Клады приобретены в 1915 году ханом Букеевской орды (9).

№ 119—125. *Водораздел между притоками Б. Прииза и Урала* (10) (р.р. Камелик и Чарыкля—Деркул и Чаган). № 119. Ст. «Озипки», Покр.-Ур. ж. д. Драхма парфянского царя Мифридата II. ср. и. Wroth. Catal. Brit. Mus. parphia. тб. VII 7. А. Н. З., № 120—121, между ст. «Семиглавый Мар» и «Шимово». Драхма парф. царя Орода I. Ср. *ibidem*. тб. XVII, 2. А. Н. З., № 122—123—река Деркул, приток Урала. Две драхмы парф. царя Готорза. Ср. *ibidem*. тб. XXVIII, 3. А. Н. З. № 124—там же тетрадрахма парф. ц. Вардана I, даты, вероятно, 353 г. селевк. эры = 41—2 г. по Р. Х. Ср. *ibidem*. стр. 156. № 24. А. Н. З. и № 125, там же—драхма парф. царя Фраота III. Ср. *ibidem*. тб. XI, 3. А. Н. З. (Сравни № 107).

КАМЫШИ—САМАРСКИИ БАССЕНИ (Узени с притоками).

№ 126. *Р. Малый-Узень*, с. Питерка. В 1910 г. в собрании монет П. Вишнякова была найденная на наше медная византийская монета, которую я отношу к типу монет П. Цимехия.

№ 127. *Р. Б. Узень*. Фаресовым, преподавателем II ступени Александро-Гайской школы, отношением от 13 января 1920 г. за № 21 было сообщено в музейную секцию Саратов. ГубОНО, что в реке Б. Узене была найдена золотая монета с изображением какого то святого и нерусской надписью.

№ 128. 133а-б. *Р. Алтата*, приток Б. Узени, с. Дергачи. Дюны реки в 3 верстах от села. Собраны одновременно М. П. Хмарой и пожертвованы им. № 128. Серебряные м. Антонина, № 129. —Флаустины, № 130 —Люция Вера, (хранятся в археолог. кабинете Саратов. Гос. Ун-та), № 131 —Адриана (хранятся в Саратов. Арх. Музее?), № 132—Бронзовая монета—сеестерций В. с. слана, найденная на 2 арш. глубине в с. Дергачах вместе с костяком. М. П. тина AETERNITAS, который известен только в aureусах этого императора. Cohen. о. I. P² стр. 369 №№ 21 и 23. А. Н. З. № 133-а—Серебряный денарий пми. Луциллы с дюн р. Алтаты близ Осипового-Гая. Вероятно Cohen III² стр. 222, №№ 92 и 93. А. Н. З. (Отношение Сейфуллиннова от 30 июля 1922 г. № 133-б. Кроме того, в районе р. Алтаты на р. Черпенькой (с Новонатальино) была найдена монета—абассидск. шрем. Мансура Ал-Джезира, без года. Опр. Р. Р. Фасмер.

П Р И Т О К И Д О Н Ё.

№ 134. *Р. Хонер. с. Падм*. Медная монета, повидимому, византийская в 40 мин. Найдена об'ездчиком экономии Нарышкиных.

№ 135. *Р. Медведица, г. Петровск*. Медная монета Константина В., найдена учеником реального училища. Карновым, в 1909 г. близ мужского монастыря, после разлива р. Медведицы.

№ 136. *Р. Илюля, окрестности с. Барановки*. Медная монета hexas = 1/2 литры. Гор. Акраканта. V век. Ср. S. W. Gliese. o. I. vol. I № 2075 см. тб. 66 рис. 9. *Cob. Brit. Mus. Sicily* стр. 17 № 132 слл. А. Н. З.

№ 137. *Хут. Грязнуха*. Серебряная монета Антонина Пия (11).

№ 138—143. *Окрестности с. Саламатина*. Золотая гора. Капитанская гора и др. (12). № 138—139. Две золотые монеты Евнатора II и Траяна (Письмо М. В. Суевой 2 ноября 1925 г. № 140—142. Серебряные монеты Траяна. Авто-

пина и Фаустины мл. (обраны здесь мною в период с 1909 по 1920 г. № 14); Медная римская монета (еще не определена), хранится в Саратовском Археологическом музее.

№ 144. *Качалинская станция*. В 1907 г. была найдена монета Зенги Насир-Эддин, ал. Маусиль (Мосул) 627 г. гедж. (1229—1230 по Р. X.). Определ. Р. Р. Фасмер.

За пределами взятой нами области отмечу следующие пункты находок античных монет, по направлению к В. от р. Волги.

А. *Кариалинский медный рудник* в 60 верстах к СВ от Оренбурга. Бронзовая римская медаль Траяна. 116 г., на глубине 3 сажени. См. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком., вып. 22, за 1910 г.

Б. *Земля села Астраханского*, в 80 верстах от г. Актюбинска, Тургайской области. Матрица для чеканки монет при Юстиниане В. Поступила в дар Саратов. Археол. музею от препод. 10 советской школы А. В. Альбинского через Е. М. Прогасову. Документ от 5 июня 1921 г. № 3099.

В. *На реке, впадающей в Орь*. Найден клад золотых вещей в 1922 г. при постройке плотины на реке (?), впадающей в Орь. Среди других вещей были найдены несколько золотых монет царя Юстиниана. На Ав. выполнено литье в профиль, обращенное вправо, с круговой надписью Justinianus P. P. Aug. и Кв.—фигура вроде ангела с четкой надписью вокруг: victoria augustorum. Сообщен корреспондентом Сераф. Мих. Хмарой. 14 января 1923 г., у которой сохранилась одна монета.

В заключение я должен сказать, что предлагаемый материал далеко не исчерпывает действительного числа этого рода находок. Не менее 30% их не внесено сюда благодаря тому, что у провинциальных коллекционеров не удалось выяснить ни обстоятельств, ни места находок античных монет, до 10% не внесены в «Летонисъ» находки, которые по тем или иным соображениям не внушают доверия, особенно после 1905 и 1917 г.г., когда масса пумизматического материала поступила в обращение из разгромленных барских усадеб; наконец, не внесены сюда хотя и вполне правдивые показания крестьян о находках древних монет, но самые монеты уже утрачены, хотя меткость их описания находчиками и допускает правдоподобие и говорит за античный характер монеты, как, напр., «монета толстая, как пломба», или «на одной стороне—голова, а на другой—человек на стуле». Надо полагать, что число находок древних монет превышает вдвое или втрое приведенную нами регистрацию на такой огромной площади, как Нижнее Поволжье. Если к этому делу приложат руки другие краеведы, то картина сношений нашей края с культурными очагами древности, хотя бы только по монетным данным, может получиться и занимательной и поучительной.

(Для ориентировки прилагается карта монетных находок.)

Примечания:

1) В то время исторические сведения о Саратовском крае были очень скудные, археологических исследований местными силами не производилось, за исключением золотоордынских городищ.

2) В 1903 г. на Авке (городище) была найдена из произведений, относящихся к Египту, терракотовая статуэтка египтянки. Проф. Т. Арно отнес ее к времени Птоломеев.

3) В археологической литературе есть указание на клад римских серебряных монет в Сызранском уезде, Симбирской губернии от I века до Р. Х. до конца I в. н. Р. Х.

4) В 1906 г. в устье р. Карамана был найден клад, повидимому, римских монет.

5) Из писем местных учительниц П. Сабуровой и Т. Истоминой видно, что здесь имеется неисследованное городище с богатым культурным слоем. Положение его точно не определено. Один из местных археологов, П. Д. Рау, получил с этого городища крайне интересные археологические предметы, точно еще не датированные, но очень древние. (Сообщ. 8 июня и 2 августа 1923 г.).

6) В 3 верстах к Северу от Дубовки находятся развалины большого города (Водяное городище или Бельджамен), культурный слой которого местами достигает мощности 4 футов. В 1913 г. местное Городское Управление сдало площадь городища на добывание из него костей, которых было собрано до 15 тысяч пудов. хорошего, золотоордынского кирпича взято до 90 возов и медного лома до 100 п. Здесь же, по сообщен. одного профессора из Киева от 12 июня 1913 года, было найдено много монет, вазы с изображением сцен из древней жизни (всадники, фигуры мужчин и женщин), продаваемые по 60 коп. Часть мраморной белой колонны хранится в Саратовском археологическом музее, где с этого городища имеются еще эллинистическая бронзовая фигурка крылатого зверя, золотая античная серьга, свинцовые греческие торговые пломбы IV—VI в. и бронзовые скифо-сарматские наконечники стрел.

7) Здесь же лет 30 тому назад была найдена часть мраморной плиты с греческой надписью, хранилась до 1918 г. в Саратовском музее, а эстампаж — в Царицынском музее.

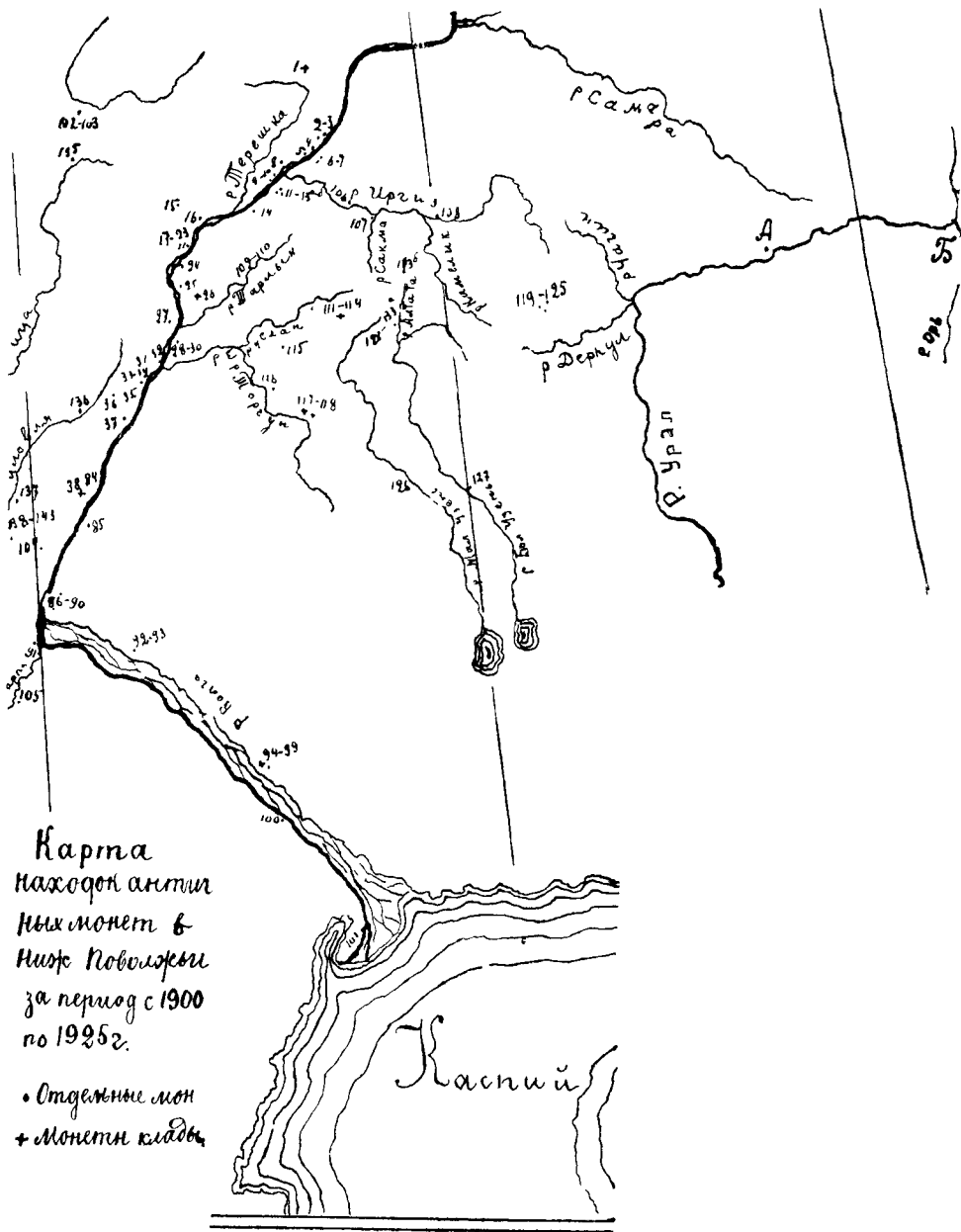
8) У Сапожникова было в 1910 г. до 20 античных монет, в том числе тетродрахма Антиоха В и несколько римских, которые он приобрел у местных рабочих киргизов, не уходивших из пределов своей области. Но, к сожалению, нет точных топографических данных о находках этих монет. Кроме монет у него были собраны: часть бронзовой статуетки, торс женщины античной работы, камень, свечильник с христианскими эмблемами и др. вещи.

9) В районе Торгуна в 1921 г. П. Д. Рау при раскопке кургана, в инвентаре его, были обнаружены 2 римско-египетских скарабея из пасты.

10) В этом районе хотя и зарегистрировано у меня 48 нарфянских монет, из коих 37 штук найдены в кубышке близ станции «Озинки», но точную топографию находок установить не удалось.

11) В Камышине некто Тулунов держал лет 30 тому назад антикварную лавку. У него была записная книжка, из которой удалось почерпнуть, что за время с 1887 по 1908 г. им продано разным лицам римских и греческих монет, скульпленных у крестьян и казаков по р. Пловле, 11 штук. Другой камышинский торговец, Валентин Прохорович Портнов, в наследство от родителей получил котел монет, клад, состоящий из клиновидных серебряных и золотых монет. См. А. Н. Минх. Историко-географический словарь Саратов. губ. 1900 г. Саратов, стр. 458.

12) Этот район выделяется исключительными археологическими находками.

Сферо-конические сосуды

из Археологического Отдела Саратовского Государственного Областного Музея.

А. А. Кротков.

Саратовский Археологический Музей хранит в отделе татаро-монгольских древностей до 35 целых глиняных сосудов, имеющих своеобразную форму. В археологической литературе они носят название то конических сосудов, то остродонных, то сферо-конических и, наконец, глиняных сосудов с коническим дном. Имея в виду, что в основе своей подавляющее большинство их совмещает две геометрических формы тела—сферу или шар в верхней половине, и конус—в нижней, правильнее будет их именовать сферо коническим, каковой термин и усвоен нами для трактуемых сосудов.

Все сферо-конические сосуды Саратовского музея приобретены или покупкою или, дарением, но в большей своей части подобраны местными работниками-археологами с двух татарских городищ: с Укака и Бельджамена; часть привезена из развалин Нового Сарая, два фрагмента с Наровчатского городища Пензенск. губ. и один целый сосуд найден на безыменном татарском селище по речке Саратовке, в урочище, носящем название «Праторский бугор».

Оригинальная форма сосудов, неказистость их материала, загадочность применения их в жизненном обиходе давно уже привлекли к себе внимание как иностранных, так и русских археологов, но единого ответа о том, каково могло быть назначение этих сосудов, какому народу можно присвоить эти памятники древности по сих пор еще нет. Почти каждый археолог, рассматривавший сферо конические сосуды, высказывал свой отдельный взгляд, предлагая свою гипотезу.

М. F. de Saulcy, Шлюмбергер, Перрот, Ф. Успенский и др. считают сферо-конические сосуды метательными гранатами, которые могли наполняться каким-либо воспламеняющимся веществом и перебрасывались в неприятельский лагерь¹⁾; А. Казаринов принимает их за архитектурные украшения, которые путем насадки на железные шпили воротных столбов, башен и проч., могли служить для архитектурной арнаментовки зданий²⁾. Этот взгляд поддерживал и академик Радлов³⁾. Индр. Федор. Лихачев, в очень обстоятельной статье: «О загадочных сосудах сферической формы из Волжской Болгарии» выдвинул и старался обосновать свою гипотезу, что эти сосуды по разнообразию форм, материала, прочности конструкции и характеру украшений не могли быть ничем иным, как домашними лампами⁴⁾.

¹⁾ Записки Вост. Отд. И. А. Об-ва, 1904 г., т. XV, вып. IV, стр. 101—112. Э. Ленц «О глиняных сосудах с коническим дном».

²⁾ Известия Об-ва И. А. и Э. при Казанском Ун-те, т. III, 1880—1882, стр. 113.

³⁾ Труды Г. Археол. Съезда. I протоколы Съезда, стр. CXIII.

⁴⁾ Ibid. т. I, стр. 34—65

Проф. Л. К. Ивановский на 4-м Археологическом Съезде высказался о них, как флаконах для ароматических жидкостей¹⁾; некоторые приписывали сферо-коническим сосудам роль голосников или резонаторов в зданиях, И. Честер, проф. Штукенберг Э. Ленц²⁾, И. Пославский³⁾ настойчиво утверждают на основании остатков содер-жимого, случайно сохранившегося в этих сосудах, что они суть ни что иное, как тара для перевозки и хранения ртути.

Наконец, в последнее время с особой статьей об этих сосудах в Казанском Музейном Вестнике выступил З. Виноградов, предлагая свою теорию, что эти сосуды служили ничем иным, как флагами для переноски священной воды, не отвергая в то же время, что они «в зависимости от местных условий и времени, могли служить и для ртути и как лампы или лампы, быть может, и для вина, маслянистых веществ и других жидкостей, возможно даже и для пороха» и, говорит в заключение автор, «они были свидетелями, а быть может, и участниками каких-то религиозных обычаев». ⁴⁾

К универсальности этих сосудов, с точки зрения т. Виноградова мы могли бы со своей стороны добавить еще одно из назначений сферо-конич. сосудов, а именно служить кубарями или волчками для игр взрослого населения. И свое предположение мы основываем на опыте, произведенном с этими сосудами в Саратовском Археологическом музее. Для этого мы брали тонкую бечеву (шпагат) в 1 арш. длины обматывали вокруг шейки сосуда, в отверстие вставляли 3-х дюймовый гвоздь и, придерживая сосуд в вертикальном положении на полу или на столе, сильно дергали веревку и одновременно вынимали гвоздь. Сосуд прекрасно вертелся и, подгоняя его кнутиком, мы могли «кубарить» его сколько угодно времени.

Высказывая свой взгляд на сферо-конические сосуды, как на игрушечные предметы обихода, я, конечно, не настаиваю на его правильности, хотя-бы подтвержденной и опытом. Привел я его лишь с целью показать, что не всегда гипотеза, подтвержденная опытом, может претворяться в правильную теорию. Для нас все же остается под вопросом — каково было основанное первоначальное назначение этого рода посуды, для какого употребления они выходили из мастерской производителя, какой народ производил эту посуду, какова их хронологическая дата? Предмет остается все еще загадочно-интересным и не сошел еще, так сказать, с повестки дня. Этим я позволяю себе оправдывать вторичное мое выступление с траптовкой о сферо-конических сосудах. ⁵⁾

Изучая эти сосуды как со стороны их исторического бытования и географического распределения, так и со стороны конструктивной, типологической, мы, думаю, можем подойти к датировке этих сосудов и их классификации и вместе с

¹⁾ Труды IV Археол. Съезда. Протоколы Съезда. Стр. С XIII.

²⁾ Записки Вост. Отд. И. А. Об-ва. 1904 г., т. XV, вып. IV, стр. 101—112. Э. Ленц «О глиняных сосудах с коническим дном».

³⁾ Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, 1905 г. См. ст. И. Т. Пославского, а также ст. «Очередная деятельность Туркестанского кружка за 1-е десятилетие существования».

⁴⁾ Казанский Музейный Вестник № 2. Казань, 1922 г. стр. 75—119.

⁵⁾ В 1-й раз я уже докладывал о сф.-конич. сосудах в 1915 г. в одном из заседаний бывш. Саратов. Уч. Архивн. Комиссии и пришел к тем-же выводам, как и ныне. В настоящее сообщение введена мною лишь статья т. Виноградова не поколебавшая мои прежние выводы.

этим приблизимся к решению вопроса о их коренном назначении по выходе из мастерских, о месте, занимаемом ими в быту народа, и к решению вопроса—какого народа.

Просматривая литературу о сферо-конических сосудах и сводя воедино разбросанные топографические данные о их находках, мы получаем в результате следующие границы бытования этой посуды: на юге—Северный Египет, Сирия, Триполис, на севере—Биларск и Булгар на Волге, на востоке—Туркестан (область), на западе—Москва и ее меридиан с отклонением на Крым и затем на Египет. Вне этого района сферо-конические сосуды пока не найдены.

Весь очерченный район целиком входил исторически в сферу торгово промышленного влияния или арабов, или монголо-татар (XIII—XV в.) и потому эти сосуды могут являться продуктом или арабской промышленности, т. е. VII—X в. или времени XIII—XV в.

Разрешение этой альтернативы даст перевес в пользу монголо-татар и вот почему. Все находки сф.-конич. сосудов встречаются исключительно на местах существования монголо татарских городов или в городах, куда распространялось влияние монголо татар. Вот перечень этих городов и городищ в алфавитном порядке: Ани, Бельджамен, Билар, Булгар, Дамаск, Иерусалим, Москва, Мохши (Наровчат), Отрар, Самарканд, Сарай старый и новый, Термез, Триполи, Укак, Ургенч, Хаджи-Терхан, местоположение коих известно, и некоторые другие города в очерченной области, местоположение которых до сих пор еще не установлено. Такие города из перечисленных, как Сарай старый и новый, Бельджамен, Укак, Хаджи-Терхан, Мохши возникли, как известно, в XIII веке и сферо-конические сосуды могли попасть в них не ранее этого времени. Затем—эта посуда всегда и всюду у нас в России находится в сопровождении других бытовых остатков татаро-монгольской эпохи, почему мы и относим и появление этой посуды в очерченных границах лишь ко времени появления монголо-татар. Такие города, как Ани, Дамаск, Иерусалим, если и не входили в границы татаро-монгольских владений, то сфера влияния монголов во времена Гулагидов на них распространялась и весьма сильно, а в Египте могло иметь значенне влияние Джучидов, находившихся в тесном общении с Египетскими султанами и даже входивших в родственные с ними отношения¹⁾. Что-же касается того, что старые, существовавшие до прихода татаро-монгол, города были последними разрушены, стерты с лица земли, то приходится не забывать и того, что, как только нахлынувшие орды татаро-монголов распределились и осели на избранных ими местах, разрушенные ими города вскоре же воскресли к новой жизни, восстановились, обстроились, чему служит примером хотя бы г. Булгар, особенно жестоко пострадавший от Батыея. При его преемнике, Беркехане, мы уже видим монеты, чеканенные в г. Булгаре, когда в Орде не существовало ни одного еще нового города, а столица Сарай (старый) только что заканчивался постройкой.

Не могла сферо-коническая посуда существовать и иметь распространение в арабский период, т. е. VII—X в.в. потому, что в таком случае мы ее встретили бы и в пределах Испании, куда проникли арабы, и в тех местах России, куда доходила арабская торговля или, скорее, арабские диргемы, т. е. и на берегах

¹⁾ См Тизенгаузен (Сборник материал. относящ к Золотой Орде СПб. 1884 г.

Днепра, Вислы, даже в Прибалтике¹⁾. Прочность и крепость материала и состав сферо-конических сосудов, не допускают их бесследного исчезновения с указанных мест, если бы они существовали и в X веке.

Поэтому, нам кажется, нельзя считаться с мнениями Э. Ленца и З. Виноградова, когда первый старается отодвинуть появление сферо-конической посуды ко времени до XIII в., а второй относит появление сферокоников ко времени 1-й династии Абидоса в Египте.

Исчезновение этой посуды из обихода жизни на русской территории последовало одновременно с прекращением существования Золотоордынского ханства, а в других восточных странах, быть может, несколько и позднее, судя по свидетельству проф. Веселовского, что именно в Туркестане в памяти туземцев до наших дней сохраняется предание о назначении этих сосудов как ртутных пузырьков. Э. Ленц полагает, что она исчезла из обихода жизни у закаспийских народностей лет 200—150 тому назад, т. е. в XVII, начале XVIII в. Если это так, то период ее существования определится для закаспийских областей в 400 с лишним лет, а для нашего Поволжья в 200—250 лет.

Таким образом, связывая появление и исчезновение сферо-конической посуды с появлением у нас монголо-татар, мы этим самым определяем и хронологию этих сосудов, хотя бы в грубых чертах, а именно тат.-мангол. периодом XIII—XV вв.

Что касается мнения т. Виноградова о древности сферо-конической посуды со времени Абидосской династии, то здесь можно указать, что если у египтян и показана на рисунках остродонная посуда при покойниках, каковую приводит на своих чертежах Виноградов, то эти остродонные кувшинчики несут всегда на себе сбоку дудочку, чего на наших сосудах никогда не наблюдается.

Наличие сф.-конич. сосудов на территории России с пребыванием на ней монголо-татар, во время Золотоордынской эпохи, не покажет еще того, что эта посуда являлась продуктом их собственного производства. Ее производство могло быть, да вероятнее всего и было, как это будет показано ниже, разноместным в зависимости от местонахождения тех продуктов, которые помещались в этой посуде, а равно и материала, из какого эта посуда делалась. Несомненно одно, что появление сферо-конических сосудов на торговом рынке в XIV в. было вызвано требованиями монголо-татар, производство же ее могло находиться в руках народа более опытного в керамической продукции, что и подтверждается техникой и типологическим характером этой посуды.

А. Ф. Лихачев в своем реферате IV Археологическому Съезду несколько раз упоминает о том, что между множеством конических сосудов трудно подыскать два совершенно одинаковых, т. е. что классификация их невозможна. Не то говорят таковые сосуды Саратовского Археологического музея. Они имеют некоторые общие признаки, которые позволяют их, в зависимости от формы, материала, а равно и по орнаментовке, разбить, хотя бы в грубых чертах, на известные группы и виды. При этом я имею лишь такие сосуды, у которых целиком сохранилось внутреннее измещение, игнорируя фрагментированные сосуды, у которых нельзя определить ни формы, ни измещения.

¹⁾ П. С. Савельев. „Муххамеданская нумизматика в отношении к русской истории“. СПб. 1846 г.; Акад. Фрэн. О восточных монетах, находимых в России.

В основной своей форме трактусые сосуды являются коноидами, причем уклонения идут или в сторону округления боковых стенок в плоскости вертикального разреза или в сторону удлинения их, вытянутости. В зависимости от этого для Саратовских سف. конических сосудов, мы намечаем следующие 6 групп: 1-я гр.—строгоконические сосуды, 2-я—овальноконические. 3-я—яйцевидные, 4-я—округлоконические 5-я—луковичные и 6-я—удлинненно-конические (см. фот.). Детализуя сосуды каждой группы по форме частей сосуда, орнаменту и материалу, мы можем разбить их на подгруппы или виды. Первая группа разбивается у нас на 2 вида: а) строгоконические с цилиндрической шейкой и б) с шейкой коноидной (ф. № 2). Вторая группа разбивается на 2 подгруппы а) сосуды с кольчужным орнаментом (фот. № 5) и б) сосуды гладколощенные (фот. № 11). 3-я группа также на две подгруппы а) яйцевидно-остродонные (фот. № 15) и б) яйцевидно-круглодонные (фот. № 16). 4-я группа вмещает такие же две подгруппы а) остродонные округлоконические сосуды (фот. № 18) и б) пуговчатые округлоконические (фот. № 17). В 5-й группе мы размещаем сосуды на 3 подгруппы. а) луковичные остродонные (фот. № 21), б) луковичные с усеченным дном (фот. № 29) и в) луковичные продольновальчатые, т. е. с выступающими по бокам продольными валиками. Наконец 6-я группа представлена в Саратовском Археологическом музее двумя совершенно одинаковыми сосудами по форме, материалу и облицовке (фот. № 31). Типичные сосуды усматриваются из прилагаемых фотографий, занумерованных в следующей таблице.

Т а б л и ц а г р у п п и р о в к и с о с у д о в .

Г р у п п а	Фотогр. снимок	1 - я подгруппа	Фотогр. снимок	2 - я подгруппа	Фотогр. снимок	3 - я подгруппа	Фотогр. снимок
1) Строгоконическ		С цилиндрической шейкой . . .	—	С коноидной шейкой . . .	№ 2	—	—
2) Овальноконическ.	—	Кольчужные или чешуйчат.	№ 5	Гладколощенные	№ 11	—	—
3) Яйцевидные	—	Остродонные	№ 15	Круглодонные	№ 16		
4) Округлоконическ.	—	Остродонные	№ 18	Пуговчатые.	№ 17	—	—
5) Луковичные . . .	—	Остродонные	№ 21	Усеченные	№ 29	Вальчатые .	—
6) Удлиненно-конич	№ 31	—	—	—	—	—	—

Любопытно отметить и другие два признака: материал сосудов и их орнаментовку, которые ведут нас к указанию мест, где эта посуда изготовлялась. Если взять сосуды 1-й группы, то видно, что они сделаны из такой же глины и такого же состава, как и обычная золотоордынская красноглиняная посуда. Отметим и то, что эти сосуды каких либо украшений на себе не несут. Сосуды 2-й группы с чешуйчатым или кольчужным орнаментом сделаны из особой коричневой глины,

какой в Поволжье мы не имеем. Имея в виду, что такие сосуды в большинстве находили в Закавказьи, Сирии, Триполи, мы можем заключать, что посуда этого сорта на Волге была завозною из-за Кавказа, быть может, Ирака. Сосуды 3-й группы. ящичевидные сделаны из местной глины и несут на себе примитивный орнамент — простую линию, сделанную стекой на кружалах. Эти сосуды могут быть и вероятнее всего и были местного производства — в Сараях или в каком-либо из золотоордынских городов Поволжья. 4-я группа сосудов изготовлялась из бело-серой глины, с синеватым отливом; отличается своей чрезвычайной прочностью, она как бы слита из цемента, превратившегося в камень. Орнаментовка этих сосудов весьма богата и тонка и сделана штампом. Из такой же глины делалась харезмийская тонко-арабесчатая посуда для украшения внутренности богатых домов золотоордынцев. Сосуды этой группы гл. обр. находят в Закаспийском крае ¹⁾, где мы думаем и надо искать родину подобных сосудов.

В ст. „Развалины Ст. Пейкенда“, А. Зимин пишет: (на развалинах) „довольно много встречается обломков каких-то вазообразных сосудов из сероватой с синеватым оттенком глины, напоминающей своим составом материал, из которого делались в Ср. Азии так называемые сосуды с конусообразным дном“.

Сосуды 5-й группы распадаются по материалу и орнаментике на 2 резко отличных друг от друга подгруппы. Все остродонные, луковичные сосуды сделаны из местной глины. Они довольно грубы по выделке, несут на себе лишь ливнейный круговой стековый орнамент. На Увекке был найден целый клад таких сосудов в несколько десятков близ обжигальной печи, из коих некоторые несли на себе сквозные трещины от плохой просушки материала перед обжигом. Несомненно это сосуды местного производства и при том Увекского. Второй отдел этих сосудов выделяется характерным орнаментом в виде слочки. Один из этих сосудов, весьма редкий и, думается, уника, несет на себе лицевой орнамент, т. е. по бокам сосуда оттиснуты вглубь лица с богатой растительностью на голове и бороде, с большими выпуклыми глазами, сочными губами, горбатым носом. Все оттиснутые лица представляют чисто армянский тип. Каждый лицевой штамп отделен друг от друга елочным орнаментом. Глина коричневая, дно немного усеченное.

Несомненно этот сосуд пришел на Волгу из Закавказья, быть может, из Ирака, равно как и другие сосуды с елочным орнаментом. Равно привозного происхождения и продольно вальчатые сосуды (3-я подгруппа) из черной глины, каковой в Поволжье не встречается.

6-я группа по составу материала из черной же глины со слюдястыми искорками и по сплошной поливке бирюзового цвета также не местного происхождения а привозная или из-за Каспия или Ирака Аджеми, ибо, основываясь на указаниях Вёрмана ²⁾, посуда с таковой поливкой производилась в области нынешней Персии. В азиатских частях, т. е. за Каспием такие сосуды встречаются весьма редко. В статье Н. Виноградова указывается лишь на один сосуд.

Сосуды этой группы несут на боках продольные валики, которые т. Виноградов принимает за плавники, пережиток первоначальных форм этих сосудов в виде рыбы. Сопоставляя эти сосуды с вальчатым сосудом 5-й группы, мы думаем, что наличие

¹⁾ См. „Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии“ за разные годы и за 1913 г. стр. 86.

²⁾ Вёрман. История искусств всех времен и народов. Кн. 7-я «Иск. Ислама».

валиков на сосудах объясняется стремлением мастера придать большую устойчивость стенкам сосуда, это контрфорсы давлению изнутри сосуда.

Теперь если взять еще одну из составных частей этих сосудов, именно емкость их внутреннего измещения или объем вакуолы, мы заметим здесь известную закономерность, а именно, сосуды, приходившие на Волгу из-за Каспия имеют наибольшую вместимость, в среднем 220 куб. сантиметров воды, Закавказские сосуды — 150 куб. сантиметров и изготовленные в местных городах из местной глины — 90 куб. сантиметров.

Наблюдается известное постоянство в пропорциональности частей сферо-конич. сосудов. Шейка их коротка и массивна. Средняя высота шейки 24 мм., ср. высота сосудов 126 мм. Толщина шейки равна $\frac{1}{3}$ ч. диаметра сосуда, если взять его в плечиках, т. е. самой широкой части. Толщина стенок некоторых сосудов доходит до 15 мм., но особенно массивным представляется дно сосуда: толщина его в некоторых экземплярах достигает до 31—32 миллим., что составляет $\frac{1}{4}$ ч. высоты сосуда. (См. табл.).

При своей конструктивной массивности и особой прочности, сосуды эти имеют в шейках весьма малый, чрезвычайно узкий выводной проток, который в среднем не превышает 3 мм. диам., доходя лишь в некоторых сосудах до 8 мм. Только у одного сосуда мы нашли выводное отверстие в 10 мм. и то, по видимому, искусственно расширенное.

В продольном разрезе эти протоки представляют каналцы или суживающиеся кнаружи, или в середине или ровно цилиндрические. По видимому, эти протоки делались палочкой посредством протыкания снаружи внутрь, что можно заключить по фрагментированным сосудам, где внутри вакуол остались закаленные кусочки выдавленной глины.

На шейке сосудов можно наблюдать или круговые валики или углубления для удержания завязки, а что сосуды чем-то покрывались и завязывались.—подтверждается тем, что шейки сосудов никогда не орнаментировались. Помимо валиков и углублений на шейках сферо-конических сосудов наблюдается еще и другое приспособление для удержания повязки—это особое устройство шеек в виде блока, что напр. видно на сосудах, найденных на Увеке, а также на сосудах из Ташкента ¹⁾.

Упомяну здесь и еще одно наблюдение над характерным явлением среди комплекта сферо-конических сосудов Саратовского собрания это отсутствие шейки у многих сосудов вследствие механического ее отбития, как бы для расширения выходящего отверстия.

Если все сферо-конические сосуды уложить на горизонтальную плоскость, то при этом приходится наблюдать, что шейка сосудов или горлышко всегда поднято несколько кверху, т. е. продольная ось сосуда всегда составляет острый угол с горизонтальной плоскостью. Исключение отсюда составляют только удлиненно-конические сосуды VI группы, продольная ось которых может идти параллельно горизонтальной плоскости при лежании на ней этого сосуда.

На некоторых сосудах, фрагментированных, можно наблюдать и самый способ их производства. Надо думать, что при начале выработки сосуда, на кружал пола-

¹⁾ См. Atlas archéologique des antiquités finno-ugriennes et altaïques de la Russie. Paris 1880 г. pl. XXII.

гался кусок глины, затем мастер делал из другого куска такой же глины «колбаску» и прикрепив ее к положенному на кружала куску, пускал станок вверх, спирально вверх налагая «колбаску» ряд на ряд, поддерживая внутри сосуда одним пальцем, следы которого замечаются на стенках вакуол разбитых сосудов. Затем доведя колбаску до шейки сосуда, мастер вынимал из сосуда свой палец и совершал сосуд или при помощи особого лекала в виде тонкой, изогнутой крюком проволоки или без нее. В первом случае сосуд получался с готовым отверстием, а во втором мастер протыкал его палочкой снаружи, как я о том говорил выше. После с'емки сосуда с кружала, его обрезали в виде конуса, что на сосудах местного производства особенно заметно, т. к. полировки мокрой тряпкой почти не производилось, привозные же сосуды полировались мокрой тряпкой и затем на них штампом наносились те или иные украшения. Сосуды выделялись по всей вероятности очень быстро, что заметно по производству орнаментовки, каковая в общем делалась очень небрежно, торопливо.

Даже такой прекрасный сосуд с тонкой арабеской, как изображенный на фот. № 17, из серо-белой глины, орнаментировался, повидимому, второпях, что особенно заметно по накладкам внизу сосуда квадратных орнаментовочных кусочков, небрежно отрезанных от глиняной тесьмы, не выровненных и не подогнанных друг к другу.

Вся конструктивная часть сосудов выражает собою процесс длительной выработки и приспособления этих сосудов к возможной охране содержимого от разных случайностей. На самом деле, если толщина шейки и являлась как результат технической непредвзятой выработки, то узость выводного протока придавалась сосуду, без сомнения, преднамеренно и с тем, чтобы не дать возможности содержимому легко выливаться, вытекать непрерывной струей, а лишь в виде капель и при толчкообразном движении сосуда.

Из опыта наполнения водою сосудов можно убедиться, что из тех из них, у коих отверстие менее 3 мм., вода без толчков совсем не вытекает, если сосуд повернуть гордышком вниз: из сосудов с более широким отверстием она выходит крупными каплями и только из имеющих широкие отверстия—неправильной, прерывающейся струйкой: та же картина, которую мы наблюдаем в наших стеклянных пузырьках.

Толщина стенок сосудов говорит также за заботу охранить содержимое и при том что-то драгоценное, ибо эта толщина стенок совершенно не пропорциональна величине сф.-конических сосудов, если сравнить их с обычной водоносной золотордынской посудой, обычно пропорционально тонкостенной и вместе с тем крепкой. Толщина дна также подтверждает мысль об охране содержимого.

Возникает вопрос, почему у данной посуды дно является коническим, а не плоским, как в нашей обычной стеклянной посуде.

Думается, что отчасти теоретические соображения, а главным образом, практика показала, что если бы эти сосуды делались с плоским дном, они не были бы столь прочны, как сосуды с дном коническим, ибо получаемый при падении противоудар в острое дно равномерно распространялся из одной точки дна по конусообразным стенкам с ослаблением его в сферических плечиках. Как правильно замечает г. Ленц, и в наших стеклянных бутылках дно делают вдавленно-коническим в целях придания сосуду наибольшего сопротивления.

Выпуск конического дна наружу можно объяснить еще и тем соображением, что сосуд необходимо было держать в наклонном положении на горизонтальной плоскости, чтобы из него не могло вылиться содержимое.

Указанные прочность и целесообразность конструкции, преследующие главную цель — охрану содержимого, делают понятным наблюдаемое явление — откол шейки у сосуда. Когда являлась нужда быстро и окончательно опорожнить сосуд, чего не позволяло отверстие шейки, тогда его разбивали, а если он был более или менее красив, изукрашен, то отбивали одну лишь шейку, увеличивая этим выходное отверстие, или даже часть ее, как это видно на осколке сосуда (рис. 32).

Все вышесказанное позволяет сделать такой вывод: все сферо-конические сосуды представляют собою не что иное, как посуду для хранения какой-либо драгоценной и притом тяжеловесной жидкости, которую пользовались в небольшом количестве и даже в виде капель, т. е. *все сфероконики суть линейные пузырьки-капельники*.

Прежде чем перейти к вопросу о том, чем же могли наполняться такие сосуды, мне хотелось хотя бы вкратце остановиться на взглядах тех археологов, на эти сосуды, которые мною были упомянуты в начале и рассмотреть, чей же взгляд на эти сосуды является более правильным и наиболее приемлемым.

Конечно, ни в каком случае нельзя принять «гранатной» теории de Saulcy, так основательно и убедительно опровергнутой доводами А. Ф. Лихачева.¹⁾ К ним мы могли бы прибавить весьма немного, а именно, что «grenades a feu gregois» de Saulcy не имело смысла хранить в таких мирных городах, удаленных от границ, как Укк, Бельджамен, Прапорское городище на р. Саратовке и др. Крепость конструкции сосудов, узость выводных протоков, характер орнаментовки и форма все противоречит назначению этих сосудов, как метательных снарядов с греческим огнем.

Неприемлем и взгляд на эти сосуды, высказанный В. А. Казариновым, как на архитектурные украшения. Этому во первых противоречит и характер орнаментовки сосудов: он слишком мелок для таких даже высот, как воротный столб, если такие только употреблялись в монголо-татарских постройках. Еще более опровергает этот взгляд наш лицевой сосуд. Употребляя его как архитектурное украшение, т. е. укрепляя на железный стержень, мы должны были бы поставить его, как говорят, «вверх ногами», что едва ли допустимо в архитектурных украшениях. Затем, если эти сосуды надевались на железные стержни, от них остались бы следы на шейках сосудов или на дне вакуол от ржавчины, от проведенных концами стержня полос, чего мы ни на одном из сосудов не заметили. Если же шейки сосудов при установке заливались известью, тогда следы ее обязательно сохранились бы хотя бы на некоторых сосудах, чего мы также не нашли.

Обходя вопрос о сферо-конических сосудах, как голосниках, каковыми они не могли быть ни по конструкции, ни по украшениям, рассмотрим, насколько правилен был на них взгляд А. Ф. Лихачева, как на светильники. Из его доклада мы не усмотрели, производил ли он с ними опыты, пробовал ли их наполнять горючим веществом и зажигать. Подобный опыт в музее Сарат. Архивн. Комиссии проделал в 1914 году проф. В. А. Городцов. Сосуды наполнялись керо-

¹⁾ См. цитир. „Труды IV Арх. Съезда“.

сином, закигалась, фитиль всыхивал, догорал до шейки и лампа тухла. Не смотря на повторность опытов, результат получался тот же. Такое явление находит себе естественное и легкое объяснение. Фитиль, пропитываясь керосином, набухал, заполнял весь выводной проток, доступ воздуха в сосуд прекращался, капиллярность нарушалась и, естественно, горение происходить не могло. Для этого требовались какие-то побочные приспособления в виде ли трубочек или еще какие, но таковых при сосудах никогда не находим. К тому же, если бы сферо-конические сосуды служили светильниками, на них бы осталась обязательно копоть, каковую мы и находим на золотоордынских чираках, этих несомненных светильниках, ассортимент коих имеется в музее, тогда как ни на одном из сферо-конических сосудов таковой копоти нет и следов. Необходимо отметить и то, что сосуд, на коем базировался А. Ф. Лихачев, как на светильнике, был, думается нам, посудой иного порядка. Он был по форме хотя и сферо-конический, но во-первых тонкостенный, во-вторых дно его было плоское, а верх сведен в виде сферического конуса или луковичи и в третьих отверстие у сосуда было на плечике и в виде щели. Действительно, такие сосуды встречаются на золотоордынских городищах и не редко, но это совсем иная посуда, чем сферо-коническая с острым дном. Укаское городище дало несколько таких сосудов в целом виде и со щелями и без щелей; они хранятся в археологич. музее, по делу в том, что их увекские жители находили иногда наполненными медной золотоордынской монетой, почему и назначение этих сосудов мы считаем за простонародные глиняные *копилки*, которые могли, по нужде, служить и для светильников. Тем более, что щелевое отверстие у них было настолько велико, что могло не целиком заполняться фитилем и давать свободный приток воздуха внутрь сосуда. В случае нужды это отверстие легко было и расширить благодаря тонкостенности сосудов, а применять их для горения могли также, как и мы одно время применяли медицинские пузырьки для «лампочек-коптелок»¹⁾

Остаются недоуменными вопросы, если сферо-конические сосуды были светильниками, для чего придавать им такую чрезвычайную прочность и массивность, почему не украшать у таких сосудов шейки, а лишь плечики и бока и почему не попадает на золотоордынских городищах тех приспособлений, без коих эти сосуды не могут давать освещение. Принимая же во внимание пористость сосудов и наличие достаточного количества находок чираков-светильников на городищах золотоордынской эпохи, к теории А. Ф. Лихачева приходится отнестись с большой долей сомнения и недоверия, тем более, что если он сферо-конические сосуды принимал за светильники по аналогии с таковыми в канделябрах-лампадах из мечети Калауна или д'эль Ху-ри, то, судя по рисункам, произведенным в книге (Гэе²⁾), хотя лампочки этих мечетей и имеют остроконечное донышко, на подобие наших сферо конических сосудов, но верх их совершенно отличен от таковых. Лампочки из указанных мечетей имеют открытый довольно широко верх, у них отсутствует шейка и часть плечиков, т. е. конические светильники играли роль плоских, на подобие употреблявшихся ранее у нас при иллюминациях, в коих горело или сало или нефть, или смола.

Не приемлемым является для нас ни взгляд проф. Ивановского ни эти сосуды, как на пузырьки для хранения благовонных масл. ни взгляд З. Виноградова на

1) Во время керосинного голода в 1921—1922 годах.

2) L'art Arabe. par Al. Gayet. Paris 1893 г.

эти сосуды, как на пузырьки для развозки святой воды из священных источников, в том числе и из источника Зем-Зем. Для благовоющих масл в Золот. Орде имелась прекрасная фарфоровая посуда и персидское стекло (стеклянный красивый пузырек и фрагмент стеклянной чаши с арабскими надписями с Мечетного городища хранятся в Сарат. Археол. музее) и для хранения этого драгоценного товара сферо-коническая посуда, как тара, по составу пористая, легко и много в себя впитывающая, не годилась. По своей форме, отсутствию всяких приспособлений для подвески и прикрепления, по малому внутреннему измещению, по своей пористости не годилась эти сосуды и для развозки святой воды за сотни и тысячи верст от священных источников. Как бы не был фанатично-богомолен ходжа, он, чтобы донести несколько капель или глотков священной «Зем-Зем» до дому, скорее всего воспользовался бы тыквой-горлянкой, стеклянным пузырьком, но не нашим неудобным для переноски грубым, тяжеловесным сферо-коническим сосудом. Что же касается штампованных изображений рыбок на этих сосудах, о которых трактует Э. Виноградов, как об эмблемах, указывающих на назначение сферо-конических сосудов для священной воды, то нужно заметить, что штампованные рыбки встречаются на очень многих золотоордынских сосудах разных форм и состава, ничего общего не имеющих с сф.-конич. пузырьками; встречаются рыбки и на золотоордынских зеркалах и медных монетах. Это одна из обычных орнаментальных форм, какими являлись в Зол. Орде и другие виды животного царства: заяц, лисица и проч. Об эмблематическом изображении рыбок, впрочем, мы скажем ниже, рассматривая сф.-конич. сосуды как тару для перевозки ртути, сторонниками чего являются такие авторитеты, как проф. Штукенберг, Честер, Э. Ленц и Пославский.

Рассматривая выше сф.-конич. сосуды со стороны их исторического бытования, а, главное, со стороны конструктивно-типологической, мы уже пришли к выводу о назначении этой посуды для хранения какой-либо тяжеловесной, дорогой жидкости. Связывая наши выводы со взглядами на сф.-конич. сосуды приведенных сейчас авторов, мы с уверенностью можем сказать, что *первоначальным назначением той оригинальной посуды было служить не только тарой для перевозки, но и для хранения ртути.*

В своей обстоятельной статье ¹⁾ Э. Ленц привел все возражения противников этой теории и дал на них обстоятельный ответ. К тому, что отвечал Э. Ленц, мы можем добавить следующее.

Э. Ленц указывает лишь два сосуда, в коих найдена ртуть: Московский и из Спасского уезда. По нашим данным сюда следовало бы добавить сосуд из Триполи Сирийского, бывший в руках de Saulcy с остатками ртути, затем сосуд, M. Greville и I. Chesnet с ртутными шариками и слоем разложившегося воска, далее, сосуд, демонстрированный Пославским в Туркестанском кружке любителей археологии, содержащий по определению магистра Н. Тейха—ртути 31%, мума или нефтяной смолы 40,5% и лесса 28,5% и, наконец сф.-конич. сосуд из Старого Крыма, который был наполнен ртутью и закупорен ²⁾. Имея ввиду, что эти сосуды, хра-

¹⁾ Э. Ленц, «О глиняных сосудах с коническим дном». Зап. В. О. Р. А. О. 1904 г. XV, вып. V стр 101—112.

²⁾ В Сарат. Археол. музее имеются 2 сосуда сф.-конич. формы, покрытые красной кисью, которая, б. м., при обследовании окажется также меркуриального происхождения.

нящиеся в наших музеях. в подавляющем большинстве при находках не обследуются со стороны их внутреннего содержания, приведенный перечень сосудов с остатками ртути является достаточно основательным.

Нахождение внутри сосуда воска или мума еще более убеждают нас в том, что эти пузырьки предназначались для ртути, ибо налитый в горячем состоянии в сосуд, наполненный ртутью, воск плотно и крепко закупоривал изнутри выводной проток, а для большей прочности сосуд обвязывался на шейке или пузырьком или тканью, для чего, повторяю, шейка на всех сосудах не орнаментировалась и несла на себе или валик или углубление для удержания повязки.

На выставленный противниками «ртутной теории» аргумент, что на одном из сосудов есть имя города *bi Naha*, в окрестностях которого нет ртутных месторождений, мы в добавление к тому, что писал Э. Ленц, можем сказать, что и в Ферганской области, откуда попадали на Волгу сферо-конические сосуды, не было известно месторождений ртути, а благодаря работам В. В. Бартольда¹⁾, такие места теперь нам известны на реке Сох-сое. Там находят и сферо-коническую посуду из серо-белой глины²⁾. Найдутся, надо полагать, и залежи ртути и в Закавказьи, где существовал *bi Naha*.

Отсутствие орнаментовки и меньший объем вакуолы сф.-конич. посуды местного производства объясняем мы тем, что она предназначалась для розничной продажи ртути, как у нас ныне продают ртуть в очипках гусиных перьев, тогда как иноземные оптовые заготовители ртути, для отличия своей фирмы, придавали сосуду несколько своеобразную форму и особый признак в виде орнаментовки, чтобы по ним потребитель мог сразу судить, с каким сортом товара и какой фирмой он имеет дело. В данном случае наблюдается тот же процесс, как и в наше время, когда фирмы придают таре своеобразные формы и украшают ее кричащими этикетками.

Что касается возражений на то, что слишком большое количество находят этих сосудов и, следовательно, слишком большое потребление было ртути, то наши расчеты дают иной результат. Всего в Саратов. арх. музее удалось собрать 35 целых и до 60 фрагментов сф.-кон. сосудов, из коих можно скомпоновать в общем до 15 целых, т. е. всего 50 сосудов. Это, главным образом, с 2 городищ: с Укака и Бельджамена при очень тщательном выискивании и собирании этих сосудов. Пусть это будет лишь $\frac{1}{10}$ часть того, что можно еще собрать, хотя эти городища вычищены почти на нет. Итого 500 сосудов за 150 лет существования каждого города. На год потребление выразится в 2—3 сосудах, не более. Изменение наибольшего из наших сосудов = 238 куб. сант. воды или почти 9 фунтов ртути и годовое потребление ртути будет 25—27 ф. на город. Это количество не является таким уже значительным, чтобы поражаться им, принимая во внимание состояние промышленности Зол. Орды, где и золочение и серебрение шло через огонь с предварительным растворением металла в ртути; производство тонких белил для косметики и краски для сурьмления — из ртути и некоторые медицинские средства, надо полагать, применялись также из ртути. Ртутные препараты начали употреблять еще *Razes* и *Avicenna* в X столетии, неаполитанская мазь была известна уже в XIII ст.³⁾

¹⁾ В. В. Бартольд «Туркестан» т. II стр. 164.

²⁾ Л. Зимин. Краткая историч. справка о древнем Сох-сое. Проток. Турк. кружка люб. арх. за 1914 г.

³⁾ См. Реальная Энциклопедия Медицинских Наук проф. А. Эйленбург, СПб 1896 г. под словом «ртуть» и «сифилис».

благодаря религиозным воззрениям (запрещение Язы осквернять воду грязным бельем), темноте народной, социальному неравенству и бедноте ¹⁾, население Золотой Орды, хотя и воспринимало, с ослаблением китайского влияния, арабо-персидскую культуру, все же в своих привычках пребывало в антигигиенических условиях и потому потребление ртутных препаратов вполне допустимо. И в наше время одним из сильных простонародных средств лечения вшивости, чесотки и др. среди местного сельского населения почитается «политань» и «сулема» или «ртутная гримза» ²⁾.

В своей статье ³⁾ о сферо-конических сосудах З. Виноградов говорит о том, что некоторые из них имеют форму, напоминающую рыбу и на одном из сосудов имеются штатны рыбок, на основании чего он и приходит к выводу о назначении сферо-кон. сосудов для разноски воды из священных источников. По сведениям, полученным мною от проф. Саратов. Гос. Ун-та, В. В. Челинцева, одним из эмблематических изображений ртути в средние века «была рыба в «пламенеvidном» окружении» или волнообразном, как я сужу по рисунку (см. рис.), показанному мне профессором.

Если это так, то не ближе ли будет к истине истолковать рыбовидную форму сосудов т. Виноградова в сторону назначения их для ртути, нежели для вмещения воды.

По свидетельству проф. Веселовского, в Туркестане в памяти туземцев до наших дней сохраняется предание о назначении этих сосудов для ртути, о чем я говорил выше.

Наконец, из той же статьи З. Виноградова усматривается, что в последнее время и проф.-академик Н. Я. Марр «категорически» утверждает, что сферо-конические сосуды предназначались первоначально для ртути.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам:

1) Вся сферо-коническая посуда, находимая на приволжских городищах Саратовской и Царицынской (Сталинградской) губерний, всегда сопровождаемая остатками бытовой старицы татаро-монгольской эпохи, относится к бытовым памятникам этой эпохи и датируется XIII—XV веками.

2) Исходя из материала, конструкции и орнаментовки сосудов, можно считать при источнике ее происхождения: Закавказье, Закаспийский край и, как продукт подражания, местное производство, т. е. Поволжье.

3) Отличаясь формой, крепостью и малоемкостью от прочей посуды того времени, предназначенной для хранения жидкостей, сферо-коническая посуда является хранительницей металлической жидкости—ртути.

4) За использованием содержимого, сф.-конич. посуда могла быть употреблена и для других хозяйственных надобностей в обиходе жизни того времени.

5) Количество этой посуды не является «огромным» для периода ее существования в 200—250 лет в отношении потребления в тот период времени ртути.

С а р а т о в 1924 г.

¹⁾ Собрание путешествий к татарам и др. восточн. народам. Перев. Языкова, СПб. 1825 г. кн. IV. Записки о Московии бар. Герберштейна. Перев. Анисимова 1866 г., СПб. Стр. 157 и др.

²⁾ Петровский у. Князевская и Кондальск. вол.: Аткарский у. Кологривовская в

³⁾ Казанский Музейный Вестник № 2 Казань 1922 г.

обмера сферо-конических сосудов из архео

№№ по порядку	Группа	Вид или подгруппа	МАТЕРИАЛ	Наличие или отсутствие орнамента	О В
					в мил
					Высота
1	I. Конические	С цилиндрич шейкой	Желтая местная глина	Нет	102
2		» »	» »	»	103
3		С коноидной шейкой	Буро красная	»	116
4		» »	»	»	131
5	II. Овально-конические	Чешуйчатые	Темно коричневая глина	Чешуйчато-полосатый	110
6		»	» »	»	120
7		»	» »	»	125
8		»	Черная глина	Чешуйчато фестончатый	11-
9		»	» »	»	125
10		»	» »	»	125
11		Гладко лощеные	Глина ископаемого цвета	Без орнамента	125
12		»	» »	»	125
13		»	» »	»	142
14	III. Яйцо-видные	Остродонные	Глина красная	Полоска кругов.	131
15		»	» »	»	131
16		Яйцевидные круглодон.	» »	»	131
17	IV. Сферо-конич.	Пуговчат.	Грязно-белая глина	Арабеск.	13-
18		Остродонные	Желтовато-белая глина	Стековой, углублен.	135
19	V. Луковичные	Остродонные	Буро-желтая глина	Кругов.	116
20		»	» »	полоска	118
21		»	» »	»	107
22		»	» »	»	143
23		»	» »	»	114
24		»	» »	»	134
25		»	» »	»	121
26		»	» »	»	107
27		С усеченным дном	Коричневая глина	Елочка	132
28		» »	» »	Елочка и звездочки	135
29	» »	» »	Лицевой и елочка	138	
30	Пред вальчат.	Черная.	Валики	125	

Сосуды VI типа (удлинненно-конические) вымерить не удалось.

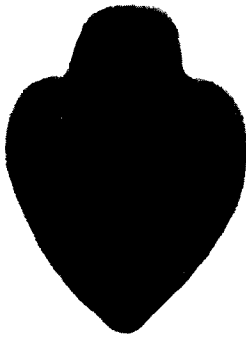
И Ц А

рого музея Саратовского О-ва Ист. Архэт.

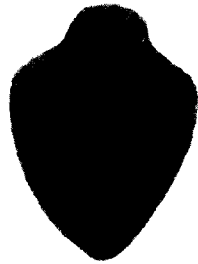
8	9	10	11	12	13	14	15	16
У Д О В		ШЕЙКА СОСУДОВ				Д Н О		Д Е Ф Е К Т Ы
граммы		в миллиметрах				Толщина	Форма	
Вес сосуда без воды		Высота	Диаметр	Ширина устья	Высота валика или углубл.			
285,5		25	25	6	Н е т	27	Остр. 0	Н е т
285,3	—	23	25	6	Н е т	30	0	»
298,6	—	28	30	5	0,5	27	0	»
546,0	—	33	38	6	1,0	20	0	»
452,2	—	21	39	9	0,5	36	0	»
639,8	—	25	39	9	0,5	28	0	»
567,6	—	28	42	9	1,0	26	0	»
550,3	—	26	40	6	2,0	26	0	»
605,7	—	26	43	10	Н е т	30	0	»
580,2	—	25	36	6	Н е т	26	0	»
622,8	—	35	21	5	Н е т	26	0	»
516,2	—	35	30	8	Н е т	32	0	»
678,2	—	27	35	8	Н е т	47	0	»
—	—	—	—	—	—	—	0	Шейка отколота
511,8	—	—	—	—	—	—	0	—
533,2	—	32	—	8	Н е т	26	0 в а л.	—
934,2	—	20	29	6	3,0	31	Пуговч.	Н е т
487,0	—	20	30	6	2,0	14	Острое	»
413,8	—	21	28	3	1,0	44	О с т р.	»
478,5	—	26	31	3	3,0	30	0	»
409,5	—	21	24	3	1,0	41	0	»
575,9	—	24	31	5	4,0	59	0	»
422,3	—	24	28	3	2,0	36	0	»
487	—	23	30	3	4,0	40	0	Обжигов. трещина.
491,3	—	22	30	3	2,0	41	0	»
388,2	—	24	28	3	2,0	23	0	Н е т
452,2	—	24	32	8	2,0	33	Усеченное	»
487,0	—	—	—	—	—	—	Усеченное	Шейки нет.
533,2	—	—	—	—	—	—	Усеченное	»
469,2	—	—	—	6	Н е т	—	Притупл.	Н е т.

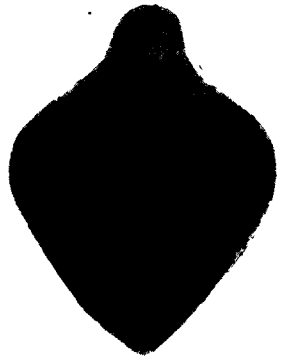
№ 2.

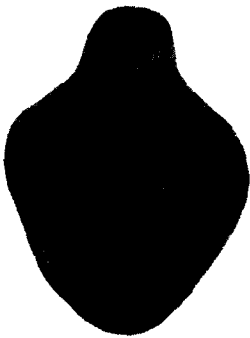
№ 5.

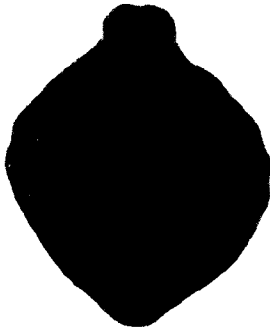
№ 11.

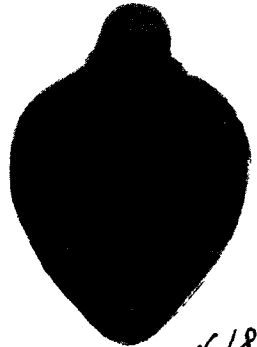
№ 15.

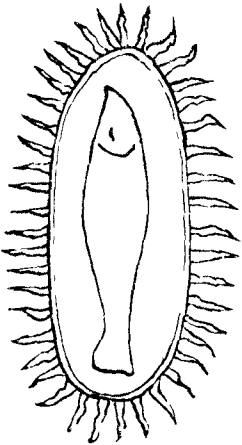
№ 16.

№ 17.

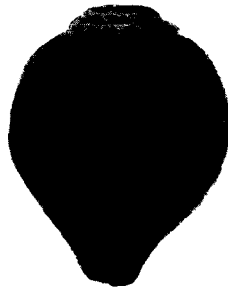
№ 18.

Эмблематич.
изображение
рыбы в ордн.
векв. (Рис.
проф В.В.Тилин-
цева.

№ 21.

№ 29.

№ 31.

Сферо-конические сосуды
из Саратовск. области,
археологич. музея.

ПАМЯТНИКИ

Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 году.

Н. А р з ю т о в.

Летом и осенью 1924 г. под руководством проф. П. С. Рыкова были совершены две поездки по Нижнему Поволжью.

Обследованию подверглись, главным образом, районы по течению рек: Медведицы, начиная от с. Лысых Гор (Аткарского у., Саратов. г.) и до сл. Рудни (Камышинского у., той же губ.), в Заволжье, в АССР Республ. Немцев Поволжья— по реке Еруслану от с. Курнаевки (Старо-Полтавского кантона) до сл. Красный Кут и по р. Б.-Караману от с. Тонкошуровки (Мариенталь) до с. Раскаты (Роледер Тонкошуровского кантона. Эти районы между прочим дали четыре рода памятников по Золотоордынской культуре: 1) дюны, 2) селища, 3) могильники и 4) курганные погребения.

Дюны со следами культурных остатков Золотоордынской эпохи отмечено всего десять, причем пять из них принадлежат району Медведицы и столько же берегам р.р. Еруслана и Б.-Карамана.

Характер и географическое распределение дюн по р. Медведице и ее притокам— Терсе со Щелканом следующие.

Аткарский уезд.

1) *д. Пески* (правый берег)—большие дюны тянутся к Ю. вдоль оврага версты на три.

2) *с. Чадаевка* (правый берег)—дюны в полутора верстах от села к В., под горой;

3) *с. Б.-Князевка* (левый берег)—дюна большая, против села.

Камышинский уезд.

4) *сл. Нижняя Добринка* (левый берег)—дюны верстах в двух от слободы к В., называемые «Кирпичный Мар»;

5) *сл. Рудня* (лев. б. рч. Щелкана, притока р. Терсы)—громаднейшие дюны. Верхняя—верстах в четырех от слободы к С., за полотном ж. д. Это место носит название «Белая Пристань». Нижняя дюна находится ближе к Рудне.

Дюны по р.р. Еруслану и Б.-Караману.

Старо-Полтавский кантон.

6) *с. Беляевка* (правый берег)—дюны к С. от села;

7) *с. Валуйевка* (Михайловка, правый берег)—дюны к Ю.-З. от села;

8) *д. Песчанка*—(правый берег) дюны тянутся к З. от села версты на три;

9) *с. Салтово и с. Лятошинка*. От с. Лятошинки, населенного татарами, и с. Салтова по обоим берегам р. Еруслана тянутся сплошные и высокие дюны до с. Дьяковки.

По р. Б.-Караману—единственная дюна на правом берегу у с. Раскаты (Роleder) Тонкошуровского кантона.

Перечисленные заволжские дюны по сравнению с таковыми же р. Медведицы несколько богаче.

На всех дюнах в большом количестве встречаются фрагменты Золотоордынской посуды.

Погребения на дюнах.

Погребения с саблями отмечались крестьянами на «Кирпичном Мару» близ сл. Нижней Добринки, на дюнах около с. Чадаевки. Левобережная дюна с. Б.-Князевки дала одно погребение. Последнее в 1919 г. было открыто настухами. Покойник лежал головой на З. без всяких следов гроба или другой какой-либо обкладки. При нем находились железные стремена, одно из которых взято настухами, а обломок другого взят экспедицией. От стремени сохранилась подножка, имеющая с нижней стороны продольную выпуклую бороздку.

В Заволжье на дюнах близ с. Валуевки (Михайловки) сохранились следы когда-то, повидимому, значительного могильника, т. к. кирпич, из которого сооружались могильные склепы, в обломках разбросан всюду. Могилы узкие, неглубокие, ориентированные длинной осью с С. на Ю. Покойники полагались в гробах. Крестьяне, вскрывавшие эти погребения, вещей при покойниках не встречали.

Селища. Они обнаружены в районе р. Медведицы. Одно находится на южном конце дюн с. Пески. Оно совершенно разрушено временем, т. к. кроме небольшого количества мелких черенков, ничего не дало. Возможно, что оно вообще было бедным.

Другое селище расположено близ речки Щелкана приблизительно в шести верстах от слободы Рудни, в местности, одна часть которой называется «Овдовье», а другая «Рыльщикова долина». По сравнению с предыдущим это селище значительно, как по пространству, занимаемому им, так и по количеству материала. Больше всего встречено черенков от посуды из красной и серой глины, с орнаментом и без него. По верхним террасам обоих древних берегов р. Медведицы или таких притоков, как Баланда, Терса со Щелканом почти непрерывною цепью тянутся курганные группы.

Величественны они, например, по дороге от с. Пески к с. Чадаевке и около с. Александровки, где они расположены на гребнях сырта к З. от села.

Верстах в шести от сл. Рудни и в одной версте от левого берега р. Щелкан по направлению с В. на З., идет сплошной ряд курганов, достигающих значительных размеров.

Пробные раскопки, произведенные у с.с. Лысые горы, Чадаевки и сл. Рудни показали, что эти курганы даже в большей части могут принадлежать татарам.

Подводя итог, следует отметить, что район реки Медведицы в обследованной части дает нам кроме культурных остатков донного характера, еще ряд памятников которые свидетельствуют о том, что наряду с чистым кочевником, посещавши берега реки урывками, был и такой, который вел более или менее оседлую жизнь. Впрочем, здесь следует также иметь ввиду и разное время, к которому могут относиться те или другие памятники.

Если к нашему материалу добавить уже обнаруженные и обследованные дюны и селища, расположенные на правом берегу Волги—селище близ гор. Дви

лынского на рч. Черемшане, Узвекское селище близ гор. Саратова, дюны и селища близ сл. Даниловки и с. Терновки, Камышинского у. Саратов. г., того же уезда у сл. Красный Яр, то увидим, что правый берег Волги пользовался значительным вниманием со стороны кочевников золотоордынской эпохи. Селища занимали места, которые позволяли своим обитателям иметь оживленные связи с крупными центрами и заниматься различными промыслами.

Несколько иная картина в Заволжье. Самый берег Волги имеет следы оседлости, но дальше в глубь степей этот признак теряется.

Теперь обратимся к курганному материалу.

Всего в обследованном экспедициями районе было открыто четыре кургана—у с. Лысые горы (Аткарского у.), на юг от него, у сл. Рудии (Камыш. у.), верстах в трех от нее за полотном железной дороги, близ Соленого Озера. Оба кургана лежат на правом берегу р. Медведицы. В Заволжье у с. Курнаевки (Старо-Полтавск. Кантона), на Юг от него—это район р. Еруслана, затем у с. Суслы (Герцог)—Гонкошкур. кантона. Этот курган расположен на высоком правом берегу старицы р. Б.-Карамана.

Три первые кургана размером близки (диам. от 15,12 м. до 10,80 м., высота от 96 см. до 59 см.), имеют северную полукруже южной; на четвертом это заметно слабо, т. к. он слишком мал (диам—7 м., высота—18 см.).

Вершины курганов Лысогорского и Курнаевского уплощены, рвы (земляные выемки) вокруг основания насыпи хорошо заметны. Форма же Руднянского кургана можно сказать эффектная—правильный полушар без признаков провала и рва. Хорошая сохранность внешности кургана вполне соответствовала богатому погребению, взятому в нем.

В насыпи сусловского кургана масса золы, угля и жженой земли. Земля и уголь в меньшем количестве содержатся в Курнаевском и Руднянском курганах. Курган же лысогорский ни того, ни другого не имел.

Погребение покойников происходило в грунтовых ямах.

Последние, исключая ямы кургана у Лысых гор, целиком засыпаны грунтовой глиной и, возможно, засыпка утрамбовывалась, так как твердость ее особенно ближе ко входу могилы, несколько не уступала твердости нетронутого грунта.

Глина, вынутая из могилы при изготовлении ее, не уместалась уже в ней, когда ею засыпали умершего, почему образовывалась над могилой невысокий холмик.

Могильная засыпка Лысогорского кургана смешанная; над гробом покойника имелась небольшая кучка мелкого щебня. Здесь обычай укреплять могилу, усложняя, таким образом, доступ к покойнику со стороны двуногих и четвероногих хищников, или уже потерял свое значение, сохранившись как символ, или же данному случаю не следует придавать намеренного действия. Окружающая курган почва и подпочва содержит много мелкого щебня, который и мог угодить в могилу при засыпке ее.

По устройству могильных ям, способу труположения и характеру погребального инвентаря все четыре кургана составляют три типа.

Первый—он же и наиболее древний по сравнению с остальными—дал Руднянский курган, второй тип, хронологически следующий за первым—Сусловский и третий тип—два остальные. За старшинство во времени Руднянского кургана говорит находка при его погребении идоличка (бурханчика), грубо вырезанного

из низко-пробной серебряной пластинки. Идолчик характеризует свою обладательницу как несомненную язычницу, и если переход татар в магометанство определяется началом XIV ст., то это погребение можно отнести с некоторой уверенностью к последним годам XIII ст.¹⁾ Суловский же курган хорошо датируется найденной в нем при погребении медной монетой Тохтогу-хана. Полагая около 30 лет на переживание монеты после смерти хана, чеканившего ее, можем сказать, что это погребение относится к первой трети XIV века. Курганы Курнаевский и Лысогорский по существу своему не могут дать резкой хронологической разницы ни в отношении друг к другу, ни по сравнению с предыдущими.

МОГИЛА ПЕРВОГО ТИПА (См. рис. № 1).

Она имеет входную яму в форме прямоугольника, довольно широкую с слегка закругленными углами. Длина ее—2,60 м., ширина—1,08 м., глубина—1,44 м. Ориентировка могилы по длинной оси—З-В В южной стене устроен аркообразный подбой, З и В. концы которого несколько выдаются за грани тех же сторон входной ямы. Длина подбоя 2,88 м, ширина 72 см., высота 81 см. контуры могильного дна вместе с подбоем дают форму, близкую к полукругу. Ту-же форму даю и могильное пятно. Однако на глубине 18 см. темная засыпка над подбойным вырезом прекратилась и могила приняла вид прямоугольника.

Подбой был забит слоем твердой глины толщиной в 18 см., за которым начиналась мягкая засыпка, и отделен от входной ямы пятью вертикально стоящими толстыми деревянными досками (см. рис № 2), длиной в 80 см. Доски ставились друг от друга на расстоянии 22-х см.

Во входной яме на правом боку, упираясь хребтом в северную стенку могилы лежал с поджатыми ногами костяк молодой большоголовой стеной лошади, ориентированный головой на запад.

В подбое находился гроб, сложенный из дубовых досок. По углам доски скреплялись четырьмя массивными железными скобами. Длина гроба 2,34 м., ширина 58,5 см., высота 31,5 см.

Прикрытием гроба служила дубовая же доска.

В гробу на спине с вытянутыми конечностями лежал костяк молодой женщины высокого роста (173 см.) головой на З

Могильный инвентарь.

Одежда—почти не сохранилась. Имеющиеся два кусочка шелковой ткани—более грубой и менее,—а также масса тлена коричневого цвета, лежавшего на костяке складками,—скорее остатки ткани, в которую покойница была обернута.

Головной убор сохранился в виде части берестяной трубочки, лежавшей у затылка и составлявшей вместе с головной шапочкой так наз. «Бокка». Длина уцелевшей части трубочки около 14 см., диам. 4 см.

Береста, взятая для изготовления трубочки, сгибалась вдоль волокон, и края ее были сшиты. Концы трубки обложены вторым слоем бересты. Поверхность ее в несколько оборотов обмотана тонкой шелковой материей красного цвета, и была повидимому, покрыта различного рода мелкими украшениями, следы которых сохранились в виде отпечатка маленькой четырехугольной серебряной пластинки на одной

¹⁾ В 1926 г. из с Рудни т. Цыгановым доставлена в музей сереб. монета Кулны-хана, найденная в выкинутой земле из могилы этого кургана.

из сторон трубки. Для нашивных украшений служил ряд отверстий, разбросанных по поверхности трубки.

Серьги-привески—две. Обе из серебряной проволоки, толщиной в 2 мм., довольно массивные. Одна из них, лежавшая около правого уха костяка, в виде знака вопроса, так наз. болгарского типа, крупная (дл. 6,5 см.). Стержень серьги круто обмотан серебряной же проволокой—плоской четырехгранной формы, к низу сделан тонким. Конец дает облом. Подвесочки не сохранились.

Сопоставляя нашу серьгу с серьгами подобного типа и устройства видим, что ей не хватает той дужки, которая соединила бы в одно целое и утонченную часть стержня и обмотку, т. е. последняя есть нечто иное, как тот же стержень. Другая серьга, находившаяся слева у головы покойницы на куске толстого войлока вместе с другими предметами украшения, имеет форму колечка с незамкнутыми концами, один из которых изящно разветвлен в виде трех завитков. (См. рис. № 3).

Обе серьги весьма интересны—первая по величине и массивности и тождественной ей пока не встречено. Вторая выделяется по своей оригинальной форме.

Бусы—очень мелкие, голубого цвета, из стекла—составляют небольшую низку. Бусы такой же величины находятся в Саратовском Археол. Музее, взятые из женского погребения на Увекe, но там они из жемчуга и были напеты на боку ¹⁾.

Серебряные пластинки. Их взято четыре—очень мелкие, трапецевидной формы, из плохого серебра. Края пластинок неровные, точно обломанные, почему трудно сказать, составляет ли каждая из них нашивное украшение или это только части более крупных предметов.

Судя по месту находки, они были поясными украшениями.

Зеркало—из бронзы, довольно массивное, диам в 9,5 см. По краю широкий ободок, а с тыльной стороны узко с продетым сквозь него сыромятным ремешком, за который зеркало держалось. На этой же стороне имеется орнамент, состоящий из двух извивающихся лицевых рыб, причем каждая из них поглощает мелкую рыбу, которая своим длинным телом напоминает угря. Над хищниками изображена летящая птица.

Футляр для зеркала—предмет вообще интересный, и сопровождает он зеркало не только в погребениях Золотоордынской эпохи, но и значительно более ранних. В данном случае футляр или мешочек изготовлен из кожи и составлен из двух равных половинок, сшитых вместе. Внутренняя сторона его обложена грубоватой тканью, теперь имеющей серый цвет. Наружные поверхности футляра украшены замысловатым рисунком, вышитым красными нитками. Предмет сильно попорчен временем, вследствие чего характер рисунка уловить не удалось. Футляр стягивался довольно толстым красным шелковым шнуром, с кисточками на концах.

Белила. Они, в количестве около 20 грм., вышаны в кошанный мешочек, свернутый на подобие кисета с табаком. Белила с мешочком хранились в одном футляре с зеркалом, и во избежание порчи полированной поверхности, были положены с орнаментированной стороны.

Иресь—деревянный, двурядный, хорошей работы с орнаментом в виде кружков с точкой по середине.

¹⁾ Золотоордын. Отд., т. 2441.

В Саратов. Археол. музее имеется деревянный гребень, найденный при женском погребении на Увек. Орнамент этого гребня тоже кружковой, но в более усложненной композиции ¹⁾

Из предметов, относящихся к украшениям, остается упомянуть об одном, ни формы, ни назначения которого определить пока невозможно. От него сохранились пять ромбиков и шестой распался. Ромбики выделаны из тонких деревянных пластинок одинакового размера — по диагоналям — 7 и 4½ см., с обеих сторон обшиты очень тонкой шелковой тканью красного цвета. Ткань по краям ромбов прошита нитками того же цвета. Следов другого материала, к которому ромбики могли быть придаточным украшением, не сохранилось. Два из многих возможных сочетаний ромбиков таковы: или это что-то вроде звездообразного украшения или они составляли ожерелье, свешивавшееся на грудь.

Аналогии к данным ромбикам пока не нашлось.

Нож—железный, узкий, однолезвийный, длиной в 25 см., в деревянных ножнах и таковой же ручкой. Его, как вообще все ножи, можно условно отнести к предметам быта, т. к. он мог быть и оружием, и предметом домашнего обихода.

Игольник—деревянный, конической формы, на широком конце имеется отверстие, куда вкладываются на хранение иглы.

Иглы—железные, небольшие. Сохранилось их несколько, склеившихся вместе. Иглы распались вследствие ржавчины, а заостренные концы сохранились хорошо.

Утварь. К ней принадлежат черепок глиняного сосуда красного цвета и нечто вроде железной сковороды, круглой, с низкими краешками, сохранившейся лишь частично. То и другое лежало во входной яме.

Разбираемый курган дал три предмета, из которых каждому в той или иной степени можно приписать религиозное значение. Положение их при костяке было следующее: идольчик (см. рис. № 6) или бурханчик находился на груди, спущенный к животу, железная пластинка или условно называемая мной курильница—у лодыжки правой ноги, цилиндрический полый предметик у головы, слева с другими предметами украшения и быта. Бурханчик очень небольшой (дл. 2,5 см., шир. 2 см.) вырезан из тонкой пластинки низкопробного серебра, большеголовый, с руками, похожими на крылья птицы и ногами в виде усеченного конуса. Признаков частей лица незаметно.

В качестве случайных находок на Увек четыре идольчика имеются в Саратов. Арх. Музее ²⁾, но они из меди и вдвое больших размеров. Относятся ли они к данной культуре—неизвестно.

Каким образом бурханчик мог носиться покойницей? Имеющийся в нашем распоряжении этнографический материал указывает два способа ношения. Бурханчик мог просто нашиваться на одежду на груди, как нашиты идольчики на costume якутского шамана (матер. по этногр. Рос., т. 1, 1910 г., стр. 98), с той лишь разницей, что шаманские фигурки прикреплялись за отверстия, которые имеются в них. Или же бурханчик мог быть носим в мешочке, подвешиваемом на груди. У калмыков ламантов изображение бурханчиков имеется на внутренних стенках коробочки («Мирде»). Кроме того, в «мирде» заключался миниатюрный идольчик «Шутен», выделанный из смеси глины и песка и завернутый в шелковую ткань.

¹⁾ Золотоордынск. Отд. т. 2441.

²⁾ Золотоорд. Отд. витр. № 8.

Иногда подобный бурханчик заменялся четырехугольной, овальной или круглой пластиночкой с рельефным изображением бурханчика.

Курильница (См. рис. № 4). Такое название мною дано предмету, по существу пока неопределенного назначения, но иначе осмыслить я его не могу.

Сохранившаяся часть этого предмета такова: небольшая (7 см. диам.), неглубокая железная чашечка, по краям ее два отверстия, и в них остатки дужки. К дну чашечки как будто приварена железная же узкая полоска с овально-расширенным свободным концом, напоминая таким образом, ручку. После реставрации дужки получается предмет, который может очень хорошо подвешиваться. В таком случае ручка теряет всякий смысл, т. к. она должна будет сваливать чашечку на бок. При том же ручка прикреплена не к середине дна или ближе к краю, как хотя бы ручка ковши, а сбоку около одного из отверстий дужки и торчит неуместно. Поэтому «ручка», повидимому, не имеет никакого прямого отношения к чашечке, а составляет отдельный предмет, что-то в роде ложечки с истлевшею частью и прикипевшей к дну плоски.

Едва ли могла иметь какое-либо значение подобная чашечка в быту: как посуда слишком мала; слабо похожа и на чашечку весов.

Так как чашечка принадлежит язычнице, то можно свободно допустить, что она служила курильницей. Последняя на каком-либо шнуре подвешивалась, в чашечку клались угольки вместе с пахучим веществом, а ложечкой то и другое поправлялось. Чашечка, повидимому, могла и ставиться на угли, т. к. донышко ее носит следы золы.

Все сказанное об этом предмете—лишь предположение.

Упоминание о железной и медных чашечках находим у Эварницкого в его раскопках в Екатеринославской губ. (Тр. XIII Арх. с., т. I) чашечки встречались при погребениях обою пола и по отношению к костякам занимали различное положение: у головы, плеч, ног. Назначение этих вещей автором не выясняется.

Серебряный небольшой цилиндр с ушками. Это предмет очень простого устройства и техники, а именно, представляет собой тонкую пластинку из низкопробного серебра, свернутую в цилиндр, концы которого прикрыты наглухо штампованными с выдуплинами крышечками. Длина цилиндрика—10 см., диам. 3 см. По краям припаяны ушки для шнура, на котором предмет навешивался на шею.

Штампом на этой вещи оттиснут растительный орнамент в виде двух розеток и завитков вьющегося растения. (См. рис. № 5).

В Саратовском крае мы имеем в данном случае пока лишь единственную подобную находку.

Здесь не лишним будет вспомнить о канторге, частью которой, повидимому, и является описанный предмет.

Одна из простых форм канторги—ладонка у нас или мешочек на ремешке, заключающий в себе бусины, камешек, иногда, шкурку небольшой птички или мелкого зверя—у Оленых чукчей (Сборн. Музея по антропол. и этногр., т. II. СПб., 1901 г.). У указанных выше калмыков—даматов канторга до сих пор имеется. Представляет она серебряную коробочку с двумя дверками, внутренние стороны которых украшены изображениями бурханов. В золотоордынских погребениях Кубанской Области канторги довольно частое явление. Здесь и самый футляр и

печочка и подвесочки из серебра. Лицевые поверхности украшены тончайшей филигранью и сканью (О. Н. А. К. за 1896 г., рис. 69, 226а, 226б, 236а, 237б).

Богатые же капторги имеются из кладов восточных вещей Хв.—Гнездовского (Смоленской губ.) и Болгарского (Казанской губ.) (Толстой и Кондаков, Древности. V в., рис. 53, 122). Нужно оговориться, что предмет, изображенный на рис. 53, по словам авторов, может напоминать капторгу. Цилиндрические же со витампованным орнаментом, но другого характера, предметы встречены проф. Самоквасовым в Пятигорском округе, на Кавказе в погребениях той же эпохи, но здесь они гораздо больших размеров и несколько богаче. Представляет ли нами найденный предмет амулет или был просто украшением—трудно сказать.

Принадлежности конского убора. *Удила*—железные, обычной формы, с кольцами.

Уздечка—условное название частям предмета из железа, неясного назначения. Возможно, что их было два и служили для прикрепления поводьев к узде.

Стремена—железные, одно целое в виде арки с утолщенной и горизонтальной вершиной, в которой имеется прорезь для ремня, подножка горизонтальна. От другого сохранились часть подножки и дужки. Края подножки слегка отогнуты книзу. Разные стремяна нередкое явление в кочевнических погребениях. В Саратов. Археол. Музее в прежде вскрытых курганах наблюдается тоже (комн. золотоорд. эпохи, планш. № 2096, 2503) как увидим дальше, стремяна не однородны и в Курнаевском кургане.

В ряду курганов, вскрытых в Саратовском крае в прежние года, имеются два, близкие по типу руднянскому.

Первый—раскопан в 1910 г., в Камышинском уезде А. А. Кротковым и Б. В. Зайковским¹⁾.

Второе подбойное погребение—женское—обнаружено Н. К. Шинкиным в 1920 г. около гор. Покровска²⁾.

В работе В. А. Городцова (Труды XIII Арх. С., т. I) есть указание на вполне аналогичные погребения, открытые Д. Я. Самоквасовым в Александровском у., Екатеринославской губ. и А. А. Карцевой в Ново-Московском у. той же губернии, причем в погребениях последнего были найдены две монеты Узбек хана. Тем же автором делается ссылка и на академика Лепехина, отмечавшего в XVIII стол. подбойные могилы у татар (Дневные Записки акад. Лепехина, 1768—1769 г., второе издание, СПб, 1795 г., стр. 185). Кроме того на существование подбойных могил у татар есть указание и у путешественника первой половины XIII стол. Плано Карпини.

На основании сравнительного материала В. А. Городцов считает возможным отнести открытое им погребение к татарам. Тем самым и для нас устанавливается возможность принадлежности руднянского погребения к той же этнической группе.

Если обратимся к погребениям с конем, которые принято относить к торкам,—печенегам и, возможно, половцам,—там ни одной подбойной могилы не найдем, хотя погребальный инвентарь часто гораздо богаче таковых же указанных погребений.

ВТОРОЙ ТИП составляет погребение в кургане близ с. Суслы (Герцог) на р. Б.-Карамане. Могильная яма в форме длинного узкого прямоугольника с закру

¹⁾ Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 30, 1913 г.

²⁾ Труды Сар. О-ва Ист., Арх., Этнол., вып. 34, ч. 1, 1923 г.

гленными краями. Характерною особенностью ее является то, что в западной части она несколько расширена.

Длина могилы 2,16 м., ширина в средней части 72 см., глубина 1 м. 36 см.

Гроб составной. Боковины и крышка его были собраны из луба, причем крышка поддерживалась над гробовищем чегырьмя не толстыми поперечинами. Вместо дна служила подстилка из толстого войлока. В западной части гроб, как и могила, шире.

В гробу на спине, с вытянутыми конечностями помещался скелет женщины низкого роста (151 см.) средних лет.

Могильный инвентарь.

Головной уоор. Покойница имела шапочку или шитую из парчевой ткани или окантованную ей, т. к. кусочки этой ткани сохранились вместе с серьгами-привесками.

Две серьги—из бронзовой проволочки в виде знака вопроса, небольшие (дл. 2,5 см), с простыми стержнями, на которые насажены жемчужные глазки.

Бусы—их две. бочковидной формы, довольно крупные, из пасты темно-синего цвета с желтыми глазками в красных ободочках.

Тип подобных бус широко распространен в Золотоордынскую эпоху. Среди большого количества бус с увекского селища, хранящихся в Сарат. Арх. Музее, есть одинаковые по форме данным бусам, но по материалу и технике изготовления резко отличаются—они из стекла и грубы.

Раковины. В грудной полости скелета, где находились и бусы, были две раковины *Cirgaea moneta* с просверленными концами.

Зеркало—из бронзы, очень небольшое (диам. 6 см.), тонкое с легким ободком по краю и маленькой выпуклиной в центре. Сбоку у зеркала—ручка трапецевидной формы, составляющая с ним одно целое.

В женском погребении, вскрытом в 1921 году близ г. Пугачева, Самар. губ. найдено зеркальце почти тождественное нашему ¹⁾. В Сарат. Этногр. Музее среди круглых металлических зеркал одно отличается от Суловского только составом металла.

Футляр для зеркала—из кожи, с грубой матерчатой подкладкой.

Нож—железный, с деревянной ручкой, однолезвийный, длиною вместе с рукояткою около 22 см. Лежал он с правой стороны у пояса.

Игольник—деревянный (утерян).

Копье—железное, листовидной формы, с плоским насадом, длиною всего в 21 см. причем длина пера 7 см., ширина 7 см. Оно лежало слева у головы покойницы, острием к З. и было положено, повидимому, без древка, т. к. на насаде не сохранилось ни малейших следов дерева.

В перечне погребального инвентаря данного кургана остается упомянуть еще об одном предмете, именно: под нижней челюстью покойницы находилась серебряная монета Тохтогу-хана.

Обычно встречающиеся при золотоордынских погребениях монеты лежали в гробу или на нем.

Погребения, аналогичные приведенному по устройству могильной ямы, отмечены в раскопках П. Н. Шишкина около гор. Покровска в 1919 и 1920 г.г. ²⁾.

¹⁾ Отчет о раскопках кург. в окрестн. гор. Пугачева в 1921 г. Отчет опечатан на машинке и хранится в библиотеке О-ва «Ист. Ар. Этн.».

²⁾ См. Труды Сар. О-ва Ист., Арх. и Этн., т. 34, в. 1.

ПОГРЕБЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ТИПА дали курганы близ с. Лысые Горы, Аткар. у. и с. Курнаевки—в Заволжье.

Астроитство могил не носит каких-либо характерных черт. Они или сильно удлинены и сужены настолько, что человек с трудом может повернуться в них. Могила с значительно закругленными краями (Лысые Горы), длина—3,34 м, шир. 68 см. и глубина 1,08 см. или несколько короче и шире (Курнаевка)—длина 2,60 м, ширина 85 см. и глубина 85 см., но зато на стенках могилы Лысогорского кургана отчетливо сохранились отпечатки железного орудия в форме овальной лопаточки, шириной в 13 см., которой была выкопана могила.

Лысогорский курган имел гроб, состоявший из двух долбленных дубовых колот крышки и гробовища. Гробовище плоское, глубиной в 14 см., крышка округлая, высотой 9 см. Обе части были скреплены четырьмя железными скобами.

В гробу помещалась женщина неопределенного возраста и роста (кости в большей части превращены в порошок), ориентированная головой на С.-В.

Головной убор. Кроме шапочки, выделанной из шелковой или тонкой шерстяной ткани, остатки которой прикрывали череп костяка, сохранилась еще берестяная трубочка, составлявшая, как и в руднянском погребении вместе с шапочкой «бокву». Способ изготовления трубки тот же, в такую же ткань она была обернута, но в отделке и украшении беднее предыдущей. От последней она отличается резко еще тем, что состоит из одного слоя бересты. Трубочка сохранилась почти полностью, длина ее около 16,5 см., ширина 4 см.

Остальные вещи покойницы были сложены в одном месте—слева у плеча.

Серьга-привеска—бронзовая в форме замкнутого колечка с нанизанной на нем жемчужиной.

Зеркало—из бронзы, небольшое (диам. 6 см.) с отломанной ручкой, с тонким ободком по краю, орнаментировано изображениями четырех драконов с итичьими носами и головами.

Футляр зеркала—очень беден, шит из грубой полуразорванной шерстяной ткани красного цвета.

Гребень—деревянный, двуридный, грубый, в грубом же матерчатом красном футляре.

Нож—железный, однолезвийный с деревянной ручкой. Сохранившаяся часть всего ножа имеет 11 см.

Ножницы—железные, стержневые, с незамкнутыми кольцами и окржавевшими концами—дл. около 21 см.

Игольник—в виде короткой круглой палочки с отверстием на одном конце для хранения иглока.

Шильце—железное, круглое, прямое с остатками деревянной ручки.

Покойник кургана близ с. Курнаевки был, повидимому, положен без гроба, т. к. от последнего не имелось ни каких следов, на спине, вытянуто, головой на З. Костяк принадлежал мужчине лет сорока, высокого роста (180 см). Данный случай, как и в Рудне, представляет погребение с конем, хотя неполное. В головах покойника лежал крестец лошади, а в ногах части седла и стремена.

Украшения серебряные, четыре-угольные маленькие пластинки аналогичные руднянским. Пластинки—блестки, повидимому, были нашиты на одежду и ближе к плечам, где они найдены.

Сабля—железная, лежала у правой руки клинком, повидимому, вниз. Ни форму ни размер ее установить не удалось, т. к. от нее сохранилась лишь тень и то не от всей сабли, а только от эфеса.

Нож или кинжал—железный, длинный, узкий, однолезвийный, с бронзовой обоймочкой и деревянной ручкой. Нож был заключен в деревянные ножны.

Двое стремя—железные, арочные, с прорезью в верхней части и слегка опущенными подножками. Последняя у одного стремени с нижней стороны имеет продольную выпуклую бороздку, а края другой несколько отогнуты книзу. Высота стремян—13 см, ширина—14 см., ширина подножки—7 см.

Удила—железные, простой формы, меньшей массивности по сравнению с руднянскими.

Части седла. От деревянной основы его сохранилась масса глена. Из железных частей имеются: *два кольца*—довольно крупные с язычками, со следами дерева на последних, *пряжка* полуовальной формы. Кольца и пряжка служили для прикрепления седла к спине лошади.

Как будто не имеют прямого отношения к седлу два колечка с фигурными обоймочками. Обоймочки были прикреплены короткими заклепками к чему-то крытому тканью, а на колечках сохранились узелки от сыромятных ремешков.

Чтобы закончить описание вещей, приводим материал, аналогичный головным уборам курганов сл. Рудни и с. Лысье Горы.

Три берестяных трубочки дали курганы (№ 2, 7, 8) близ гор. Покровска в уже упоминавшихся раскопках П. Н. Шишкина ¹⁾.

Одна трубочка взята из Кургана в окрестностях с. Курдюма, Сарат. у. ²⁾.

Кроме того, почти целая бокка прекрасной сохранности имеется из богатого погребения на Увекке ³⁾.

В Золотоордынских погребениях Кубанской области и Пятигорском округе Кавказа встречаются бокки иного характера. Здесь берестяная трубочка заменяется таковой же из металла—серебра или стержнем из серебра или золота. Трубочка в виде длинного конуса и на вершине, как и стержень, имеет украшение в форме полумесяца.

Итак, Археологические поездки 1924 года дали ряд новых пунктов по бер. р.р. Медведицы, Щелкана и Еруслана более или менее оседлой жизни кочевника Золотоордынской эпохи.

Помимо остатков татарских могильников, имеем несколько курганов, повидимому, принадлежащих им же.

Похоронный обряд в курганах не однообразен. Различия касаются, гл. обр. устройства могилы и гроба.

Похороны сопровождаются тризной, и остатки номинального костра (зола, уголь) огребаются над могилой покойника.

¹⁾ Сарат. Арх. Муз., Золоторд Отд. т. № 2611, 3065, 3066.

²⁾ Там же т. № 3423.

³⁾ Описание и реставрац. бокки см. в ст. А. А. Кроткова «Раскопки на Увекке в 1913 г.», Тр. Сар. Уч. Ар. Ком. в 32, 1915 г.

Однообразные условия жизни вне дома сглаживают различия между мужчиной и женщиной. Оба при переселении, в погоне за дичью, в борьбе с врагом одинаково принуждены быть наездниками и вооруженными. По этой причине и с мужчиной и женщиной полагался в могилу конь (убитый, по видимому, в могиле же), целиком или частью, как символизирующего его. Затем седло со стременами, возможно колчан, ножи, заменявшие оружие и железное же копые.

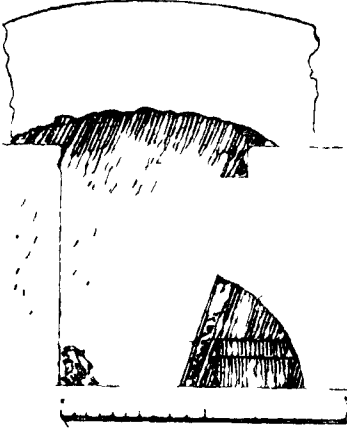
Кроме того, женщина выполняет обязанности и по дому, обшивая семью и т. д. и имеет сильную склонность к украшениям и туалетным принадлежностям.

Такова частично обнаруженная бытовая обстановка татар конца XIII и начала XIV столетий нашей эры ¹⁾.

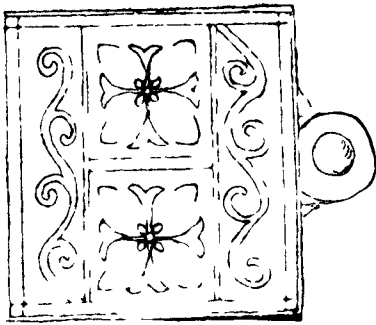
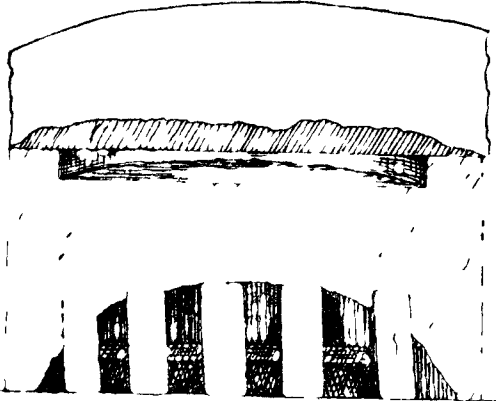
---

¹⁾ В работах, произведенных осенью 1925 г. бл. с. Блюменфельд, на р. Соленой Кубе (Респ. Нем. Пов.), снова были открыты погребения той же эпохи, а равно и в других районах, обследованных экспедицией того же года под руков. проф. Рыкова, вплоть до р. Урала.

C ← → JO
Pucen 1

9 ————— 3
Pucen 2

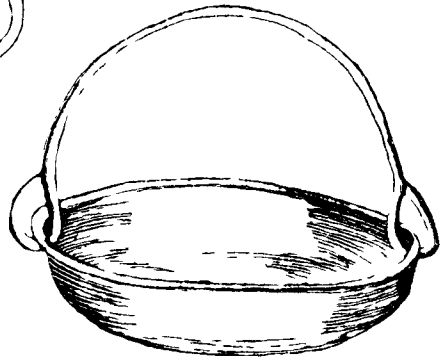
Pucen 5

Pucen 3

Pucen 6

Pucen 4

К ВОПРОСУ

о так называемой „Рогожной“ керамике

(по материалам Археологического Отдела Саратовского Област. Государствен. Музея)

Н. А р з ю т о в.

В пределах Нижнего Поволжья в течение ряда лет обнаружено не один десяток городищ и селищ, целиком или частично характеризующих культурой типа Городецкого городища. Большая часть их занимает непосредственно приволжскую полосу. Меньшая расположена по берегам таких рек, как Медведица, Терешка.

Некоторые городища, напр. № 4,¹⁾ как видно из дневника М. А. Радищева, дали почти целиком керамику с так называемым «рогожным» орнаментом, характерной для Городецкого городища, но на многих, главным образом, селищах и дольных поселениях, резко доминирует посуда, техника и орнамент которой типичен для бронзовой эпохи. Особенно это сказывается по мере движения к югу, напр., в Камышинском уезде, Саратовской губернии. Количество черепков с «рогожным» орнаментом по сравнению с гладкими того же типа в среднем гораздо меньше. Глина частью с примесью посторонних твердых веществ. Формовка сосудов ручная, что сказывается на неровности их стенок. Обжиг в большинстве сильный.

Сосуды плоскодонные и в основе двух типов: 1) банка с чуть выявленными плечиками, широким горлом, прямым, выгнутым, вогнутым или склоненным вместе с плечиками внутрь закрайками и 2) горшок—с сильно округлыми боками, резко выявленной шейкой и откинутыми наружу краями. Цвет посуды этого типа почти всегда темный. Оба основных типа дают промежуточные. Размер сосудов разнообразный—начиная от корчаг и кончая крошечными баночками.

Подводя перечисленные памятники целиком или в отдельных моментах под тип культуры Городецкого городища, тем самым мы вправе приложить и к керамике первых, объяснения своеобразия орнамента на керамике этого городища т. е. и здесь «рогожный» орнамент есть ничто иное, как отпечатки на стенках сосудов рогожи, ткани, а в иных случаях и сетки. Но ближайшее рассмотрение керамики с «рогожным» орнаментом, хранящейся в Отделе Арх. Саратовского Государственного Областного Музея принуждает колебаться в таком предположении.

Еще в 1923 г. проф. П. С. Рыкову пришлось заинтересоваться двумя черепками с селища близ с. Ст. Яблонки (б. город. № 17, по М. А. Радищеву). Хвал. у. Один из них закраек с частью боковины, снабженной рогожным орнаментом. Поверхность закрайка имеет поперечные вдавления от резкого нажима каким-то, по видимому, твердым орудием. Другой черенок тоже с рогожным орнаментом. Оба подобраны среди массы фрагментов посуды, типичной для бронзовой эпохи.

¹⁾ См. Тр. С. У. А. К., в. 31.

Второй черепок заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Он не правильно овальной формы, в 1 см. толщиной, 6 см. длиной и 3 см. ширины. Обжиг средний. Поверхность красная. Орнамент в виде решетки с прямоугольными ячейками, длиной в среднем 5 м./м., шириною в 4 м./м. Ячейки идут тесно, в несколько рядов по горизонтали и вертикали, к краям черепка сильно ступенчаты и сглажены. Внутренние стенки ячеек почти отвесны. Дно ровное. Вглядываясь в решетку, можно заметить, что она не есть результат отпечатка произведенного одновременно целиком, а составлена по крайней мере, из двух—трех частей. Несмотря на всю яркость решетки линии и ячейки ее не дают достаточной симметрии. В 1925 году мною были сделаны два образца—отпечатка на глине с обычной и крученой мочальной рогожи и при сравнении я. был весьма смущен тем, что мой, действительно, рогожный орнамент абсолютно не сходен с «рогожным» орнаментом черепков, хотя бы в основных элементах. Неудача объяснялась тем, повидимому, что взята была не та рогожа.

В 1926 году пришлось вплотную столкнуться с «рогожной» керамикой. Анализ вдавлений со стороны формы, глубины их, промежуточных полос, отделяющих один ряд клеток от другого, общий характер расположения клеток на более или менее значительных черепках и с отчетливым орнаментом привел к заключению, что «рогожный» орнамент ни в одном из 700 просмотренных черепков не имеет основного принципа всякой рогожи, ткани, плетенья, тканья. Отсюда невольно возник вопрос—имеет ли рогожа или ткань какое-либо отношение к «Рогожному» орнаменту и не воспроизводился ли он каким-либо другим орудием.

Произведенный опыт дал следующие результаты.

К уже имевшимся образцам-отпечаткам были добавлены отпечатки с коробка из лыка, плотной, искусной выделки, затем простого лаптя, с рогожи из бересты, сплетенной из узких полосок в двух видах—менее и более плотной, с переплета решета с нормальным расположением полосок и с сдвинутыми вплотную, с обычной ватолы, шерстяной крестьянской дерюги, разных видов мешочной ткани и ряда тканей более тонких. Род ткани сразу же приходится исключать, как орудие орнаментирования. На глиняных «лепешках» они оставляют овальные углубления с мягкими очертаниями с ясно заметными следами плетения или с диагонально идущими полосами, чего не наблюдалось в орнаменте черепков.

Ближе подходят образцы—отпечатки от рогожи, плотно выплетенной из узких полосок, но и здесь всякий, кто пожелает произвести опыт, увидит, что это сходство чисто внешнее и мимолетное. В данном случае следует обратить внимание на расположение клеток, устройство стенок и дна их, а также на характер перегородки, отделяющей один ряд клеток от другого.

«Рогожный» орнамент легко воспроизводится деревянным орудием, хотя бы в форме короткой палочки, имеющей на конце один, два, три и т. д. плоских или чуть округлых концев, расположенных в один, два, три ряда—безразлично—зубчиков.

Приведем ряд примеров. (Орнамент воспроизводился на глиняных «лепешках», подвергавшихся, затем после просушки обжиганию).

1) Планш. № 3236. Черепок с селища бл. с. Ст. Яблонки (бывш. гор. № 17), уже описанный выше. Воспроизведен орудием с 6 зубцами, расположенными в два ряда. Удары наносились осторожно, и довольно быстро. Подражание целиком обладает свойствами оригинала.

2) Планш № 2068, Хвалынский город. № 1. Закраек от банки. Наружная поверхность темно-красная. Орнамент из клеток 5 × 5 м/м., идущие по горизонтали и вертикали то симметричными, то несколько неправильными рядами. Выпуклые полосы, отделяющие один ряд от другого—широки—около 4 м/м. и больше. Ячейки не глубоки, но с резкими контурами.

Орнамент воспроизведен орудием, имеющим четыре зубца, клизу слегка конусом (явление естественное при вырезывании зубчиков ножом). Результат тот же, что и в первом случае.

3) Таже планшета с черепками с того же городища. Закраек банки с частью боковой стенки. Цвет красный. Орнамент состоит как бы из полуовальных полос, идущих параллельно закрайку, на расстоянии 5 м/м. друг от друга. Поперечными, так же выпуклыми перегородками образованы клетки, одной ширины, но неравной длины. Ширина горизонт. и вертикал. полос—больше 2 м/м., клетки—меньшие—в 5 < 5 м/м. Орнамент воспроизведен орудием в 4 зуб. в один ряд. Зубцы слегка конусом. Результат однородный с первыми двумя.

4) Планшета № 2448. Городище бл. с. Березников, Вольск. у. Шесть однородных черепков—боковины и закрайки от горшков. Поверхность черепков темная. Орнамент из крупных клеток, в среднем 8 × 8 м/м. вдавленность слабая. Перегородки, отделяющие один ряд клеток от другого, то полуовальные, то плоские и широкие. Все же контуры орнамента резкие. Воспроизведен орудием в три зубца, расположенных в ряд. Результат однородный с предыдущими.

Количество примеров можно увеличить до 700 приблизительно, т. е. до числа «рогожных» черепков, имеющихся в нашем распоряжении.

Обращает внимание еще другая сторона орнамента. Часто он спутан, обезображен. Вместо симметрично расположенных клеток представляется бугристая поверхность с целыми клетками, половинками их или только углами. Иногда же орнамент вдобавок сплюснен чем то.

То же наблюдалось и на керамике Городецкого городища. Это явление проф. В. Л. Городцов объясняет пеловкостью мастера, когда ткань рогожи сдвигалась, чем портила узор или грубые толстые ткани слишком сильно придавливались к стенкам сосуда, отчего орнамент получался плохой ¹⁾.

Для керамики, нами описываемой, опыт, сделанный согласно только-что указанному не находит аналогии.

Естественное объяснение спутанности, изуродованности орнамента находится в следующем. Частично он портился рукой человека, в чем пришлось убедиться, нанося чеканом орнамент на стенки воспроизведенного сосуда. Затем, если учащать удары чекана по глине, не соблюдая особой осторожности, то он будет бить по несколько раз почти по одному и тому же месту. Узор постепенно ступшевывается, наконец, поверхность черепка снова становится почти гладкой.

Приведем примеры:

1) Планш. № 2054. Городище Лысая Гора, бл. с. Алексеевки, б. Хвал. у. Часть боковой стенки сосуда баночной формы. Узор орнамента не имеет правильных очертаний, спутанный. Воспроизведен большим количеством часто и беспорядочно наносимых ударов чеканом в несколько зубчиков.

¹⁾ См. В. Л. Городцов «Русск. доист. керам.», стр. 94.

2) Планш. № 3589. Алексеевский городок, близ Саратова. Черепок от ба-
ночного сосуда. Поверхность сероватая. Орнамент сильно изуродован. Заметен ряд
углубленных полос, проходящих параллельно по черепку. Четыреугольные вдавле-
ния, то квадратны, то удлинены, крупные и крошечные, лежат на разных уров-
нях поверхности черепка.

Воспроизведение этого орнамента шло таким образом. По раз отчеканенным
узорам проходило штампом повторными ударами в одном направлении, отчего
получились вышеуказанные полосы. Ряд ударов сделали рябой и перегородки,
отделяющие одну полосу от другой.

В таком роде можно приводить примеров в количестве, кончая последним
черепком, но с тою оговоркою, что подобные узоры с их неправильными, при-
хотливыми очертаниями с достаточным приближением к оригиналу воспроизводить
весьма трудно, но здесь важно то, что характерные особенности оригинала сплоя
повторяются на глиняной «лепешке».

Такая порча орнамента говорит за то, что творец его не обладал достаточно
развитым художественным чутьем или не желал его проявлять на посуде, отчего
происходила торопливость в работе. Или же здесь еще сказывалось отсутствие чув-
ства меры, которое приводило к тому, что охотно украшаемый сосуд приобретал
со стороны узора совсем непривлекательный вид.

Приведем еще несколько деталей, касающихся рогожного орнамента. На ряде
черепков, узор которых вполне ясен, многие клеточки, или группами или
в разных местах, больше углублены с одной стороны, отчего ребры, разделяющие
полосы клеток, с одного бока обрывисты, а с другого—покаты.

Как на яркие примеры этого, можно указать на черепки с городища
близ с. Березников (Вольского у., инв. № 1658). Орнамент в обоих случаях
нанесен, вероятнее всего, орудием с одним двумя зубчиками, размером 3×5 м/м.
Как показал опыт, подобный факт объясняется тем, что и при стремлении держать
орудие всегда перпендикулярно к стенке сосуда или «лепешки», рука невольно
наклоняет его в какую-либо сторону, которая при нажиме углубляется больше,
нежели противоположная.

Штампая узор, человек невольно пропускал часть поверхности. На планш
№ 2451 на черепке с Вольского городища хорошо видно, как средняя часть его
не затронута штампом, между тем как следы его в виде резко углубленных узких
прямоугольников имеются вокруг. На черепке с городищ близ с. Березников
(Вольск. у.) это же явление выступает ярче (планш. № 1662). Видно, как орудие
то создавало целую рамку, то удар его приходился под углом по отношению к
предыдущим рядам клеток, чем оставалась часть поверхности гладкой. При орна-
ментировке шейки, непосредственно у закрайка сосуда, чекан держался какой-либо
своей стороной или параллельно закрайку (инв. № 2054, гор. на Лысой горе.
Хвал. у.) или (м. б. реже) косо, отчего образовывались на шейке углы, свободные
от орнамента (инв. № 2322, гор. № 4. Хвал. у.). Орнамент данного закрайка
воспроизведен.

Указанными примерами мы позволим себе ограничиться. Думается, что и их
достаточно, чтобы знать о настоящем виновнике, творившем «рогожный» орнамент
на посуде, найденной в пределах Нижнего Поволжья. Относительно материала, из
которого было изготовлено орудие, трудно сомневаться, т. к. им было, естественнее

всего, дерево. Но количество зубцов его для того или иного случая определить весьма затруднительно, и не только на настоящих черепках, но и на некоторых образцах-отпечатках, в чем пришлось убедиться на опыте. Для первых затруднение усиливается тем, что орнамент большинства черепков от времени и всяких воздействий утерял многие детали.

Выше уже было отмечено, что черепки с «рогожным» орнаментом часто встречаются с посудой, орнамент которой типичен для бронзовой эпохи. Этот момент отмечается и проф. Городцовым для Городецкого городища и проф. П. С. Рыковым для городищ и селищ Нижнего Поволжья.

Мало того, это явление приобретает постоянный характер по мере обнаружения все новых и новых памятников. Такое сожительство керамики «рогожной» и поздних культур бронзовой эпохи (Хвалынской) принуждает проф. П. С. Рыкова прямо говорить о существовании между ними какой-то связи.

Связь эта пока в пределах Нижнего Поволжья становится довольно ясной, если принять во внимание технику «рогожного» орнамента, о которой идет речь.

Уже не раз упоминавшееся селище бл. с. Ст. Яблонки (Хвал. у.) дало черепок, повидимому, от нижней части сосуда, сплошь и беспорядочно орнаментированный зубчатым чеканом, в форме длинной узкой лодочки с поперечинами (планш. № 3236). Здесь же на других черепках чеканом того же типа дан орнамент, обычной для бронзовой эпохи.

Из курганов «Хвалынской» культуры Заволжья имеются ряд сосудов, где чеканом предыдущей формы и несколько иным—они орнаментированы сверху до низу. В одном случае чекан не миновал и дна. Из кург. № 7, 2-го погреб. I кург. группы близ с. Фриденберг АССРНИ в 1925 г. взят сосуд (в обломках), у которого сохранившаяся часть, прилегающая ко дну, снабжена «рогожным» орнаментом. На других черепках того же сосуда чекан шел разреженным рядом, оставляя много свободных мест. Аналогию к орнаменту этого характера имеем с городища бл. с. Березников (Вольск. у., инв. № 1638). Сохранилась боковина сосуда без верха, с частью дна баночной формы. В части, прилегающей к дну, «рогожный» орнамент густ и отчетлив. Клетки чуть больше, нежели у сосуда из Фриденберга. Кверху орнамент поднимается как-будто веером, оставляя свободные места. Таким образом «рогожный» орнамент на керамике Нижнего Поволжья воспроизведен тем же орудием, которым так охотно пользовался человек бронзовой эпохи. Это тем более естественно, что некоторые формы чеканного орнамента отмечаются, как бытующие в раннюю пору железных орудий, проф. В. А. Городцовым (чекан круглый, полый, и даже зубчатый¹⁾).

Теперь остановимся несколько на керамике с так. наз. «сетчатым» орнаментом. у проф. В. А. Городцова род «сетки» включает два вида—узловатую сетку и плетеную.

Ни один из перечисленных нами памятников Нижнего Поволжья не дал черепков с орнаментом из узловатой сетки. Под категорию «сетчатый»—перевитой (плетеной) сетки (Дойст. керам., т. 6. XI. ст. 4) могут подойти три-четыре черепка, но и их орнамент легко воспроизводится более или менее толстой веревочкой.

¹⁾ В. А. Городцов.—«Русская доисторическая керамика» стр. 93

Таким образом, воспроизведен орнамент черепка с горел. бл. с. Березников (Вольск. у., пл. № 1662). Род ниточки и род веревочки сохраняется так же, как и у Городецкого городища. Для нас этот орнамент интересен со стороны техники его выполнения. Она была, повидимому, двойной. Помимо того, что веревочка, или ниточка, держались обеими руками, они, как показал опыт, могли быть протянуты по округлому концу деревянной пластинки (дощечки). Этим, во-первых, освобождалась одна рука и во-вторых, с большим удобством и быстротой можно было наносить орнамент на ярко выраженной шейке и откинутым наружу за крайкам сосуда (планш. № 2431, Чардым. гор. бл. Саратова). Нитчатый и веревочный орнамент на сосудах типа Городецкого не возбуждают сомнений относительно своей связи с такими же бронзовой эпохи (вернее, поздних моментов ее).

В рамках изложенного возможно сделать следующие выводы:

Указанного типа городища, селища Нижнего Поволжья в чертах, характерных для ранней поры железных орудий, содержат ряд элементов, непосредственно связывающих их с предшествующей культурой бронзовой эпохи. Эта связь устанавливается благодаря форме, технике, частично обжигу, орнаментации сосудов. Сюда же следует добавить предметы костяной и каменной индустрии, одинаково находимых, как на городищах, селищах, так и в курганах и типологически связанные. Район однородной культуры с каждым годом выясняется в Н.-Пов. шире; граница ее на юг опустилась в Камышинский у. и намечается уже в курганных погребениях Заволжья (50—60 в. от бер. Волги).

На существование какой-то связи между «Авалынской» культурой и культурой с «рогожной» керамикой проф. П. С. Рыковым уже указывалось ¹⁾.

Цель настоящей заметки и есть попытка уменьшить несколько неразгаданные моменты этой связи.

¹⁾ См. «Ученые Записки» Сар. Гос. Ун-та, в. III, 1924 г., П. Рыков „Результаты Археол. Исслед. в Нижн. Повол. летом 1923 г.“.

Археологические памятники

Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII—XVIII в.в.

А. А. Гераклитов.

В старинных земельных актах иногда встречаются упоминания, имеющие несомненный археологический интерес. Это—указание на те марты, курганы, городища и т. п., которые служили межевыми признаками при земельных отводах. К сожалению, такие «живые урочища» попадаются крайне редко. Тем больший интерес должны представлять они для исследователя, т. к. относятся по большей части к весьма отдаленному прошлому и могут касаться таких памятников старины, которые или уже исчезли, или неизвестны еще археологам. Последним весьма не часто приходится иметь дело с архивными документами и потому рассеянные в них «археологические» мелочи им недоступны. При занятиях в московских и местных архивах я отмечал все, что может представить интерес для местного археолога и в настоящей заметке публикуются те скудные данные такого рода, которые мне удалось собрать. Все они объединены тем, что относятся к определенной территории—Узинскому стану старого Цепзенского уезда—и к определенному времени—концу XVII, нач. XVIII в. Думаю, что несмотря на всю скудость предлагаемого материала он до известной степени может помочь как обнаружению еще неизвестных памятников прошлого, так и лучшему пониманию тех, которые уже известны.

В 1686—87 г.г. мордве деревень Тургакова и Сыресева отказана земля в урочищах: по речкам Калдаисе да по Сырне да по Наскавтому . . . . почин от речки Калдаиса вверх по обе стороны до вершин, а от устья Калдаиса по Суру вверх по правой стороне до Черемшанского бору и от него до Аляске Помры, от той Помры до Калдаисских вершин, от вершин до Черного леса и до вершин речки Мочима, от Мочима до вершин речки Изгермон, отсюда до вершин речки Наскав-тома, отсюда до *старого вала и до дуба у валовых ворот*, от дуба до р. Ексарк-на Суру и до первого почина.

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6493/13/62).

20 апреля 1689 г. станичные казаки получили на 100 служб порозжую землю дикое поле в Симбирском у. *ниже Торувского городища за Сурую и по Суру от Суфского городища* едучи Казачью дорогою через Ченсерский бор и по иным урочищам (далее в подлиннике вырвано несколько листов). В 1697 г. казаки были переведены в Петровск и Павловск, а в 1699 г. эта земля отведена кн. Б. А. Голицыну с сыновьями¹⁾. В 1702 г. у кн. Голицына здесь была, населенная его крестьянами, Торувская слобода с церковью Богоявления Господня²⁾.

В октябре 1689 г. мордвин д. Селиксы Налемасов просил об отводе ему в погон и оброк старинной дедовской вотчины по речкам Наскафтыму, Калдаису и

¹⁾ Казань. Отказные книги старых лет. № 6490/10,94.

²⁾ В. Холмогоров. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века. Симбирск 1898 стр. 15.

Армееву. «А в той де его вотчине на р. Армееве поляна на р. Кеплатке в верху поляна же Накужа, а за тою де поляною еще *две поляны на старом городище*» (Казань. Отказные книги старых лет, № 6492/12/71).

В июне 1692 г. мордовским мурзам д. Тургакова отведена в поместье земля по Узе «с устья речки Суляева и по той речке вверх по правой стороне до вершины, а от вершины через поля до Редкой Дубровы и слияги, а от слиягов Кувак Тюбяка, а от Кувак по крутым суходолам правая сторона наниз до *речки Ташкимеки и с каменными мечети* и наниз до Узы реки . . . ».

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6493/13/ 29).

В декабре 1692 г. симбирянину Дмитриеву отказано в поместье 50 четвертей порожжая земля по Терешке от устья р. Альпанки прямо через Терешку на Круглую Дуброву и отсюда до р. Алайки на вершину; от Алайской вершины вверх Терешке на Тазбалыцкие вершины и от них через черный лес *к Терешке Золотую Гору, на которой казачье старое каменное городище*, от горы через Терешку до устья речки Мазы.

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6490/10/76).

В отказе 1696 г. Пестровым, Ивановым и Скрыбиным порожжей земли по речке Тоштокомьяку в урочищах упоминается: «от реки Тоштокомьяка вверх идучи *ова мара* . . . до Делявинья врага».

(Сарат. истор. архив. дело серии «Сенат», № 1324—904).

Но отказным книгам 1698 г. Некрасову, Климову и Яковлеву отказано р. Волге в Змеевых Горах от Волги по нагорной стороне до Мокрого Буераку Буераком вверх через черный лес до речки Березовки, сю вниз до речки Альшан и *до Каменной мечети*, а от мечети до Волги. После эти урочища были дача с Воскресенского «в насильном завладении» крестьян этого села.

(Сарат. историч. архив, дело серии «Сенат» № 2980—2510).

В июле 1703 г. дворянину А. Г. Внукову сделан отвод земли от устья речки Кондоля вверх речкою Няньгою правую стороною, перешед два оврага, то третья оврага, а в том враге озерки от речки Няньги, вверх тем врагом правую стороною суходола, а суходолом через враг, а в том враге березы и бакалдины, а от того врага прямо *на курьян, а от курьяна* . . . до р. Кондоли.

(Сарат. историч. архив, дело серии «Сенат», № 1310—1606).

В мае 1738 г. П. С. Неклюдов продал кн. Юсупову 25 чет. земли в вершине речки Верговима по конец поля мордовской деревни Азраинной и Мачкас . . . по речке Вергозиму по средней вершине вверх идучи по левую сторону *на бошой мар, который имеется у Белой у Круилой у березовой дубравы* а большого мара на р. Чардым.

(Сарат. историч. архив, дело серии «Сенат», № 1310—1606).

При возобновлении старых меж, когда мордва д. Старой Шаткиной и поверенные смежников пошли «прямо через дорогу, что ездят д. Языковой из с. Пестровки в Камешкир через нашву д. Языковой и с. Пестровки *возле куста с маром*, оставляя его в левой стороне», то сторонние люди мордва показали об этом кусте, что «*поминно Быков, потому что исстари в том кусту, что с маром, мордваливались по своей вере и бивали быков*».

(Сарат. историч. архив, серия «Сенат», дело № 1324—904).